

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 17, № 1 • 2023

Тема номера:
ЕАЭС — ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ

Партнер журнала — Евразийская экономическая комиссия

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям :

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения (политические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2023
- © Все права защищены

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal

Vol. 17 No 1 • 2023

Topic of the Issue:
EAEU – CHALLENGES AND RESPONSES TO GLOBAL RISKS

Partner of the journal — Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.ejournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2023
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2023
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2023
- © All rights reserved

 It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, Председатель международного научного совета, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амиралли, заместитель Генерального секретаря ПА ОДКБ, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселолич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия, Москва), доктор политических наук, профессор

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

СКВОРЦОВ Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук (Китай, Пекин)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Leading Researcher of the Research Laboratory Institute for Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPA, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Chairman of the International Scientific Council, Chairman of the Board of the Eurasian Economic Commission, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPA, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Deputy Secretary-General, Secretariat of the CSTO Parliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELIDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Nur-Sultan)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPa, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

YEREMEEV Stanislav, Deputy of the Legislative Assembly of the Leningrad Region (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPa, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor, Academician of RANS

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

SKVORTSOV Oleg, Professor of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Laws (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in Saint Petersburg (China, Beijing)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
Том 17, № 1 2023

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

О подходах к политике опережающего развития ЕАЭС 9

ГЛАВНОЕ

Обращение Председателя Высшего Евразийского экономического совета,
Президента Российской Федерации Владимира Путина к главам государств —
членов ЕАЭС по случаю председательства России в органах Союза в 2023 году 13

Кротов М. И., Середа А. А.

Евразийский вектор — приоритет парламентской дипломатии России 16

ЭКОНОМИКА

Каюмов Н. К., Довгялло Я. П.

Роль инноваций в развитии экономики Республики Таджикистан 29

Рубцов Г. Г., Мисько О. Н.

Управление социально-экономическим развитием через инструменты социальной политики
Евразийского экономического союза (часть 1) 50

Сафонова Т. Ю.

Перспективы развития евразийской интеграции в области расширения экспортных грузопотоков
российского газа в дружественные страны на фоне эскалации энергетического кризиса в мире 64

ПРАВО

Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Румянцев А. С.

Авторское право и цифровой суверенитет 76

Скворцов О. Ю.

Об инвестиционном арбитраже БРИКС 89

ПОЛИТИКА

Искаков И. Ж.

О некоторых аспектах эволюции политических элит в странах Евразии 98

Ефремова М. С.

Роль ЕАЭС и ШОС в формировании пространства экологической безопасности в Евразии 110

Марышев А. А.

Сопряжение интеграционных потенциалов договорно-правовой базы ЕАЭС и СНГ:
современное состояние и перспективы совершенствования 119

Кугай А. И., Джамалов М. Ш.

Проблемы формирования инвестиционного климата в Республике Дагестан 126

Нечай А. А.

Роль «Пяти принципов мирного сосуществования» Китая в установлении многополярного
мироустройства 139

Ван Юнхао

Политико-экономическое положение китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии 148

Иванников Н. С., Правдина Е. Е.

Специфика внутреннего имиджа Китайской Народной Республики в новостных публикациях 156

Жусупова А. С., Калашникова Н. П.

Методология исследования националистического дискурса в полиэтнической среде 166

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

..... 179

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического
журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» 182

EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS

International scientific and analytical journal

Vol. 17 No 1 2023

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

On Approaches to the Policy of Advanced Development of the EAEU 9

MAIN

Address of the Chairman of the Supreme Eurasian Economic Council, President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Heads of the EAEU Member States on the Occasion of Russia's Chairmanship in the Bodies of the Union in 2023 13

Mikhail I. Krotov, Anatoly A. Sereda

The Eurasian Vector as a Priority of Russia's Parliamentary Diplomacy 16

ECONOMICS

Nuriddin K. Kayumov, Yana P. Dovgyallo

The Role of Innovation in Economic Development Republic of Tajikistan 29

Gennady G. Rubtsov, Oleg N. Misko

Sustainable Development Management through Social Policy Instruments of the Eurasian Economic Union (Part I)..... 50

Tamara Yu. Safonova

Prospects for the Development of Eurasian Integration in the Field of Expanding Export Cargo Flows of Russian Gas to Friendly Countries amid the Escalation of the Energy Crisis in the World..... 64

LAW

Viktor P. Kirilenko, Georgy V. Alekseev, Alexey S. Rumyantsev

Copyright and Digital Sovereignty 76

Oleg Yu. Skvortsov

About BRICS Investment Arbitration 89

POLITICS

Irlan Zh. Iskakov

Some Aspects of the Evolution of Political Elites in the Countries of Eurasia..... 98

Maria S. Efremova

The Role of the EAEU and the SCO in the Eurasia Environmental Safety Space Formation 110

Alexander A. Maryshev

Conjugation of the Integration Potentials of the Legal Framework of the EAEU and the CIS: Current State and Prospects for Improvement..... 119

Alexander I. Kugai, Magomed Sh. Jamalov

Problems of Formation of the Investment Climate in the Republic of Dagestan 126

Aleksandra A. Nechai

The Role of China's "Five Principles of Peaceful Coexistence" in Establishing a Multipolar World Order 139

Wang Yonghao

The Political and Economic Status of the Chinese Diaspora in Southeast Asia 148

Nikita S. Ivannikov, Evgeniia E. Pravdina

The Specifics of the Internal Image of the People's Republic of China in News Publications 156

Aiman S. Zhussupova, Natalia P. Kalashnikova

Methodology for the Study of Nationalist Discourse in a Multi-Ethnic Environment 166

EURASIAN CHRONICLE

..... 179

For the authors of the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics"

Rules for the design of articles accepted for consideration by the editors of the scientific and analytical journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" 182

О подходах к политике опережающего развития ЕАЭС



Несмотря на политизированные прогнозы МВФ об ожидаемом западными «партнерами» падении российской экономики вследствие «драконовских» санкций, 2022 г. завершился незначительным снижением ВВП, небольшим повышением инфляции и рекордным положительным сальдо торгового баланса, обеспечившим укрепление курса рубля. Сохранение макроэкономической стабильности в условиях беспрецедентных санкций против России и Беларуси продемонстрировало высокую адаптивность ЕАЭС к резким ухудшениям внешних условий. Единое экономическое пространство Союза позволило предприятиям частично компенсировать ухудшение условий торговли с ЕС ростом взаимной торговли и кооперации, а своевременно принятые решения — смягчить его открытием параллельного импорта и переориентацией внешней торговли с Запада на Восток и Юг. Вместе с тем после взлета взаимной торговли и экономической активности в первые годы функционирования единой таможенной территории (2009–2011 гг.) сохранилась тенденция снижения совокупной доли государств ЕАЭС в мировой и евразийской экономике.

За период с 2015 по 2022 гг. ВВП государств — членов ЕАЭС в постоянных ценах увеличился на 5,7%, в то время как в соответствии с прогнозом прирост должен был достичь 22,8%. Средние темпы экономического роста в государствах-членах были существенно ниже среднемировых (1,2% против 2,9%). Замедление экономического роста даже по отношению к инерционному сценарию «Основных направлений экономического развития ЕАЭС» (ОНЭР-2030), утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) от 16 октября 2015 г., было обусловлено невыполнением показателей целевого сценария по наращиванию инвестиционной активности. В ОНЭР-2030 ставилась задача доведения доли валового накопления основного капитала в валовом внутреннем продукте Союза до среднемирового значения (25–26%). По итогам 2020 г. значение этого показателя увеличилось, составив в целом по Союзу 22,1% (в 2019 г. — 21,6%). Однако динамика инвестиций в основной капитал в 2020 г. была отрицательной, снижение составило по сравнению с 2019 г. почти 2%. Таким образом, рост относительного показателя достигнут не путем увеличения вложений в основные фонды, а за счет снижения ВВП.

В результате перечисленных выше факторов наблюдалось постепенное сокращение удельного веса ЕАЭС в мировой экономике. Если в соответствии с целевым сценарием развития предполагалось, что за период с 2015 по 2022 гг. общий удельный вес государств ЕАЭС в мировом ВВП увеличится с 3,7% до 3,9%, в мировой торговле товарами и услугами — с 2,3% до 2,5%, по обоим показателям произошло снижение до 3,5% и 2,1% соответственно. При этом в динамике экономического развития ЕАЭС существенно уступает быстрорастущим регионам нового центра мировой экономики в Юго-Восточной Азии, в результате чего снижается его вес в ШОС, где с 2015 по 2022 гг. общий удельный вес государств-членов по ВПП снизился с 13,5% до 11,6%, а по торговле товарами и услугами — с 14,8% до 9,2%. Имеющийся в ЕАЭС потенциал экономического роста и углубления интеграции не реализуется

в полной мере. За семь лет, прошедших после принятия ОНЭР-2030, макроэкономические показатели ЕАЭС, включая показатели взаимной и внешней торговли, изменились незначительно, связанность экономик государств-членов не повысилась.

В структуре импорта готовой продукции и прямых иностранных инвестиций высок вес машин и оборудования с овеществленными результатами НИОКР. Особенно велика роль импорта технологий и результатов НИОКР в сферах информационно-коммуникационных, биоинженерных, медицинских, машиностроительных и аграрных технологий. Это является следствием внешней технологической зависимости государств ЕАЭС, возникшей из-за разорванности воспроизводственных контуров национальных инновационных систем, в которых разрушено прикладное звено (конструкторские бюро, проектные и отраслевые институты), а также хронического недофинансирования исследований и разработок по сравнению с уровнем развитых стран.

Кроме очевидной технологической отсталости, уязвимость экономики ЕАЭС от внешних угроз предопределяется его периферийным положением в мировой финансово-торговой системе. Выполняя рекомендации МВФ, денежные власти государств — членов Союза держат национальные финансовые рынки открытыми для международных спекулянтов и малодоступными для большинства внутренних заемщиков из реального сектора экономики. Удерживая ключевую ставку выше средней рентабельности обрабатывающей промышленности, центральные (национальные) банки сдерживают кредитование производственных инвестиций. При этом финансовые власти искусственно удерживают денежную массу в спекулятивном обороте, систематически завышая доходность государственных долговых обязательств по отношению к рыночной оценке риска. В результате такого субсидирования международных кредиторов за счет государственного бюджета финансовый рынок выкачивает деньги из реального сектора экономики за рубеж, вместо того чтобы обеспечивать привлечение средств для финансирования внутренних инвестиций. Экспортируя в основном сырьевые товары, государства — члены Союза, по сути, оплачивают интеллектуальную ренту, содержащуюся в импортных высокотехнологических товарах, финансируя таким образом научно-технический прогресс в других странах. Положительное сальдо торгового баланса ЕАЭС не трансформируется в инвестиции вследствие крупномасштабной утечки капитала. В этом неэквивалентном внешнеэкономическом обмене ЕАЭС теряет более 100 млрд долл. в год (в 2022 г. — 240 млрд долл. только в России), которые могли бы использоваться для инвестиций в развитие экономики.

Международное инвестиционное сотрудничество тоже складывается не в пользу государств ЕАЭС, которые интегрально по счету капитала имеют отрицательное сальдо первичных доходов баланса иностранных инвестиций более 50 млрд долл. в год. Хотя в России в 2022 г., несмотря на противоправные санкции западных «партнеров», продолжалось выполнение перед ними финансовых обязательств и произошло их существенное снижение, едва ли столь добросовестное поведение стимулирует нерезидентов к наращиванию прямых инвестиций. Динамика прямых иностранных инвестиций по отношению к ВВП государств ЕАЭС отличается неустойчивостью с понижательной тенденцией.

Указанные зависимости в технологической и финансово-валютной сферах продуцируют значительное отклонение фактически сложившейся траектории экономического развития (инерционный сценарий) от параметров целевого сценария, реализуемых в настоящее время ОНЭР-2030 «Собственный центр силы». Несмотря на позитивные результаты интеграционного процесса и формирования единого экономического пространства ЕАЭС, пока не удалось приступить к реализации прогрессивного сценария развития вместо постоянно продлеваемого инерционного сценария, консервирующего достигнутый уровень без шансов на рывок. Вместе с тем выход на траекторию опережающего развития для нас является императивом: экономика Союза может и должна расти темпами выше среднемировых. Такой подход (темпы роста 4,5–5,5% годовых) закреплен в принятых ВЕЭС «Основных ориентирах макроэкономической политики государств — членов ЕАЭС на 2022 и 2023 годы». Это подразумевает опережающий рост инвестиций, раскрытие потенциала производственной кооперации, реализацию крупных инновационных и социально значимых интеграционных проектов с выращиванием союзных, мирового уровня, предприятий — лидеров в своих областях.

Для того чтобы инерционный сценарий развития Союза был преодолен, разрабатываемые в настоящее время проектировки ОНЭР-2035 исходят из учета закономерностей долгосрочного развития мировой экономики и полномасштабного использования научно-производственного потенциала, имеющегося в государствах ЕАЭС. Для осуществления научно обоснованной стратегии опережающего экономического развития в целях повышения уровня и качества жизни населения государств ЕАЭС предлагается использовать опыт успешной макроэкономической политики стран, совершивших в текущем столетии рывок в экономическом развитии и формирующих ядро нового мирохозяйственного уклада. Грамотное и научно обоснованное управление экономическим развитием в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов позволяет совершить подобный рывок и государствам ЕАЭС.

Имеющийся в государствах ЕАЭС производственный потенциал позволяет ежегодно наращивать выпуск продукции на 8% ВВП. Для этого, как показывает анализ зависимости между приростом инвестиций и ВВП, потребуется ускорение прироста инвестиций до 16% в год. Это возможно, как показывает анализ международного опыта и успешной отечественной практики, при условии форсированного наращивания кредитования инвестиций за счет внутренних источников. Для этого необходимо широкое использование центральными банками специальных инструментов рефинансирования институтов развития и коммерческих банков, уполномоченных кредитовать реализацию инвестиционных проектов, предусмотренных стратегическими планами экономического развития государств ЕАЭС. Наращивание целевого кредитования инвестиций и оборотных средств предприятий посредством специальных инструментов рефинансирования должно гарантироваться многосторонними инвестиционными соглашениями между предприятиями, банками и органами власти, составляющими основу индикативного планирования опережающего развития. **В отсутствие такого механизма целевого кредитования инвестиций выйти на целевой сценарий развития экономики ЕАЭС невозможно!**

Сохранение же тенденции стагнации валового накопления основного капитала в большинстве государств ЕАЭС повлечет продолжение падения веса ЕАЭС в мировой экономике. Если не переломить эту тенденцию в ближайшие несколько лет, то использовать «окно возможностей» для рывка в развитии экономики в период смены технологических укладов не удастся и на волне роста нового технологического уклада догнать ведущие страны мира будет едва ли возможно.

О целесообразности перехода к денежно-кредитной политике, ориентированной на рост инвестиций, свидетельствует опыт стран, успешно использовавших «окно возможностей» для технологического рывка. Все они прибегали к политике финансового форсажа при значительном кредитовании перспективных направлений экономического роста. Центральные банки этих стран становились банками развития, эмитируя финансирование централизованно спланированных инвестиционных проектов и программ (о чем я подробнее писал в книге «Китайское экономическое чудо. Уроки для России и мира. М., 2023»).

Внешнеэкономические связи ЕАЭС в процессе смены мирового хозяйственного уклада (МХУ), перехода от западного системного цикла накопления капитала к азиатскому и перемещения центра развития мировой экономики в ЮВА будут вне зависимости от санкций переориентироваться на страны Азии. Вместе с тем будет снижаться зависимость от США и ЕС, а сотрудничество с Китаем, Индией и другими странами ядра нового МХУ — усиливаться. Неопределенной остается степень внешней технологической зависимости государств ЕАЭС. Для ее преодоления необходимо резкое наращивание финансирования НИОКР и инвестиций в перспективные направления нового МХУ. Хотя эти направления определены в документах стратегического планирования государств ЕАЭС как приоритетные, их реализация предполагает создание достаточно мощных механизмов финансирования разработок нового технологического уклада и кредитования инвестиций в их широкое применение, модернизацию экономики на этой основе. Эти механизмы должны опираться на внутренние источники кредита, которые может обеспечить только ориентированная на цели наращивания инвестиций денежно-кредитная политика. Она должна быть встроена в систему стратегического управления долгосрочным развитием экономики, согласованную государствами ЕАЭС, исходя из интеграции их научно-технических потенциалов и конкурентных

преимуществ. Поэтому без создания комплексной системы управления развитием экономики, соответствующей принципам нового МХУ, государства ЕАЭС не смогут встроиться в его ядро и останутся на периферии мировой экономики под одновременным влиянием ее других центров.

Чтобы избежать неблагоприятного для Союза сценария развития, необходимо выстроить самодостаточную, опирающуюся на внутреннюю ресурсную базу, систему планирования, что позволит вырваться из тисков инерции (сценария «статус-кво») и реализовать сценарий опережающего развития. Именно эта задача была определена 23 января 2023 г. в Обращении Председателя Высшего Евразийского экономического совета, Президента Российской Федерации Владимира Путина к главам государств — членов ЕАЭС по случаю председательства России в органах Союза в 2023 г.: «Полагаем целесообразным... уже в текущем году приступить к подготовке новых документов стратегического планирования, которые определяют основные векторы интеграционного взаимодействия на период до 2030 и 2045 годов». Поэтому, кроме горизонта планирования, связанного с принятием и реализацией Основных направлений экономического развития государств — членов ЕАЭС до 2035 г., нам уже сейчас следует задуматься над более долгосрочным горизонтом.

Повторюсь, мы можем это сделать, если национальные регуляторы, прежде всего в финансово-валютной и денежно-кредитной сферах, наконец воспримут союзное целеполагание и станут совместно с нами использовать имеющийся обширный инструментарий для стимулирования инвестиций в экономический рост. Так и выстроится единая союзная производственная кооперация.



Главный редактор
Сергей Глазьев

23.01.2023



Обращение Председателя Высшего Евразийского экономического совета, Президента Российской Федерации Владимира Путина к главам государств — членам ЕАЭС по случаю председательства России в органах Союза в 2023 году

С 1 января 2023 года Россия приняла председательство в Высшем Евразийском экономическом совете, Евразийском межправительственном совете и Совете Евразийской экономической комиссии.

С момента основания в 2015 году Евразийский экономический союз уверенно развивается, наглядно демонстрирует свою эффективность и востребованность. Абсолютный объем взаимной торговли государств — членом Союза за этот период увеличился на 60% и в 2021 году достиг исторического максимума в 73,1 млрд долл., а объем внешней торговли вырос на 46% — до 846,3 млрд долл. При этом с каждым годом во внутреннем торговом обороте Союза повышается доля несырьевых товаров с высокой добавленной стоимостью. Прирост совокупного ВВП в расчете на душу населения составил 28,7%, а доля платежей в национальных валютах приблизилась к отметке в 75%.

Наша тесная интеграция стала достойным ответом на такие обострившиеся в связи с пандемией и применением рядом стран нелегитимных санкций глобальные проблемы, как бедность, изменения климата, дефицит ресурсов, включая важнейшие из них — продовольствие, воду, энергоносители. Очевидно, что у Союза есть все возможности для того, чтобы стать одним из мощных, самостоятельных, самодостаточных полюсов формирующегося многополярного мира, быть центром притяжения для всех разделяющих наши ценности и стремящихся к сотрудничеству с ЕврАзЭС независимых государств.

Конечно, будем делать все возможное, чтобы способствовать дальнейшему углублению интеграции на всех направлениях — в политической, экономической, промышленной, финансовой и технологической сферах. В этой связи полагаем целесообразным вместе оценить ход реализации действующих «Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» и уже в текущем году приступить к подготовке новых документов долгосрочного планирования, которые определяют основные векторы интеграционного взаимодействия на период до 2030 и 2045 годов.

Очевидно, что одним из важнейших стратегических приоритетов совместной работы должно стать развитие технологического потенциала стран — членом ЕврАзЭС, достижение подлинной независимости

и самодостаточности в этой области. Предлагаем объединить усилия в разработке и внедрении передовых научно-технических решений в ведущие сектора экономики, такие как автомобильная и химическая промышленность, транспортное машиностроение, микроэлектроника, авиастроение, судостроение, фармацевтика, цифровые экосистемы, альтернативная энергетика, сельскохозяйственное машиностроение, биотехнологии и семеноводство.

Также на повестке дня — активизация взаимодействия в области цифровой трансформации. Так, в частности, запуск Интегрированной информационной системы ЕврАзЭС и наднациональных систем мониторинга обращения продукции позволит выявлять и убирать с союзного рынка небезопасные и некачественные товары. Необходимо ускорить процесс согласованного введения в государствах — членах Союза электронного юридически значимого документооборота, обеспечив правовые и технологические условия для взаимного признания таких документов. Важно, чтобы цифровые технологии и решения в сфере экономической деятельности внедрялись во всех странах ЕврАзЭС на базе единых принципов и подходов, которые целесообразно закрепить отдельным актом Евразийского межправительственного совета.

Наши страны обладают мощнейшей агропромышленной базой, позволяющей не только гарантированно обеспечивать себя всей необходимой сельхозпродукцией, но и экспортировать продовольствие в значительных объемах. В целях укрепления продовольственной безопасности предлагаем вместе разработать широкий комплекс мер, направленных на дальнейшее развитие сельскохозяйственной отрасли.

Отмечу, что ЕврАзЭС традиционно занимает лидирующие позиции и в энергетике. Безусловно, работа по созданию общих энергетических рынков должна проводиться и далее на системной и выверенной основе. Владение же самыми передовыми технологиями использования атомной энергии в мирных целях позволит уверенно решать проблему энергетического перехода.

Актуальной задачей видится последовательное снижение экономических рисков, которые создает для взаимной торговли использование иностранных валют и платежных систем. Исходим из того, что неотъемлемым условием стабильных расчетных отношений внутри Союза является подключение партнеров к Системе передачи финансовых сообщений Банка России и развитие межсистемного взаимодействия национальных платежных систем. Гармонизация финансовых рынков должна создать благоприятные условия для того, чтобы капитал стран-членов оставался внутри объединения и инвестировался в национальные экономики. Кроме того, считаем целесообразным изучить возможность образования Евразийского рейтингового агентства, которое обеспечивало бы оценочный инструментарий для обслуживания растущей экономической активности на территории нашего макрорегиона.

Дальнейшее углубление интеграционного взаимодействия будет во многом зависеть и от выравнивания конкурентных условий для предприятий Союза, в том числе за счет сближения налогового регулирования, внедрения передовых методов налогового администрирования, а также унификации таможенных процедур с применением системы управления рисками на наших внешних границах.

И конечно, предстоит продолжить работу по формированию новой транспортно-логистической инфраструктуры, в полной мере отвечающей современным экономическим реалиям. Особое значение сегодня приобретает развитие бесшовных, безопасных международных транспортных коридоров, связывающих государства — члены ЕврАзЭС.

Одним из ключевых аспектов интеграционного сотрудничества является подготовка квалифицированных кадров и создание новых рабочих мест. Евразийский рынок труда должен соответствовать масштабным задачам развития высокотехнологичных производств, внедрения цифровых технологий в производственные процессы. В этой связи важно стремиться к гармонизации национальных научно-технических программ, выработке общих образовательных и профессиональных стандартов, запуску совместных программ обучения и общих учебников по техническим и гуманитарным дисциплинам. Следует также развивать практику межвузовских стажировок и академических обменов. И в целом гуманитарная тематика — вопросы просвещения, культуры, спорта — не должна оставаться на периферии нашей интеграции. Конечно, при этом нужно активнее заняться популяризацией Евразийского экономического союза, его достижений и возможностей для всех граждан наших стран.

Особо подчеркнута важность выстраивания взаимовыгодного и равноправного сотрудничества Союза с внешними партнерами и международными объединениями. Налицо положительный эффект реализации действующих соглашений с третьими странами о свободной торговле. Намерены всячески содействовать завершению введущейся работы по аналогичным соглашениям с Египтом, Ираном и Индией, а также активизировать новые переговорные треки, в том числе с Индонезией и Объединенными Арабскими Эмиратами. Увеличению экспорта «союзной» продукции и построению новых логистических цепочек способствовало бы расширение географии международных связей и контактов ЕврАзЭС с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Наше объединение может сыграть роль одного из ключевых центров формирования Большого Евразийского партнерства.

Для решения всех этих масштабных задач потребуются совершенствование созданных нами национальных институтов — в первую очередь Евразийской экономической комиссии. В этой связи считаем востребованным расширение ее компетенций и рассмотрение предложений, касающихся делегирования ЕЭК больших полномочий. При этом все ключевые решения должны, как и прежде, приниматься на основе консенсуса. Данный принцип остается базовой ценностью, общим достижением и конкурентным преимуществом.

Более тысячелетия наши народы живут вместе и совместно осваивают свое географическое пространство. Единое понимание исторической судьбы, осознание многовековой хозяйственной связанности, сохранение и укрепление культурной и социальной общности народов стран Союза являются залогом успеха всей нашей деятельности.

Рассчитываем на тесное взаимодействие и поддержку со стороны государств — членов ЕврАзЭС в практической реализации приоритетов российского председательства в 2023 году. Убеждены, что вместе мы добьемся новых весомых результатов в развитии интеграционного сотрудничества на благо наших народов.

*В. В. Путин
Председатель Высшего Евразийского экономического совета,
Президент Российской Федерации*

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/obrashchenie-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-vladimira-putina-k-glavam-gosudarstv-chlenov-eaes-po-s/>

Евразийский вектор — приоритет парламентской дипломатии России

Кротов М. И.*, **Серeda А. А.**

Кафедра внешней политики России и стран СНГ МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

* e-mail: mi-krotov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4605-017X>

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности парламентской дипломатии России в условиях глобального противостояния с Западом. Показано, что приоритетом парламентского измерения должен стать ее евразийский вектор. Исследованы многосторонние и двусторонние межпарламентские отношения по формированию евразийского права и создание условий для деятельности евразийских судов и арбитражей. Раскрыты особенности работы евразийских парламентских институтов: ПА ОДКБ, МПА СНГ, Парламентского Собрания Союза Беларуси и России по экономической, политической, военной, гуманитарной интеграции на постсоветском пространстве.

Цель. Раскрытие содержания евразийского вектора парламентской дипломатии России как приоритетного в условиях глобального противостояния с Западом.

Задачи. Проанализировать особенности западного и евразийского векторов парламентской дипломатии России; исследовать формы и методы парламентской дипломатии на постсоветском пространстве; определить пути усиления роли парламентского измерения в процессах евразийской интеграции.

Методология. Системный подход, сравнительный анализ, обобщение практического опыта.

Результаты. Исследование показало необходимость перехода к двусторонним формам межпарламентского сотрудничества России с недружественными странами Запада и эффективность многостороннего сотрудничества со странами Востока в целях развития евразийской интеграции. Обоснована актуальность создания парламентского измерения в ЕАЭС и завершения формирования парламентских институтов в ОДКБ и Союзном государстве.

Для цитирования: Кротов М. И., Серeda А. А. Евразийский вектор — приоритет парламентской дипломатии России. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023; 17 (1): 16–28. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-16-28>

The Eurasian Vector as a Priority of Russia's Parliamentary Diplomacy

Mikhail I. Krotov*, **Anatoly A. Sereda**

Academic Department of Foreign Policy of Russia and CIS countries of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

* e-mail: mi-krotov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4605-017X>

ABSTRACT

The article discusses certain special aspects of Russia's parliamentary diplomacy in the context of global confrontation with the West. It demonstrates that the Eurasian vector of the parliamentary dimension should become the priority thereof. The article researches multilateral and bilateral inter-parliamentary relations aimed at the formation of Eurasian law and the creation of conditions for functioning of Eurasian

courts and arbitration tribunals. Certain features of the work of Eurasian parliamentary institutions are revealed, such as: the CSTO Parliamentary Assembly, IPA CIS, the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia on economic, political, military, humanitarian integration in the post-Soviet territory.

Aim. Disclosure of the content of the Eurasian vector of Russia's parliamentary diplomacy as a priority dimension in the context of global confrontation with the West.

Tasks. Analyze features of the Western and Eurasian vectors of parliamentary diplomacy of Russia; explore forms and methods of parliamentary diplomacy in the post-Soviet territory; determine ways to strengthen the role of the parliamentary dimension in the processes of Eurasian integration.

Methods. Systematic approach, comparative analysis, compilation of the best practices.

Results. The study showed the need for a transition to bilateral forms of inter-parliamentary cooperation between Russia and unfriendly countries of the West and the effectiveness of multilateral cooperation with the countries of the East in order to develop Eurasian integration. The relevance of creating a parliamentary dimension in the EAEU and completing the formation of parliamentary institutions in the CSTO and the Union State has been substantiated.

For citation: Krotov M. I., Sereda A. A. The Eurasian Vector as a Priority of Russia's Parliamentary Diplomacy. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023;17 (1): 16–28. (In Rus.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-16-28>

1. О роли парламентской дипломатии

На современном этапе в условиях глобального противостояния России с Западом внешняя политика РФ должна коренным образом измениться. От политики «младшего партнера», политики «улучшения отношений с Западом любой ценой» мы должны перейти к полностью суверенной внешней политике, использующей не оборонительные, а наступательные дипломатические приемы, инструменты, формы. Это в полной мере должно относиться и ко всем направлениям парламентской дипломатии (ратификация международных договоров, проведение консультаций при назначении послов Российской Федерации в зарубежные страны, многостороннее и двустороннее межпарламентское сотрудничество, принятие заявлений, обращений, запросов по вопросам внешней политики) [3], особое значение которой нельзя недооценивать. Признанием роли парламентской дипломатии является присвоение председателям комитетов Государственной Думы по международным делам и по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Л. Э. Слуцкому и Л. И. Калашникову высшего дипломатического ранга России — Чрезвычайный и Полномочный посол¹.

Прежде всего, именно парламенты, ратифицируя основные международные договоры, создают нормативную правовую базу двустороннего и многостороннего внешнеполитического сотрудничества страны. Эта сторона международного сотрудничества недостаточно известна широкой общественности. Бытует мнение, что парламент России, в котором представлено поддерживающее правительство большинство, механически голосует за ратификацию подписанных президентом или представителями правительства договоров и соглашений. Между тем это не так, Государственная Дума имеет право делать заявления и оговорки при принятии законов о ратификации либо вообще отклонять такие законопроекты.

Например, при ратификации подписанной президентом России «Конвенции о Межпарламентской Ассамблее СНГ» Государственная Дума исключила закрепленное в этой Конвенции право указанной Межпарламентской Ассамблеи заниматься коммерческой деятельностью, и на территории России это право не действует. Другой пример — Государственная Дума седьмого созыва отклонила ратификацию семи двусторонних соглашений со странами СНГ, внесенных правительством. Парламентская практика

¹ Леонид Слуцкий и Леонид Калашников получили дипломатический ранг послов [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (сайт). URL: <http://duma.gov.ru/news/54855/> (дата обращения: 10.02.2023).

показывает, что Государственная Дума может существенно влиять и на сроки вступления в силу законодательных решений. Так, при ратификации законов о признании ДНР и ЛНР Государственная Дума своей поправкой сократила срок вступления в силу этих законов.

Большое значение играет скорость и характер публичного рассмотрения законов о ратификации международных договоров. Если речь идет о многосторонних соглашениях, то чрезвычайно важно синхронизировать этот процесс с национальными парламентами других стран — партнеров по соглашению. В противном случае эти соглашения не работают, что ведет к большим политическим и финансовым потерям. Так, вступление в силу подписанного в 1993 г. соглашения об учреждении Межгосударственного банка десятию странами СНГ предполагало обязательную ратификацию этого соглашения двумя третями стран-учредителей. Этот процесс затянулся на годы, в результате очень важный для интеграции банк бездействовал, а значительный учредительский взнос России был обесценен. Особую роль играет и дискуссия по обсуждению ратификации тех или иных международных соглашений. Она существенно дополняет и развивает внешнеполитическую линию страны по сотрудничеству с другими государствами в самых различных областях.

Важную роль парламентарии имеют и в других формах международного сотрудничества с учетом закрепленной в российском законодательстве специфики депутатского статуса. Кадровые дипломаты, при всем их высоком профессионализме, не обладают возможностью в своих заявлениях и действиях отклоняться от официально провозглашенной внешнеполитической позиции. Относительная свобода международной деятельности парламентариев не означает какой-то иной позиции, принципиально отличной от единого внешнеполитического курса страны. Все фракции, в том числе и оппозиционные, поддерживают этот курс. Вместе с тем независимость депутатов позволяет им работать на опережение: высказывать правильные по сути, но более радикальные мнения и осуществлять соответствующие действия, которые официальные лица страны не могут себе позволить [6]. Например, отдельные депутаты Государственной Думы в условиях введения внеправовых антироссийских санкций призывают к выходу из санкционного режима в отношении дружественных России стран: Ирана и Северной Кореи. Еще больший внешнеполитический резонанс имеет принятие жестких заявлений и обращений Государственной Думы по важным внешнеполитическим событиям. Даже если они не полностью учитываются исполнительной властью, заявления российского парламента дают необходимый аргумент президенту и правительству страны для проведения более сильной внешнеполитической позиции. Таким образом, парламентская дипломатия — самостоятельный вектор единой внешней политики страны.

2. Новые приоритеты во внешней политике

Необходимость разворота экономических, политических, военных, культурных и т. п. связей России от недружественных западных стран к партнерам на Востоке, включая Евразию, Африку, Латинскую Америку, формирует новые приоритеты во внешней политике, перенесение акцента на количественное расширение и улучшение качества дипломатического потенциала в Евразии. Дипломатические усилия в отношении с Западом отходят на второй план по сравнению с военными и контрсанкционными действиями. В то же время в современных условиях необходимо в кратчайшие сроки исправить имевшую место недооценку роли дипломатии на постсоветском пространстве. Мы должны как минимум обеспечить хотя бы паритет, а лучше приоритет по сравнению с западной дипломатией на пространстве СНГ (в посольстве США в Армении в десятки раз больше дипломатов, чем в российском посольстве в этой стране). Свой вклад в направлении лучших дипломатических кадров в страны СНГ может внести и Федеральное Собрание Российской Федерации при проведении консультаций с кандидатурами на высшие дипломатические должности за рубежом.

Новый подход к парламентской дипломатии предполагает ревизию многосторонних и двусторонних отношений с иностранными парламентами. Прежде всего надо определиться как с приоритетами участия России в международных парламентских организациях, так и с необходимостью в принципе ее участия в ряде этих организаций. Представляется, что сохранение членства в международных структурах,

где доминируют недружественные нам страны и принимаются антироссийские резолюции, недопустимо. Это придает легитимность таким решениям и накладывает на нашу страну обязательства по их учету. Российская Федерация прекратила свое участие в Совете Европы и вышла из всех договоров, принятых в рамках последней. Соответственно, Федеральное Собрание прекратило свое участие в Парламентской Ассамблее Совета Европы и вышло из состава Парламентской конференции Балтийского моря. Думается, что такую практику надо последовательно продолжать.

Прежде всего, вызывает вопросы участие российских парламентариев в Парламентской Ассамблее ОБСЕ. В этой организации доминируют страны НАТО и принимаются антироссийские решения. Аргументы о том, что надо сохранить возможность парламентского диалога в формате ОБСЕ, отрицаются политикой дискриминации прав российской делегации, которую даже не допустили к участию в пленарном заседании ПА ОБСЕ в Великобритании в 2022 г. Другие аргументы о необходимости сохранения миротворческих форматов по конфликтам в Нагорном Карабахе и Приднестровье не имеют прямого отношения к парламентскому измерению. Поэтому Федеральное Собрание вполне могло бы не участвовать и не финансировать ПА ОБСЕ при сохранении выборочного участия России в ОБСЕ в целом. Хотя и в этом формате у ОБСЕ в условиях глобального противостояния с Россией нет перспективы.

Политика разрядки международной напряженности после Хельсинки 1973 г. базировалась на примерно равном соотношении сил западных стран — членов НАТО, с одной стороны, и СССР и его союзников по Варшавскому договору, с другой. Сегодня, к сожалению, ни о каком паритете в ОБСЕ говорить не приходится, следовательно, эта организация фактически дублирует НАТО и потеряла актуальность для России. В отличие от Межпарламентской Ассамблеи СНГ, которая официально в 1999 г. осудила расширение НАТО на Восток и бомбардировки Югославии, и от Парламентской Ассамблеи ОДКБ, которая в 2022 г. осудила разработку и производство биологического оружия, Парламентская Ассамблея ОБСЕ систематически уходит от обсуждения этих явных угроз, фокусируя внимание на необъективной критике демократических процессов в Белоруссии и России.

Эффективность деятельности ОБСЕ за последние тридцать лет существенно приукрашена и даже мифологизирована. Это в первую очередь относится к Минской группе ОБСЕ по урегулированию нагорнокарабахского конфликта. К прекращению боевых действий в 1994 г. и освобождению военнопленных и заложников сторонами конфликта в 1995 г. Минская группа ОБСЕ никакого отношения не имела. Президент Российской Федерации В. В. Путин, восстанавливая историческую справедливость, отмечал, что бишкекские соглашения 1994 г. обеспечили прекращение огня в районе Нагорного Карабаха¹. Здесь решающий вклад внесла Межпарламентская Ассамблея СНГ, благодаря усилиям которой 5 мая 1994 г. председателями парламентов сторон конфликта и посредниками от МПА СНГ и Российской Федерации был подписан Бишкекский протокол (спикер парламента Азербайджана подписал протокол 8 мая 1994 г). 6 мая были прекращены боевые действия, а 12 мая было подписано краткое трехстороннее заявление военных о том, что во исполнение Бишкекского протокола они будут соблюдать режим прекращения огня. В дальнейшем планировалось в соответствии с указанным протоколом ввести в регион наблюдателей (международных), осуществить вывод войск с занятых (захваченных) территорий, возобновление функционирования коммуникаций, возвращение беженцев, продолжение переговорного процесса.

Справедливое урегулирование конфликта, повышающее роль России в Закавказье, совершенно не устраивало США и их союзников. Поэтому тогдашний министр иностранных дел России А. Козырев активно поддержал передачу осенью 1994 г. посреднических функций от России и СНГ Минской группе ОБСЕ, деятельность которой свелась к замораживанию конфликта. При этом вклад парламентариев России и СНГ в мирный процесс умышленно замалчивался. Бишкекский протокол — уникальный пример эффективного парламентского миротворчества, благодаря которому более двух десятилетий без разделительных сил и международных наблюдателей соблюдался режим прекращения огня в районе Нагорного Карабаха [7]. Международные парламентские организации западного типа: ПА ОБСЕ, Европарламент, ПА НАТО и др., претендуя на миротворческую роль, никогда не достигали таких результатов.

¹ Ответы на вопросы СМИ по ситуации в Нагорном Карабахе [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 17.11.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64431> (дата обращения: 10.02.2023).

Вызывают вопросы и другие формы деятельности ОБСЕ. Последняя ставит себе в заслугу вклад в демократизацию избирательных процессов в странах — членах ОБСЕ. Вместе с тем объективный анализ показывает, что самые передовые законодательные нормы в этой сфере разработаны и практически используются странами СНГ, где более двадцати лет действует Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств. Эта Конвенция также пример парламентской дипломатии, поскольку была разработана и внесена Межпарламентской Ассамблеей СНГ на подписание главам государств СНГ. ОБСЕ же и нелегитимно созданное при ней БДИПЧ, не имея объективных критериев оценки избирательных процессов в странах-членах, руководствуется двойными стандартами и политической ангажированностью. В результате главы государств СНГ в 2021 г. приняли заявление, а парламентарии ОДКБ в 2022 г. — рекомендации по законодательной защите электорального суверенитета¹.

Такой же критический подход должен проводиться при анализе целесообразности участия Российской Федерации в других международных организациях. При этом выход России и ее парламента из ряда многосторонних прозападных международных институтов должен сопровождаться переносом центра тяжести внешней политики на двусторонние отношения. В этом плане представляется спорным утверждение, что глобальные вызовы и угрозы могут быть решены только в многостороннем формате. В современных условиях при очевидном доминировании США в военно-политической сфере по отношению к их партнерам в Европе прямой двусторонний диалог Россия — США представляется более эффективным, чем какие-либо переговоры Российской Федерации с НАТО или тем более переговоры на площадке ОБСЕ.

В экономической сфере также представляется более оправданным двусторонний диалог с отдельными странами Европейского союза, чем с этой антироссийской организацией в целом. Поэтому призывы к восстановлению разрушенного Западом такого формата, как партнерство ЕС — Россия, необоснованны и не выгодны нашей стране. В диалоге с Евросоюзом в целом мы ставим себя в зависимость от позиции «злых антироссийских карликов»: Эстонии, Латвии, Литвы и ограничиваем возможности сотрудничества с Венгрией и некоторыми другими европейскими государствами.

Более рациональный подход характеризует западную дипломатию, где в течение последних тридцати лет Евросоюз и НАТО категорически отказываются от какого-либо диалога с СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и Союзным государством, выстраивая в соответствии с принципом «разделяй и властвуй» отношения с каждой постсоветской страной в отдельности. В этом плане Западом было сорвано намерение стран СНГ вступить во Всемирную торговую организацию всем вместе в формате Содружества или хотя бы одновременно. В результате прием в ВТО стран СНГ проходил в разные сроки и на разных условиях. В первую очередь в ВТО вступили Киргизия, Армения, Грузия, Молдавия, Украина и только потом Российская Федерация. Особенно строго выполнялась установка об опережающем приеме в ВТО Украины.

Основным приоритетом нашего парламентского измерения с недружественными странами также должны быть двусторонние отношения. Вместо финансирования прозападных многосторонних парламентских институтов следует принимать усилия для возобновления работы двусторонних межпарламентских комиссий с Францией, Италией и т. д. Произшедший выход парламента России из Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Парламентской конференции Балтийского моря, а также возможный отказ от участия в Парламентской Ассамблее ОБСЕ сделают работу отмеченных двусторонних межпарламентских комиссий актуальной и для западных стран.

Российская дипломатия за последние тридцать лет отличалась излишней осторожностью, боязнь обвинения во вмешательстве во внутренние дела стран пребывания, в основном оборонительным подходом. Представляется, что такое положение должно существенно измениться и наша дипломатия, обладая необходимым потенциалом, должна носить наступательный характер. Парламентская дипломатия уже активно и систематически работает с оппозиционными политическими силами и обществен-

¹ Рекомендации по совершенствованию законодательства в области обеспечения защиты электоральных процессов и суверенитета в государствах — членах ОДКБ [Электронный ресурс] // Парламентская Ассамблея ОДКБ (сайт). URL: <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-povershenstvovaniyu-zakonodatelstva-v-oblasti-obespecheniya> (дата обращения: 10.02.2023).

ными движениями на Западе и в ориентированных на него странах СНГ, формируя сторонников партнерства, а не конфронтации с Россией. Фактически российский парламент в рамках выработки внешнеполитического курса страны работает на опережение. Именно депутаты первыми развивали отношения с политическими силами Крыма и Донбасса, содействуя возвращению этих русских регионов Украины в состав Российской Федерации.

3. Евразийский вектор парламентского измерения

Парламентская дипломатия на постсоветском пространстве в первую очередь нацелена на углубление евразийской интеграции в экономике, политике, обороне и безопасности, культуре. Поэтому в отличие от межпарламентских связей с недружественными странами на пространстве СНГ наиболее актуально многостороннее межпарламентское сотрудничество в форматах Межпарламентской Ассамблеи СНГ и Парламентской Ассамблеи ОДКБ. Однако в рамках ЕАЭС приходится ограничиваться двусторонними межпарламентскими связями из-за отсутствия парламентского органа ЕАЭС.

Тем не менее сама природа евразийского права — это система международных договоров и соглашений, регулирующих экономическое сотрудничество пяти государств — членов ЕАЭС, т. е. многостороннее по своей природе международное законодательство (на 1 января 2023 г. включало 77 соглашений в рамках ЕАЭС и 8 соглашений с третьими странами). Поэтому отсутствие парламентской структуры ЕАЭС затрудняет синхронизацию процедур ратификации принятых соглашений и, что не менее важно, унификацию и гармонизацию национального законодательства на пространстве ЕАЭС.

Дело в том, что мало принять законы о ратификации какого-либо евразийского договора, важно затем привести национальное законодательство каждой страны ЕАЭС в соответствие с этим договором. Например, в 2018 г. Государственная Дума ратифицировала Договор о таможенном кодексе Евразийского экономического союза. В постановлении по этому вопросу Государственная Дума поставила перед правительством задачу — разработать новый закон о таможенном регулировании, а также внести изменения в сорок девять федеральных законов и порядка пятидесяти подзаконных актов (указов президента и постановлений правительства). Только при соблюдении этих условий российское национальное законодательство стало полностью соответствовать требованиям Таможенного кодекса Евразийского экономического союза. Аналогичную огромную законодательную работу проводили и парламенты Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии. Однако в отсутствие Евразийской Парламентской Ассамблеи межпарламентское согласование этой работы ни по срокам, ни по содержанию не осуществлялось.

Отсутствие парламентского измерения в ЕАЭС затрудняет и объективный процесс расширения полномочий Евразийской экономической комиссии. Ей некому выносить на утверждение бюджет ЕАЭС, который включал бы не только долевые взносы на содержание органов Союза, но и средства на межгосударственные программы в различных областях интеграции. В этом плане известным примером может быть бюджет Союзного государства, который утверждает Парламентское Собрание союза Белоруссии и России. Наконец следует отметить, что авторитет Суда ЕАЭС был бы, безусловно, выше, если бы каждую кандидатуру судьи утверждал евразийский парламентский орган, как это и было в предшественнике ЕАЭС — Евразийском экономическом сообществе.

Особенность нормативно-правовой базы ЕАЭС заключается в том, что в основном евразийском экономическом законе — Договоре о евразийском экономическом союзе (2014 г.) предусмотрен десятилетний период для окончательного снятия экономических барьеров, формирования всех сегментов единого экономического пространства, постепенного наполнения предусмотренными полномочиями Евразийской экономической комиссии. Другими словами, 1 января 2015 г. Договор о ЕАЭС начал действовать не в полной мере, сохранялось порядка 230 барьеров, которые постепенно снимаются. С 1 января 2017 г. заработал общий рынок лекарств и медицинской техники. С 2018 г. стала реализовываться ст. 32 Договора о ЕАЭС, предусматривающая единое таможенное регулирование, кодификацию таможенного законодательства, повышение наднациональной регулятивной роли Таможенного кодекса, приоритет электронного таможенного декларирования, сокращение сроков выпуска товаров с момента регистрации

таможенной декларации, отнесение к компетенции Совета Евразийской экономической комиссии вопросов установления стоимостных, весовых и (или) количественных норм беспошлинного ввоза на таможенную территорию Союза товаров для личного пользования. С 2021 г. завершены мероприятия по программе формирования общего электроэнергетического рынка. Важно также отметить доминирование в ЕАЭС евразийских технических регламентов, что создает важные условия для производственной кооперации и укрепления технологической безопасности и технологического суверенитета.

В 2024–2025 гг. предстоит принятие нормативно-правовой базы общих рынков нефти, нефтепродуктов, газа, а также финансового рынка. И перед парламентами государств ЕАЭС стоит еще много других сложных задач по законодательному обеспечению деятельности Евразийского экономического союза. В Обращении Президента Российской Федерации к главам государств — членов ЕАЭС среди приоритетных направлений российского председательства на 2023 г. выделены: достижение подлинной независимости и самодостаточности в развитии технологического потенциала; активизация взаимодействия в области цифровой трансформации; развитие межсистемного взаимодействия национальных платежных систем; сближение налогового регулирования и унификация таможенных процедур; формирование новой транспортно-логистической инфраструктуры; подготовка квалифицированных кадров и создание новых рабочих мест¹.

Определенные трудности развития ЕАЭС создает не только отсутствие в нем парламентского измерения, но и узко экономический подход. В этом плане важно, что в качестве приоритета российского председательства определена гуманитарная тематика: вопросы просвещения, культуры, спорта, которые «не должны оставаться на периферии нашей интеграции»².

Вторую по важности подсистему евразийского права образует нормативно-правовая база Организации Договора о коллективной безопасности. В рамках этой организации действует Парламентская Ассамблея ОДКБ, которая наглядно демонстрирует преимущества многостороннего евразийского парламентского измерения в области обороны и безопасности.

За прошедшие годы Парламентской Ассамблеей ОДКБ, прежде всего, внесен значительный вклад в синхронизацию процедур ратификации международных договоров, заключенных в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. В парламентах — большой объем работы, связанной с внутренним законодательством, поэтому на всех ее пленарных заседаниях, заседаниях парламентских комиссий обязательно контролируется состояние ратификации государствами-членами договорной базы Организации с учетом ее безусловной приоритетности. В результате интенсивной работы на сегодняшний день из 60 договоров, подписанных главами наших государств, 56 уже вступили в силу.

Однако, для того чтобы принятые в сфере безопасности договоры работали, необходимо, чтобы они, как это уже отмечалось в отношении ЕАЭС, не вступали в противоречие с национальным законодательством. В этой связи важным направлением работы Ассамблеи является деятельность по приведению в соответствие национального законодательства государств-членов с нормативно-правовой базой Организации. В этих целях Ассамблея разрабатывает и принимает модельные законы и рекомендации, нацеленные на соблюдение договорной базы ОДКБ (на 1 января 2023 г. принято 82 модельных акта ОДКБ).

Так, для того чтобы национальное законодательство ряда государств — членов ОДКБ соответствовало «Соглашению о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности», Парламентская Ассамблея ОДКБ приняла Рекомендации по внесению изменений и дополнений в национальное законодательство государств — членов ОДКБ для реализации указанного Соглашения в части, касающейся прохождения пограничных и таможенных формальностей и обеспечения транзита формирований по территории государств — членов ОДКБ. Благодаря учету этих Рекомендаций существенно улучшились национально-правовые условия функционирования коллективных сил ОДКБ.

¹ Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина к главам государств — членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 23.01.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70380> (дата обращения: 10.02.2023).

² Там же.

Однако оставались противоречия между национальным законодательством, статусом сил и средств системы коллективной безопасности в сфере международных полетов. Для разрешения этих противоречий на пленарном заседании ПА ОДКБ 30.11.2020 были приняты развернутые Рекомендации по совершенствованию законодательства государств — членов ОДКБ в области организации международных полетов авиации вооруженных сил, других войск и воинских формирований. Приведенный пример показывает как вклад Ассамблеи в повышение эффективности военного сотрудничества в рамках ОДКБ, так и непосредственную связь ее повестки с экономической интеграцией.

Модельные акты Парламентской Ассамблеи ОДКБ: об информационной безопасности, противодействии кибервызовам и угрозам, рискам по обороту виртуальных активов, неконтролируемому распространению криптовалют и иных электронных суррогатов платежных средств, подрывающих национальные финансовые системы, регулированию деятельности трастов на территориях государств-членов в целях противодействия финансированию терроризма, представляют интерес и для деятельности ЕАЭС.

Несмотря на эффективную работу ПА ОДКБ, следует отметить, что ее деятельность была бы еще более результативна, если бы был решен вопрос о статусе этой Ассамблеи. Первоначально она была создана как особый орган Межпарламентской Ассамблеи СНГ на основе решения Совета коллективной безопасности ОДКБ 2006 г. о развитии парламентского измерения ОДКБ в рамках МПА СНГ. С 2012 г. Устав ОДКБ предусматривает ее создание как независимого от МПА СНГ важного органа ОДКБ. Реализация этого положения Устава ОДКБ предполагает либо подписание соответствующего соглашения, либо утверждения положения о ПА ОДКБ Советом коллективной безопасности. Прошло десять лет, но в условиях обязательного консенсуса при принятии решений этот вопрос откладывается.

Наряду с нормативно-правовыми базами ЕАЭС и ОДКБ евразийское право включает и право СНГ, в которое входит Устав СНГ, порядка трехсот договоров и соглашений, более двух тысяч решений Советов глав государств и глав правительств СНГ. Право СНГ связывает государства — участники ЕАЭС и ОДКБ с остальными странами СНГ. Здесь отметим роль Договора о зоне свободной торговли (2011 г.), Соглашения о безвизовом передвижении граждан государств Содружества Независимых Государств по территории его участников (1992 г.), Договора о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (1999 г.) и т. д. Эти документы отражают более низкий уровень евразийской интеграции. Так, граждане Азербайджана, Молдавии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана на российском рынке труда не обладают теми социально-трудовыми правами, которые имеют граждане государств ЕАЭС. Это же относится и к установлению квот и ограничений на общем евразийском рынке товаров для стран, участвующих в соглашении об ассоциации с Европейским союзом.

Более низкий по сравнению с ЕАЭС и ОДКБ уровень интеграции СНГ в сферах экономики, обороны и безопасности не дает оснований для приуменьшения роли этой старейшей организации. Во-первых, оно политически и юридически связывает нейтральные и проевропейские страны СНГ с Россией и ее ближайшими партнерами. Интересно, что Грузия после выхода из СНГ в 2008 г. попросила сохранить ее участие в 74 договорах, принятых в Содружестве. Во-вторых, в отличие от ЕАЭС и ОДКБ, повестка которых строго ограничена, соответственно, вопросами экономики, обороны и безопасности, СНГ занимается всеми постсоветскими проблемами, в том числе гуманитарными.

Парламентское измерение Содружества представлено Межпарламентской Ассамблеей СНГ. Она обеспечила при переходе советских республик к другому социально-экономическому строю сохранение общего правового пространства. Это было сделано через разработку и принятие Межпарламентской Ассамблеей порядка пятисот модельных кодексов, законов и рекомендаций. Так, на базе принятых в 1994–1995 гг. первой и второй части модельного гражданского кодекса были приняты на 80% подобные гражданские кодексы в Азербайджане, Армении, Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистане, Узбекистане, Украине. На базе модельного закона об электронной цифровой подписи (2002 г.) в странах СНГ были приняты соответствующие национальные законы и осуществляется электронная торговля.

Поэтому рекомендательный характер принимаемых МПА СНГ и ПА ОДКБ модельных законов и рекомендаций не должен вызывать сомнения в их действенности. Документы, выносимые на ассамблею,

как правило, проходят межведомственное согласование. Решения на ассамблеях принимают полномочные парламентские делегации во главе с председателями парламентов. Сами принимаемые ассамблеями законы опираются на лучший законотворческий опыт всех государств-членов. Например, при разработке Рекомендаций ПА ОДКБ по вопросам конфискации имущества в интересах противодействия коррупции, противодействия терроризма и иным видам преступлений был использован опыт Республики Казахстан, белорусское законодательство использовалось в рекомендациях ПА ОДКБ по предотвращению чрезвычайных ситуаций, российское — в рекомендациях МПА СНГ по противодействию терроризму. На заседаниях обеих ассамблей и их комиссий специально рассматривается процесс имплементации в национальное законодательство модельных законов.

В условиях глобального противостояния с Западом необходимо существенно менять подход к разработке модельного законодательства. Прежде всего, надо критически относиться к западному национальному и международному праву, нельзя механически адаптировать его нормы в модельных актах. Это относится и к сомнительным рекомендациям, базирующимся на долларе Международного валютного фонда и Всемирного банка, использование которых до сих пор сдерживает экономический рост на постсоветском пространстве [2]. И также критически следует относиться к рекомендациям, основанным на чуждых нам ценностях Всемирной организации здравоохранения, ряда гуманитарных международных институтов.

Большой массив принятого за последние тридцать лет модельного законодательства предполагает его развитие не столько путем принятия новых законов и рекомендаций, сколько путем внесения изменений уже в действующее модельное законодательство. Это необходимо, во-первых, для того, чтобы исключить из типовых актов устаревшие и навязанные западными партнерами положения. Во-вторых, для гармонизации и сближения национального законодательства стран ЕАЭС и СНГ. Например, модельный гражданский кодекс СНГ, принятый путем адаптации к условиям СНГ Гражданского кодекса Нидерландов, обеспечил в 90-е гг. высокий уровень гармонизации национального гражданского права на постсоветском пространстве. Однако все страны СНГ, в том числе и Российская Федерация за десятилетия вносили в свои национальные гражданские кодексы сотни поправок. В результате уровень гармонизации законодательства стран СНГ в сфере гражданского права в настоящее время существенно уменьшился. Все это требует внесения в принятые модельные акты изменений, а на их базе соответствующих изменений в национальные кодексы.

Создание развитой системы евразийского права создает необходимые условия для формирования евразийской судебной системы. Это очень важно для обеспечения экономического и правового суверенитета России и других стран ЕАЭС. Сохранению доминирования Запада помогает ангажированная международная судебная система, о псевдосправедливости которой можно судить по абсурдному разрешению спора между Газпромом и Нафтагазом Украины, другим политизированным решениям. Поэтому в отношениях бизнес-структур стран ЕАЭС необходимо полностью исключить английское право, возможность рассмотрения хозяйственных споров в Высоком суде Лондона, стокгольмском и других западных судах и арбитражах. Созданный в столице Казахстана международный финансовый центр, работающий по английскому праву, не может стать финансовым центром ЕАЭС, где 75% взаиморасчетов между субъектами хозяйствования осуществляются в рублях.

Нам надо развивать евразийское право и создавать собственную структуру евразийских судов и арбитражей. В договорах Газпрома на поставку газа, РАО «РЖД» на предоставление транспортных услуг и т. п. должно быть предусмотрено рассмотрение споров в евразийских судах и арбитражах. В этом случае судебная практика будет соответствовать экономической природе контрактов, заключаемых в национальных валютах России и ее восточных партнеров [4; 5].

В 2010–2011 гг. при Межпарламентской Ассамблее СНГ был зарегистрирован Минюстом России независимый Международный арбитраж, в состав которого вошли тридцать ведущих юристов из всех стран СНГ. Возглавлял этот арбитраж известный российский юрист член-корреспондент РАН В. А. Мусин. Он имел огромный опыт защиты интересов российских госкомпаний в Высоком суде Лондона, представлял Россию в Европейском суде по правам человека. Однако этот евразийский арбитраж не был

задействован, поскольку оказалось, что ведущие российские фирмы зарегистрированы в офшорах, т. е. их споры с западными партнерами юридически были спорами субъектов иностранного права. В условиях прошедшей деофшоризации, возвращения ведущих российских компаний в российскую юрисдикцию очевидна востребованность системы независимых евразийских судов и арбитражей.

Поворот на Восток предполагает, что многосторонняя парламентская дипломатия не может ограничиваться только постсоветским пространством. Необходимо расширять рамки евразийского парламентского измерения. В этом плане уникален опыт работы Совещания спикеров парламентов стран Евразии. Этот новый международный парламентский институт был создан по инициативе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Парламента Республики Корея. С 2016 г. в Москве, Сеуле, Анталии и Астане прошли заседания этого Совещания, в котором постоянными сопредседателями определены спикеры Государственной Думы и Парламента Кореи. Запрос на такую общеевразийскую структуру показывает расширение ее участников с 19 парламентских делегаций в 2016 г. до 60 в 2019 г. В связи с пандемией COVID-19 Пятое заседание в Индонезии не состоялось. Однако очевидно, что работу этого общеевразийского межпарламентского органа необходимо продолжать.

Другой новой международной парламентской структурой могла бы стать Парламентская Ассамблея Прикаспийских стран. Ее создание способствовало бы успешной работе Транспортного союза Индии, Ирана, России (2001 г.) и в целом логистического коридора Север — Юг.

Чрезвычайно актуально развивать парламентское измерение ШОС, однако, в отличие от БРИКС, здесь пока парламентские институты не представлены. С учетом того, что больше половины членов ШОС являются членами ОДКБ, ее Парламентская Ассамблея могла бы придать парламентам других стран ШОС статус наблюдателя или партнера. Тем более что в качестве приглашенных в заседаниях ПА ОДКБ в разных форматах участвуют представители парламента Ирана, Всекитайского собрания народных представителей, а ранее активно участвовала нижняя палата парламента Пакистана.

Работая на опережение, реализуя целый ряд внешнеполитических инициатив, парламентская дипломатия, конечно, не должна подменять работу правительства и МИДа, делясь успешными внешнеполитическими проектами в целях поднятия их на более высокий общегосударственный уровень. Наиболее яркий пример такой практики — Санкт-Петербургский международный экономический форум. Первоначально, в 1997 г., этот форум организовывали Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Межпарламентская Ассамблея СНГ, затем с пятого форума к организации подключилось также Министерство экономического развития. Организация десятого форума с учетом его общегосударственного масштаба была передана от парламентариев Правительству Российской Федерации.

Другой менее известный пример — проведение в 2002 г. в Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей СНГ и ее в то время международными партнерами (Парламентской Ассамблеей Совета Европы, Парламентской Ассамблеей ОБСЕ и Европарламентом) глобальной международной конференции по противодействию международному терроризму. С учетом того, что обсуждение такого вопроса невозможно без участия представителей специальных служб иностранных государств, профессионально занимающихся борьбой с терроризмом, российские парламентарии по согласованию с руководством органов безопасности страны пригласили на эту парламентскую конференцию руководителей спецслужб со всего мира. В рамках конференции произошло совещание этих руководителей, и они договорились проводить такие встречи в России ежегодно. Тем самым парламентарии фактически инициировали создание очень важного инструмента международной координации борьбы с терроризмом.

Самый высокий уровень межпарламентского сотрудничества обеспечивается в рамках юридически оформленного в 1999 г. Договора о создании Союзного государства между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Однако его строительство, существенно активизировавшееся в последнее время, еще не завершено. Здесь особую роль играет Декрет Союзного государства «Об основных направлениях реализации положений сотрудничества Договора о создании Союзного государства (2021–2023 годы)». В соответствии с этим декретом необходимо выполнить 28 отраслевых союзных программ и существенно унифицировать российско-белорусское законодательство. В этом плане следует отметить

ратификацию в конце 2022 г. Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об общих принципах налогообложения по косвенным налогам. Этот договор — важнейшее условие реализации Союзной программы по гармонизации налогового и таможенного законодательства. Следует отметить, что впервые для координации действий сторон по реализации договора предусмотрено создание Наднационального налогового комитета.

Реализация союзных программ, безусловно, поставит вопрос и о более высоком уровне политической интеграции. Пока, как известно, парламентское измерение Союзного государства представлено Парламентским Собранием Союза Беларуси и России, то есть органом — предшественником Союзного государства (до 2000 г. существовал Союз Беларуси и России). Союзное же государство по договору о его создании должно иметь парламент. Союзное государство пока объединяет только Россию и Белоруссию. Вместе с тем Союзное государство открыто для других стран постсоветского пространства, в частности, наблюдателями в Парламентском Собрании Союза Белоруссии и России являются парламенты Абхазии и Южной Осетии.

Многостороннее межпарламентское сотрудничество создает лучшие условия для развития двусторонних связей. Так, на полях МПА СНГ и ПА ОДКБ по несколько раз в год проходят двусторонние встречи председателей парламентов постсоветских стран и председателей профильных комитетов, что способствует непрерывным межпарламентским контактам на самом высоком уровне. Если официальный визит российских спикеров в какую-либо страну СНГ осуществляется один раз за созыв (четыре — пять лет), то в рамках указанных межпарламентских организаций обеспечивается необходимая оперативность во взаимодействии.

В то же время в Государственной Думе с большинством парламентов стран СНГ созданы двусторонние межпарламентские комиссии, которые в соответствии с подписанными соглашениями обеспечивают сотрудничество по самому широкому кругу вопросов. В этих целях комиссии собираются по очереди в государствах сторон. Принципиально важно, чтобы парламентарии — представители этих комиссий были введены и в состав соответствующих межправительственных комиссий, что создаст необходимое взаимодействие между двусторонними внешнеполитическими комиссиями разных ветвей власти России.

Работу двусторонних комиссий дополняют «группы дружбы», которые в своей деятельности основной акцент делают на гуманитарном сотрудничестве. Таким образом, можно говорить, что за тридцать лет создана стройная система парламентской дипломатии в России.

Еще одно направление евразийского парламентского измерения — содействие партийно-политическому и гуманитарному сотрудничеству. Наряду с многосторонним и двусторонним межпарламентским сотрудничеством парламентарии России активно участвуют на постсоветском пространстве в межпартийном сотрудничестве. Здесь в первую очередь речь идет о партиях-партнерах, представленных в парламентах. Межпартийные соглашения воплощаются в межфракционное сотрудничество по принципам идеологической и социально-политической общности. Принципиально, что это сотрудничество развивается не только с правящими, но и с оппозиционными политическими силами, представленными в парламентах. Здесь как раз парламентарии заполняют ту международную нишу, которую дипломатические представители в полной мере не осуществляют. Определенная политическая нестабильность, смена правящих сил в ряде стран СНГ иногда приводит к власти оппозицию, порой радикальную. И важно, что по линии парламентского измерения с новыми правящими силами уже имеется необходимый контакт, что позволяет обеспечивать стабильность внешнеполитических связей. В целях развития межпартийного взаимодействия парламентариев Государственная Дума ежегодно проводит международную конференцию на тему: «Роль взаимодействия фракций политических партий и блоков в межпарламентском сотрудничестве стран СНГ». Интересно, что в этих конференциях наравне с депутатами других постсоветских стран принимают участие парламентарии Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья, а иногда и представители нейтральных политических сил парламента Грузии.

Наконец, к традиционным дипломатическим методам российские депутаты для решения внешнеполитических задач используют методы «мягкой силы», стремятся способствовать укреплению пози-

ций русского языка, консолидировать и защищать соотечественников. При этом важно ориентировать Правительство России на усиление гуманитарного вектора нашей международной политики. В этих целях в 2019 г. в Государственной Думе прошли специальные парламентские слушания, в ходе которых были выявлены проблемы гуманитарного сотрудничества. Это, во-первых, существенное сокращение сферы гуманитарного присутствия России, во-вторых, недостаточный внутривнутриполитический вес соотечественников, проживающих за рубежом, вследствие чего они слабо влияют на формирование позитивного имиджа России. В-третьих, необходимость кардинального изменения отношения к образованию в гуманитарной сфере России (подготовка иностранных кадров из СНГ в российских вузах, сотрудничество научно-образовательных центров, работа с российскими выпускниками, проблема деятельности финансируемых из нашего бюджета славянских университетов). Здесь наиболее эффективно работают филиалы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В-четвертых, надо радикально улучшить работу с интеллектуальной, политической, экономической и культурной элитой зарубежных стран. В-пятых, необходимо шире привлекать российский бизнес, представленный в странах СНГ, для финансирования гуманитарных мероприятий в интересах России [1].

В итоговом документе парламентских слушаний было рекомендовано Правительству Российской Федерации разработать Концепцию о гуманитарной политике Российской Федерации как составной части внешнеполитической стратегии страны. И такая Концепция была утверждена Президентом Российской Федерации в 2022 г. В этом всеобъемлющем документе нашли свое разрешение многие вопросы, поднятые парламентариями. В дальнейшем реализация этой концепции будет определяться учетом ее в федеральном бюджете и бюджетах субъектов Федерации, а также в национальных законах и международных договоренностях.

Здесь также большой потенциал заключен в парламентской дипломатии. Например, важно через национальное законодательство России стимулировать статус русского языка в странах СНГ. Такой позитивный пример показывает законодательство о водительских правах иностранных граждан, работающих в России, которые обязаны иметь не национальные, а российские водительские права. По инициативе Председателя Государственной Думы В. В. Володина в это законодательство была внесена поправка, делающая исключение для граждан стран, где русский язык имеет статус государственного или официального. Это автоматически разрешило работать по национальным правам в России гражданам Белоруссии, Киргизии и Казахстана. А вот граждане других стран, в том числе и ЕАЭС, должны для работы водителями получать российские права. К сожалению, такие примеры единичны, и при решении предоставления торгово-экономических и военно-политических преференций нашим партнерам правительственные органы России в отличие от западных структур недостаточно учитывают отношение этих стран к русскому языку, правам наших соотечественников, возможности трансляции российских СМИ и т. д. Между тем недооценка гуманитарного фактора представляет серьезную угрозу евразийской интеграции.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что для парламентской дипломатии, как и для дипломатии России в целом, главным приоритетом является участие в процессах строительства архитектуры евразийской интеграции.

Литература

1. Белеков И. И., Калашников Л. И., Кротов М. И. О гуманитарном векторе международной политики Российской Федерации на современном этапе // Проблемы современной экономики. 2019. № 2 (70). С. 6–10.
2. Глазьев С. Ю. Мобилизацией — по инерции либеральной лени. Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022; 16 (3): 9–10. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-9-10
3. Косачев К. И. Парламентская дипломатия в многополярном мире // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 1 (4). С. 26–31.
4. Кротов М. И. Евразийская интеграция — ответ модели западной глобализации // Разведчик. 2022. № 1. С. 18–21.

5. *Кротов М. И.* Россия и Евразийский экономический союз в условиях глобального экономического противостояния // Проблемы современной экономики. 2022. № 2. С. 9–14.
6. *Лихачев В.* Парламентская дипломатия [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2009. № 2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/122> (дата обращения: 10.02.2023).
7. *Шеримкулов М. Ш.* Парламенты за мир. Из опыта миротворческой деятельности Межпарламентской Ассамблеи Содружества. Бишкек, 1998 г. 320 с.

Об авторах:

Кротов Михаил Иосифович, профессор кафедры внешней политики России и стран СНГ МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор;
e-mail: mi-krotov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4605-017X>

Серeda Анатолий Александрович, преподаватель кафедры внешней политики России и стран СНГ МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);
e-mail: seredaanatoliy@yandex.ru

References

1. Belevkov I. I., Kalashnikov L. I., Krotov M. I. On the Humanitarian Vector in the Present-Day International Politics of the Russian Federation (Russia, Moscow). *Problems of Modern Economics* [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2019; (2 (70)): 6–10. (In Rus.)
2. Glazyev S. Yu. With Mobilization — by the Inertia of Liberal Laziness. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics* [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2022; 16 (3): 9–10. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-9-10
3. Kosachev K. I. Parliamentary Diplomacy in the Multipolar World. *Dialogue: Politics, Law, Economics* [Dialog: politika, pravo, ekonomika]. 2017; (1 (4)): 26–31. (In Rus.)
4. Krotov M. I. Eurasian Integration — an Answer to the Model of Western Globalization. *Razvedchik* [Razvedchik]. 2022; (1): 18–21. (In Rus.)
5. Krotov M. I. Russia and the Eurasian Economic Union in the Context of Global Economic Confrontation. *Problems of Modern Economics* [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2022; (2): 9–14. (In Rus.)
6. Likhachev V. Parliamentary Diplomacy [Electronic resource]. *International Affairs* [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2009; (2). URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/122> (accessed: 10.02.2023). (In Rus.)
7. Sherimkulov M. Sh. Parliaments for Peace. Lessons Learned from Peacekeeping Activities of the Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth. Bishkek, 1998. 320 p.

About authors:

Mikhail I. Krotov, Professor of the Academic Department of Foreign Policy of Russia and CIS Countries of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics, Professor;
e-mail: mi-krotov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4605-017X>

Anatoly A. Sereda, Lecturer at the Academic Department of Foreign Policy of Russia and CIS Countries of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation);
e-mail: seredaanatoliy@yandex.ru

Роль инноваций в развитии экономики Республики Таджикистан

Каюмов Н. К.^{*}, Довгялло Я. П.

Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан

* e-mail: sokol_tj@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В настоящей статье рассматривается роль инноваций в развитии экономики, изменении ее структуры и формировании новых рыночных условий. Сравнивается уровень инновационного развития среди стран СНГ на основании различных показателей.

Цель. Проанализировать современное состояние инновационного развития экономики Республики Таджикистан и сравнить уровень ее развития с другими странами СНГ.

Задачи. Определить влияние инноваций на экономический рост и их значение в развитии наукоемких производств, а в целом на повышение уровня жизни населения. Рассмотреть вклад инноваций на экономический рост в Республике Таджикистан.

Методология. В данной статье использованы сравнительный метод, метод обобщения и экспертного анализа.

Результаты. При рассмотрении роли и значения инноваций было выявлено, что выпуск новой продукции, внедрение в производственный процесс новой техники, технологии и методов управления, основанных на новых знаниях, не только способствуют социально-экономическому росту в стране, но и определяют ее более высокое положение в мировом сообществе и обеспечивают национальную безопасность. Поэтому в последнее время возросла роль фундаментальных и прикладных исследований, а также научных разработок и, что особенно важно, их практическое применение в производственном процессе.

Выводы. Во второй половине XX в. ученые наравне с экстенсивным и интенсивным типом экономического роста стали рассматривать и инновационный. Это было обусловлено тем, что инвестирование в информацию, науку, высокие технологии и коммерциализация новых знаний способствовали не только экономическому росту в странах, а сформировали предпосылки для начальной стадии постиндустриальной экономики или экономики, основанной на знаниях.

Ключевые слова: экономика знаний, инновационный тип экономического роста, инновационная деятельность, уровень инновационного развития

Для цитирования: Каюмов Н. К., Довгялло Я. П. Роль инноваций в развитии экономики Республики Таджикистан. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023; 17 (1): 29–49.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-29-49>

The Role of Innovation in Economic Development Republic of Tajikistan

Nuriddin K. Kayumov^{*}, Yana P. Dovgyallo

Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

* e-mail: sokol_tj@rambler.ru

ABSTRACT

This article discusses the role of innovation in the development of the economy, changing its structure and the formation of new market conditions. The level of innovative development among the CIS countries is compared on the basis of various indicators.

Aim. Analyze the current state of innovative development of the economy of the Republic of Tajikistan and compare the level of its development with the CIS countries.

Task. Determine the impact of innovations on economic growth and their importance in the development of science-intensive industries, and in general for improving the standard of living of the population. Consider the contribution of innovation to economic growth in the Republic of Tajikistan.

Methods. In this article, the comparative method, the method of generalization and expert analysis were used.

Results. When considering the role and significance of innovation, it was revealed that new products, technology or equipment based on new knowledge not only contribute to the socio-economic growth in the country, but also determine its higher position in the world community and ensure national security. Therefore, the role of fundamental and applied research, as well as scientific developments and, most importantly, their practical application in the production process, has recently increased.

Conclusion. In the second half XX century, scientists, along with the extensive and intensive type of economic growth, began to consider the innovative type. This was due to the fact that investing in information, science, high technology and the commercialization of new knowledge contributed not only to economic growth in developed countries, but formed the prerequisites for the initial stage of a post-industrial economy, or a knowledge-based economy.

Keywords: knowledge economy, innovative type of economic growth, knowledge commercialization, innovative activity, level of innovative development

For citing: Kayumov N. K., Dovgyallo Ya. P. The Role of Innovation in Economic Development Republic of Tajikistan. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 29–49. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-29-49>

Введение

Мировая практика показывает, что в последнее время экономический рост в развитых странах осуществляется не только за счет экстенсивных и интенсивных факторов производства, но и значительное влияние оказывает инновационная составляющая. Применение в производственном процессе новой техники, технологий и форм организации труда позволяет не просто производить новую продукцию и повышать конкурентные преимущества хозяйствующих субъектов, но и оказывает существенное влияние на функционирование всей национальной экономики в целом. Это выражается в структурных изменениях отраслей реального сектора экономики, финансировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) и инновационной деятельности, стимулировании предпринимателей, осуществляющих внедрение инновационных технологий, что способствует повышению производительности труда, улучшению качества жизни населения и переходу на более высокий технологический уровень экономического развития.

Инновации как движущая сила динамичного развития экономики

Инновации являются результатом интеллектуальной деятельности человека, которые получают воплощение в виде нового продукта, новых технологий, техники или форм организации производства. Инновационные продукты обладают более высоким научно-техническим потенциалом и новыми потребительскими качествами. Однако инновации проявляют себя только в том случае, если они коммерциализованы, иначе говоря, если новый продукт, новые технологии, техника или формы организации производства используются в практической деятельности. Только в этом случае инновации становятся движущей силой динамичного развития производства, при котором происходит совершенствование производительных сил и предприятие получает конкурентное преимущество на рынке. Так, профессор С. Д. Комилов, Б. К. Шарипов и Т. С. Саидова в своей статье отмечают, что «Анализ экономических механизмов, регулирующих инновационную деятельность предприятий, также показывает, что отечествен-

ным предприятиям для повышения конкурентоспособности продукции необходим ряд взаимосвязанных мер как стимулирования инновационной составляющей, так и целевого использования финансовых ресурсов, для повышения конкурентоспособности и модернизации производства отечественной продукции. Исходя из этого, интенсификация инноваций в Республики Таджикистан является важнейшей предпосылкой использования научного и технического потенциала, повышения конкурентоспособности промышленной продукции, преодоления экономического кризиса и повышения уровня жизни населения» [6, с. 177].

В связи с этим в данной статье рассматривается инновационное развитие экономики, т. е. экономики, основанной на знаниях, как очередной эволюционный этап развития общества. Данное определение — экономика, основанная на знаниях, — обусловлено тем, что существенная доля ее продукта приходится не на производство, а на знания. Таким образом, знания в перспективе могут рассматриваться как неограниченный ресурс.

В последнее время разработка продукции, технологий и техники на основе новых знаний и внедрение их в производственный процесс не просто способствуют развитию наукоемкого производства и социально-экономическому росту в стране, а определяют ее роль и место в мировом сообществе и обеспечивают национальную безопасность. В связи с этим возрастает роль научных работ, которые представляют собой фундаментальные и прикладные исследования в различных областях экономики и разработки, включающие испытания опытных образцов, конструкторские решения и практическое применение в производстве. А также весьма значимым становятся управление инновационными процессами и стимулирование инновационной активности на предприятиях, т. к. вопросы внедрения в практику инновационных разработок переходят на микроуровень. Это связано с тем, что хозяйствующие субъекты быстро и адекватно реагируют на все изменения рынка, и поэтому инновационная деятельность становится одним из элементов стратегического развития компаний. В развитых странах последнее способствовало росту конкурентоспособности предприятий, что отразилось на экономическом росте. Так, на долю стран с постиндустриальной экономикой приходится 92% мирового объема наукоемкой продукции, при этом доля США составляет 39%, Японии — 30%, Германии — 16%, Китая — 6%. Большое развитие получила торговля лицензиями на объекты интеллектуальной собственности, объем мировой торговли которых ежегодно возрастает на 12% при мировых темпах промышленного производства в 2,5–3%. Такому высокому росту реализации интеллектуальной собственности в высокоразвитых странах способствует работа над пятьюдесятью крупными макротехнологическими проектами. Проведение политики инновационного обновления обеспечивает до 85% прироста ВВП в этих странах и увеличивает их долю в производстве мирового ВВП. Доля США, Японии и Германии в производстве последнего составляет 43%, а в мировом инновационном разделении труда их доля составляет, соответственно, 36%, 30% и 17% [2, с. 39].

Использование хозяйствующими субъектами результатов инновационных разработок для производства наукоемкой и конкурентоспособной продукции способствует формированию новых рынков, использованию новых источников сырья, росту прибыли компании за счет снижения издержек. Широкое использование инноваций в развитых странах сформировало новые рыночные условия, привело к структурным сдвигам в экономике.

Использование инновационных разработок и внедрение их в наукоемкие производства зависит от цикличности экономического развития. Как известно, для рыночной экономики характерны периоды экономических кризисов или спадов и подъемов, что представляет собой форму циклического движения и развития рыночной экономики. Снижение потребительского спроса приводит к перенакоплению капитала, который выступает в трех формах: 1) перепроизводство товарного капитала, т. е. происходит рост не реализованной на рынке продукции; 2) перенакопление производственного капитала, т. е. увеличиваются недозагруженные производственные мощности и растет численность безработных и 3) перенакопление денежного капитала, когда увеличивается количество денег, не востребованных хозяйствующими субъектами, иначе говоря, не происходит трансформации сбережений в инвестиции. Все это приводит к переходу экономики в следующую фазу экономического цикла — депрессию.

В фазе спада формируются условия для обновления производственного процесса, которые в фазе депрессии закрепляются. В производственный процесс внедряются новые технологии, техника, что способствует выпуску новой или усовершенствованной продукции, и начинается следующая фаза экономического цикла — оживление. Согласно экономической теории, в фазе подъема происходит экстенсивный экономический рост, а в фазах спада и депрессии формируются условия для интенсивного типа, который в фазе оживления реализуется в виде нового продукта или услуги. Однако уже во второй половине XX в. ученые начали рассматривать инновационную составляющую экономического роста. Стали появляться научные работы, в которых утверждалось, что инвестирование необходимо осуществлять в информацию, науку и высокие технологии, а также проводить коммерциализацию новых знаний, что свидетельствует о формировании начальной стадии постиндустриальной экономики, или инновационной экономики, или экономики знаний в развитых странах мира. Это связано с тем, что ученые изучали инновации в тесной взаимосвязи с цикличностью общественного развития на основе «длинных волн Кондратьева».

Основоположник теории «длинных волн» Н. Кондратьев утверждал, что «...перед началом и в начале повышательной волны большого цикла происходит широкое применение изобретений, сделанных в сфере промышленной практики и связанных с реорганизацией производственных отношений» [8]. Данная ситуация связана с тем, что наступает момент, когда накопленного капитала не просто достаточно для финансирования открытий и изобретений, но и внедрение последних в производственный процесс будет приносить прибыль предприятиям, т. е. речь идет о рентабельности капитальных вложений. А также будет способствовать радикальному переоборудованию производства, внедрению новых технологий, техники и формированию основных производительных сил. В связи с этим можно сказать, что интенсивный тип экономического роста оказывает влияние на развитие в отдельных отраслях экономики или точечно, а инновационный тип экономического роста влияет на изменение всей структуры экономики и способствует ее переходу на новый уровень технологического уклада. Следовательно, «длинные волны Кондратьева» в рыночной экономике формируются в тот период, когда возникли условия для перехода экономики на новый, более высокий технологический уровень экономики.

В зависимости от преобладающего способа производства в стране на экономическое развитие оказывают влияние различные циклы. Например, при аграрном способе производства оказывают влияние аграрные циклы, при индустриальном способе производства — индустриальные. На сегодняшний день, в период формирования более высокого технологического способа производства, важную роль играет информация, знания, которые и определяют темпы развития мировой и национальных экономик, позволяет улучшить качество трудовых ресурсов и их готовность к внедрению инноваций в производственный процесс. Поэтому можно говорить, что в постиндустриальных странах на экономический рост оказывают влияние технологические циклы.

Рассматривая модели эндогенного и экзогенного роста, М. А. Канева и Г. А. Унтура в своей статье выделили три основные модели взаимосвязи инноваций и экономического роста: «Различают две версии модели: модели технологического толчка или рывка (technology push) и модели стимулирования спроса (demand pull)... К концу 1970-х гг. стало понятно, что линейная теория инноваций не вполне адекватно описывает инновационный процесс, поскольку не учитывает взаимодействие между участниками инновационной деятельности... Согласно теории инновационных систем эффективность внедрения новых технологий и скорость распространения инноваций зависят от комбинации институтов и участников инновационного процесса... Участники инновационного процесса — научные институты, университеты, правительства, предприятия, потребители, при этом за каждым участником закреплена определенная роль (функция), а результат зависит от их взаимодействия» [5, с. 9–10]. В связи с этим третью модель можно назвать как модель экономического эффекта. И если первая и третья модели при объяснениях технологического уклада основываются на случайно совершенных открытиях, то в основу второй модели — модели стимулирования спроса — заложено давление со стороны потенциального потребителя. Иначе говоря, изобретения и открытия в различных областях науки совершаются под воздействием экономических, политических, социальных, экологических и др. факторов, которые, в свою очередь, формируются определенными потенциальными потребностями экономических агентов в зависимости от

особенностей общественного развития в данный период времени. Поэтому для инновационной деятельности приоритетным фактором выступают экономические условия, сложившиеся в данный период времени. В связи с этим была высказана гипотеза о влиянии или давлении совокупного спроса на развитие инновационных процессов, т. к. совокупный спрос в этот период времени превышал совокупное предложение.

По данным американского ученого Ф. Линна, средний период освоения инноваций составлял в 1885–1919 гг. — 37 лет, в 1920–1944 гг. — 24 года, в 1945–1964 гг. — 14 лет, а для наиболее перспективных открытий (электроника, атомная энергетика, лазеры) — 3–5 лет¹. Сокращение периода освоения инноваций в экономике привело к ситуации, когда стало выгодно развивать и совершенствовать производство на базе научных знаний. Это способствовало более тесному взаимодействию науки и производства. Если раньше развитие производства происходило путем накопления эмпирического опыта, то на сегодняшний день в развитых странах развитие общественного производства основывается на научных разработках, которые переходят в разряд основного фактора развития общественных производительных сил.

Инновационная деятельность, объединяя науку и предпринимательство, охватывает весь комплекс производственных отношений — производство, распределение, обмен и потребление от разработки научной идеи до ее коммерческой реализации на рынке и способствует более высокому экономическому росту в стране, о чем свидетельствует такой показатель, как ВВП на душу населения. В 2020 г. в таких развитых странах, как США, данный показатель составил 63 027 долл. США, Германии — 46 252, Канаде — 43 258, Великобритании — 41 098, Японии — 39 918, Франции — 39 037, Италии — 31 834 долл. США. Несмотря на то, что в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в некоторых из этих стран произошло снижение данного показателя из-за COVID-19, например, в Японии на 11,2%, во Франции — на 4,03%, в Канаде — на 9,05% и в Италии — на 11,7%².

Совершенствование и развитие отношений между производством и научной базой является не только экономически выгодным, но и приводит к новым взаимосвязям между ними, где наука выступает не просто основным, а ведущим фактором в системе общественных производительных сил. В развитых странах фундаментальные и прикладные исследования и, что особенно важно, опытно-конструкторские разработки тесно взаимосвязаны с производством. Этому способствовали различные эффективные методы включения науки в развитие общественного производства. Ускоренные темпы внедрения в производственный процесс инновационных разработок способствуют защите от быстрого морального старения техники и технологий, а также выступают стимулом для разработки и использования новых научных идей и технологий в различных отраслях экономики.

Уровень инновационного развития экономики Республики Таджикистан

В Таджикистане высшей целью долгосрочного развития республики, определенной в «Национальной стратегии развития на период до 2030 года», является повышение уровня жизни населения страны на основе обеспечения устойчивого экономического развития³. С учетом поставленной цели определены три сценария экономического развития страны — инерционный, индустриальный, индустриально-инновационный.

Инерционный сценарий, как говорит А. Мамадазимов, «...спрогнозирован на предположении о том, что сохраняется аграрно-индустриальная модель развития, принципиальные инфраструктурные проблемы решаются постепенно, высокая зависимость от внешних шоков и импорта товаров не изменяется. Экономический рост при данном сценарии стимулируется потребительским и инвестиционным спросом на основе внешних источников финансирования, включая денежные переводы мигрантов» [7, с. 36].

¹ Технологические уклады и их характеристика [Электронный ресурс] // Helpiks (сайт). URL: <https://helpiks.org/8-73479.html> (дата обращения: 20.01.2023).

² Explore the Interactive Database of the Gii 2022 Indicators [Электронный ресурс] // Global Innovation Index (сайт). URL: <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator> (дата обращения: 20.01.2023).

³ Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: mmk.tj/http://main-menu/стратегии (дата обращения: 20.01.2023).

Индустриальный сценарий развития предполагает успешную реализацию действующих или уже начатых энергетических и инфраструктурных проектов, рациональное использование земельноводных, энергетических и других ресурсов, а также восстановление существующих и ввод в действие новых производственных мощностей в промышленности и сельском хозяйстве¹.

Индустриально-инновационный сценарий развития экономики Таджикистана, как предполагает А. Мамадазимов, создаст основы «...инновационного развития экономики страны, прежде всего, на базе проведения реформ в системе образования и подготовке современных кадров для отраслей экономики. Данный сценарий возможен при формировании инновационных подходов при решении экономических и социальных вопросов, для усиления институциональной базы развития, совершенствования правовой системы и усиления защиты прав собственности, включая интеллектуальную, что будет благоприятствовать росту как внутренних частных, так и прямых иностранных инвестиций» [7, с. 37].

А. А. Солехода (Солиев) и Д. Б. Кабилов считают, что «...В Стратегии допускается возможность последовательного перехода от одного типа развития к другому по мере реализации разработанных мер. Тенденции экономического развития Республики Таджикистан свидетельствуют о том, что созданы предпосылки для реализации второго сценария как наиболее вероятного. В то же время при максимальной концентрации усилий, активизации институтов, повышении эффективности органов государственного управления, усилении роли бизнеса и гражданского общества в реализации Стратегии формируются условия для перехода на индустриально-инновационный путь развития» [10, с. 7].

В связи с этим рассмотрим показатели, которые характеризуют уровень экономического и инновационного развития страны. Прежде всего необходимо отметить, что если в развитых странах речь идет об инновационной экономике, то в Республике Таджикистан уместно говорить об инновационном развитии экономики. Последнее заключается в том, чтобы развивать высокотехнологичные виды экономической деятельности, например фармацевтическую, которые в будущем приведут к структурным изменениям в экономике, т. е. к росту доли наукоемких производств и снижению доли производств первичной обработки и низкотехнологичных видов экономической деятельности. Последнее можно отнести к одной из особенностей инновационного развития экономики, которые определил академик Национальной академии наук Таджикистана Р. К. Рахимов: «Теперь что касается особенностей инновационного развития экономики. Первая особенность инновационного развития состоит в том, что инновация, т. е. внедрение новой техники, новой технологии, новых методов организации труда всего нового охватывает не только процесс производства, но и все другие сферы социально-экономической жизни. Если в недалеком прошлом технический прогресс в основном осуществлялся за счет внедрения новой техники, нововведений и т. д. только в производственной сфере, то в условиях инновационного развития экономики он осуществляется во всех сферах общественной жизни. Вторая особенность гласит, что в условиях инновационного развития происходят количественные и качественные изменения, структурные изменения во всей общественной жизни, прежде всего в экономической. И третья особенность состоит в том, что при инновационном развитии экономики решающим фактором является не просто экономический, а инновационный экономический рост. И наконец, последней, не менее важной особенностью инновационного развития экономики является то, что процесс изменения — скорость изменения носит беспрецедентно высокий характер, т. е. такой быстрый, которого не было никогда в истории экономического развития» [9, с. 54].

На рис. 1. проиллюстрирована динамика темпов роста ВВП в Таджикистане за период 1990–2020 гг.

Как видно из приведенных на рис. 1 данных, спад ВВП республики происходил до 1996 г. и составил 30,5% от уровня 1990 г. Процесс оживления экономики занял довольно продолжительный период. Как показывают расчетные данные, только в 2014 г. экономика республики превысила уровень развития 1990 г. на 6,2%, а к 2020 г. рост составил 155,6%. Необходимо отметить, что темпы роста ВВП до 2000 г. составляли менее двух процентных пунктов прироста ежегодно и только начиная с 2000 г. ВВП имеет постоянную тенденцию роста, так, в период 2000–2020 гг. он увеличился в 4,2 раза. При сравнении со стра-

¹ Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: mmk.tj/http://main-menu/стратегии (дата обращения: 20.01.2023).

нами СНГ за данный период времени Таджикистан по темпам роста ВВП уступил только Азербайджану, в котором данный показатель вырос в 4,4 раза. За этот же период ВВП увеличился в Узбекистане в 3,4 раза, Казахстане — в 3,1 раза, Армении — в 3,0 раза, Беларуси — в 2,2 раза, Молдове — в 2,1 раза, Кыргызстане — в 2,05 раза, России — на 81,8% и на Украине — на 50,8%¹.

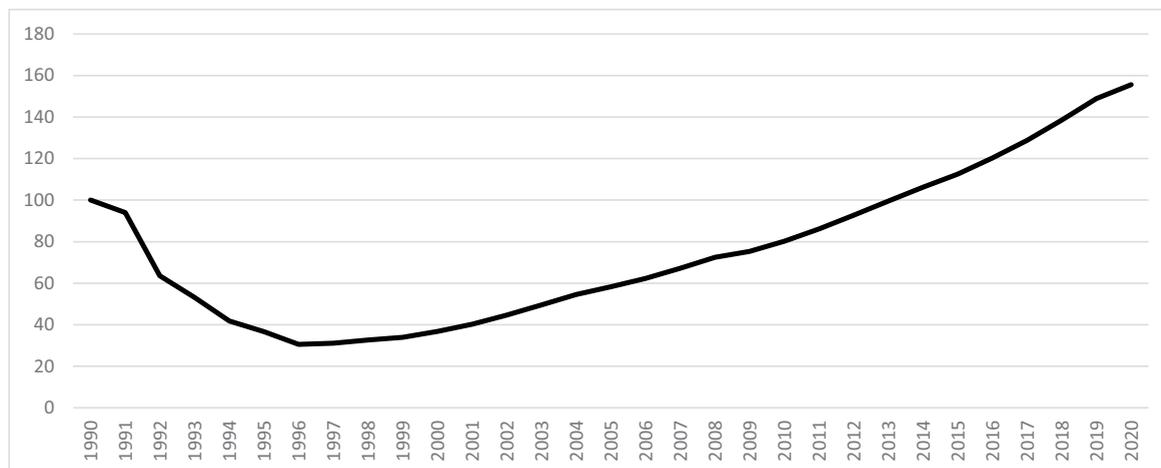


Рис. 1. Темпы роста ВВП в Таджикистане, в % к 1990 г.

Fig. 1. GDP growth rates in Tajikistan, in % to 1990.

Источник: Рассчитано по: Таджикистан: 20 лет государственной независимости. Душанбе, 2011. С. 356, 358; Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2014. С. 196; Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2015. С. 189; Таджикистан: 30 лет государственной независимости. Душанбе, 2021. С. 334.

Однако в 2020 г. по сравнению с 2019 г. во всех странах СНГ, кроме Таджикистана и Узбекистана, произошло снижение темпов роста ВВП от 0,5% на Украине до 8,4% в Кыргызстане (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста ВВП по странам СНГ, в % к предыдущему году
Table 1. GDP Growth Rates in the CIS Countries, in % to the Previous Year

Страны СНГ	2019 г.	2020 г.
Азербайджан	102,5	95,8
Армения	107,6	92,6
Беларусь	101,4	99,3
Казахстан	104,5	97,5
Кыргызстан	104,6	91,6
Молдова	103,7	91,7
Россия	102,0	97,3
Таджикистан	107,4	104,4
Узбекистан	105,7	101,9
Украина	103,2	99,5

Источник: Рассчитано по www.cisstat.com

Данное снижение связано с введением ограничительных мер в странах по нераспространению вируса COVID-19.

¹ Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: www.cisstat.com (дата обращения: 20.01.2021).

Несмотря на то, что Таджикистан в период 2000–2020 гг. по темпам роста ВВП опережает все страны СНГ, кроме Азербайджана, однако по качественному показателю, т. е. ВВП на душу населения, он остается на низком уровне. Так, в 1990 г. данный показатель в Таджикистане составлял 498,08 долл. США, это ниже, чем в России, в 7,0 раза, Беларуси — в 4,3 раза, Казахстане — в 3,3 раза, Украине — в 3,1 раза, Азербайджане — в 2,5 раза, Узбекистане и Армении — на 30% и в Кыргызстане — на 22%. Необходимо отметить, что сложившаяся ситуация наблюдается за весь рассматриваемый период. Хотя в 2014 г. в Таджикистане и был достигнут самый высокий уровень ВВП на душу населения за 1990–2020 гг., который составил 1104,14 долл. США, тем не менее по сравнению со странами СНГ в Таджикистане этот показатель остается самым низким¹.

В табл. 2 проиллюстрированы данные за период 2000–2020 гг. ВВП на душу населения по странам СНГ.

Таблица 2

ВВП на душу населения по странам СНГ за 2000–2020 гг., долл. США

Table 2. GDP Per Capita by CIS Countries for 2000–2020, in USD USA

Страны СНГ	2000	2005	2010	2015	2018	2019	2020
Азербайджан	656,4	1571,3	5880,8	5300,1	4722,3	4689,4	4214
Армения	620,6	1628,1	3121,8	3529,0	4187,6	4527,6	4268
Беларусь	1277,1	3115,5	6023,1	5941,2	6283,5	6603,9	6411
Казахстан	1230,5	3753,4	9005,0	10435,2	9401,2	9139,1	9056
Кыргызстан	280,6	478,8	884,8	1132,8	1293,5	1293,0	1174
Молдова	434,0	999,1	1959,6	2174,3	3190,8	3300,1	4551
Россия	1903,6	5719,8	11446,6	9261,7	11289,4	11162,6	10127
Таджикистан	159,4	337,1	738,3	919,1	825,8	877,3	859
Узбекистан	686,4	673,9	1696,1	2622,0	1550,0	1831,6	1686
Украина	664,4	1839,5	2982,8	2124,6	3112,9	3592,2	3727

Источник: ВВП на душу населения стран мира по годам [Электронный ресурс] // InfoTables.ru (сайт). URL: <https://infotables.ru/statistika/43-ekonomicheskaya-statistika-stran-mira/425-vvp-na-dushu-naseleniya-stran-mira-tablitsa#hcq=MVTHZGs>; [https://ru.abcdef.wiki/wiki/List_of_countries_by_GDP_\(nominal\)_per_capita](https://ru.abcdef.wiki/wiki/List_of_countries_by_GDP_(nominal)_per_capita) (дата обращения: 20.01.2023).

По данным Всемирного банка (*World Bank GDP per capita*), в 2021 г. в Таджикистане ВВП на душу населения составил 897 долл. США, что соответствует 168-му месту из 186 стран мира. Данные по странам СНГ за 2021 г. представлены в табл. 3.

Дополнительные расчеты по данным в табл. 3 показывают, что в Таджикистане ВВП на душу населения меньше, чем в России в 13,5 раза, Казахстане — в 11,2 раза, Беларуси — в 8,1 раза, Азербайджане — в 6,0 раза, Молдове — в 5,9 раза, Украине — в 5,4 раза, Армении — в 5,2 раза, Узбекистане — в 2,2 раза, Кыргызстане — 1,4 раза.

Тем не менее высокие темпы роста ВВП в Таджикистане оказали положительное влияние и на темпы роста ВВП на душу населения. Так, в Таджикистане в период 2000–2020 гг. данный показатель увеличился в 2,7 раза. При сравнении со странами СНГ можно видеть, что Таджикистан занимает четвертую позицию, уступая Азербайджану, Армении и Молдавии (рис. 2).

Приведенные на рис. 2 данные говорят об эффективной экономической политике, которая проводится со стороны государства.

Далее рассмотрим уровень инновационного развития экономики Республики Таджикистан.

С 2007 г. Международная бизнес-школа INSEAD, Корнельский университет (Cornell University), и Всемирная организация интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization)

¹ Экономический рост: темп прироста реального ВВП. The World Bank [Электронный ресурс] // TheGlobalEconomy.com (сайт). URL: <https://ru.theglobaleconomy.com/compare-countries/> (дата обращения: 20.01.2023).

ежегодно выпускают доклад, в котором оценивают страны по эффективности инновационной деятельности, уровню инновационного и технологического развития и рассчитывают Глобальный индекс инноваций (The Global Innovation Index).

Таблица 3

Рейтинг стран СНГ по ВВП на душу населения в 2021 г.

Table 3. Ranking of CIS Countries by GDP Per Capita in 2021

Страна	Место	ВВП на душу населения, долл. США
Россия	66	12173
Казахстан	70	10041
Беларусь	86	7304
Азербайджан	97	5384
Молдова	98	5315
Украина	106	4836
Армения	108	4670
Узбекистан	146	1983
Кыргызстан	157	1276
Таджикистан	168	897

Источник: Рейтинг стран по уровню ВВП на душу населения [Электронный ресурс] // Информационный портал NoNews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp-per-capita> (дата обращения: 20.01.2023).

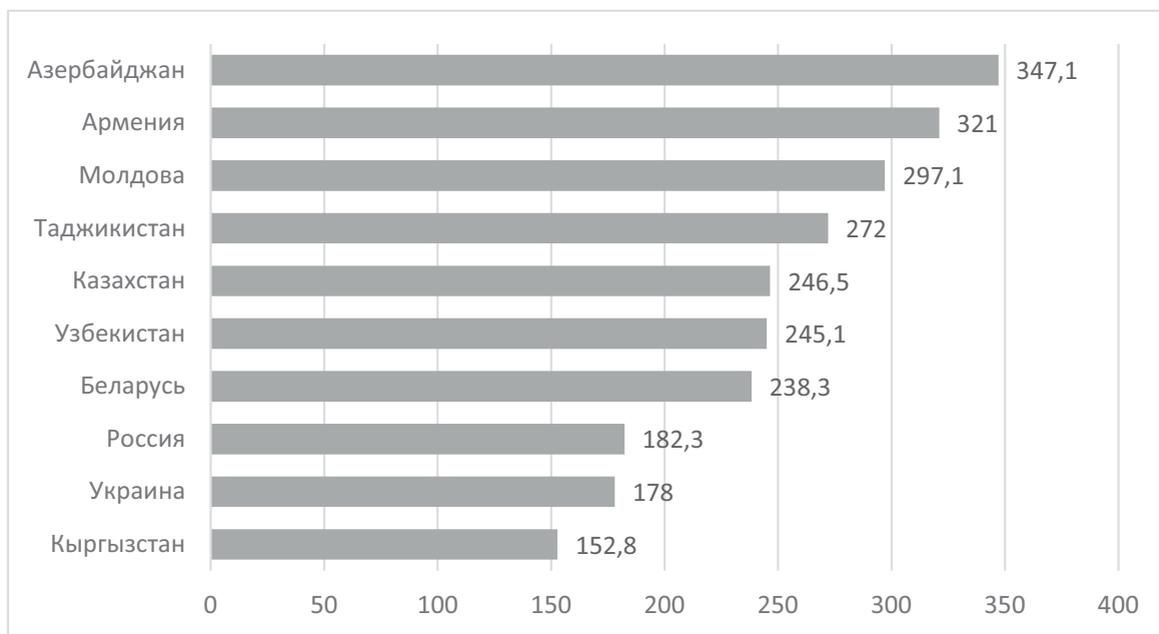


Рис. 2. Темпы роста ВВП на душу населения по странам СНГ, в % к 2000 г.

Fig. 2. Growth Rate of GDP per Capita in the CIS Countries, in % by 2000

Источник: Рассчитано по: www.cisstat.com; 20 лет Содружеству независимых государств. 1991–2010: Статистический сборник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2011. С. 333.

В табл. 4 представлен рейтинг «Глобального индекса инноваций» по странам СНГ.

Рейтинг стран СНГ по уровню инновационного развития
 Table 4. Rating of the CIS Countries by the Global Innovation Index

Страна	2015 г.		2019 г.		2020 г.		2021 г.	
	место	уровень	место	уровень	место	уровень	место	уровень
Азербайджан	93	30,1	84	30,2	82	27,2	80	28,4
Армения	61	37,3	64	34,0	61	32,6	69	31,4
Беларусь	53	38,2	72	32,1	64	31,3	62	32,6
Казахстан	82	31,2	79	31,0	77	28,6	79	28,6
Кыргызстан	109	28,0	90	28,4	94	24,5	98	24,5
Молдова	44	40,5	58	35,5	59	33,0	64	32,3
Россия	48	39,3	46	37,6	47	35,6	45	36,6
Таджикистан	114	27,5	100	26,4	109	22,2	103	23,9
Узбекистан	122	25,9	-	-	93	24,5	86	27,4
Украина	64	36,5	47	37,4	45	36,3	49	35,6
Количество стран	141		129		131		132	

Источник: Explore the Interactive Database of the Gii 2022 Indicators [Электронный ресурс] // Global Innovation Index. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator> (дата обращения: 20.01.2023).

Как видно из приведенных данных в табл. 4, Таджикистан по уровню инновационного и технологического развития занимает последнее место среди стран СНГ. Тем не менее в 2019 г. Таджикистан поднялся на 14 позиций и занял 100-е место, в 2020 г. произошло ухудшение показателя и Таджикистан снизился до 109-го места, однако в 2021 г. снова поднялся и занял 103-е место.

Глобальный индекс инноваций составлен на основе восьмидесяти различных показателей, которые характеризуют уровень инновационного развития стран мира. Каждый из показателей также ранжируется по уровню инновационного и технологического развития.

В табл. 5 представлены некоторые из них по Республике Таджикистан за 2021 г.

Как видно из приведенных данных в табл. 5, к сильным сторонам, которые определяют уровень инновационного развития страны, относятся легкость получения кредитов и доля микрокредитов в ВВП, а также рост производительности труда. По этим показателям Таджикистан занимает довольно высокие места. Однако по таким основным показателям, как законодательная база, доля высокотехнологического производства в общем объеме, использование международных сертификатов качества ISO, количество статей, цитируемых по Индексу Хирша и др., республика находится на низком уровне. Это говорит о недостаточном развитии инновационной деятельности, одним из основных направлений которой выступает коммерциализация инноваций в производственный процесс.

На сегодняшний день в развитых странах уделяется особое внимание инновационной деятельности, поэтому государства создают все условия для поддержки инновационных процессов на предприятиях. Прежде всего, это разработка и реализация государственной инновационной политики, направленной на практическую реализацию научных разработок в экономику. Основным инструментом данной политики выступает прямое государственное финансирование приоритетных инновационных разработок, которые используют предприниматели в целях создания, внедрения и производства высокотехнологичной и наукоемкой продукции. Доля государственных затрат на инновационные расходы предпринимательству составляет от 20% до 50%. Хотя удельный вес расходов на науку в ВВП развитых стран варьируется

от 1,53% до 3,45%, например, в США — 3,45%, Японии — 3,26%, Германии — 3,14%, Великобритании — 1,71%, Италии — 1,53% и Франции — 2,35%¹.

Таблица 5

Сильные и слабые стороны показателей, характеризующих инновационное развитие Таджикистана
Table 5. Strengths and Weaknesses of Indicators Characterizing the Innovative Development of Tajikistan

Сильные стороны		Слабые стороны	
Наименование индикатора	Место	Наименование индикатора	Место
Легкость открытия бизнеса	34	Законодательная база	130
Расходы на образование, % ВВП	30	Инвестирование НИОКР, млн долл. США	41
Выпускники в области науки и техники, %	60	Рейтинг университетов	74
Кредиты	18	Доходы от продажи патента на изобретение физических лиц, по ППС в долл. США	100
Легкость получения кредита	10	Доходы от продажи патентов на изобретение юридических лиц, по ППС в долл. США	98
Выданные микрокредиты, % ВВП	1	Количество статей, цитируемых по индексу Хирша	131
Сотрудничество между институтами и промышленностью в области НИОКР	47	Международные сертификаты качества ISO 9001, %	132
Чистый приток ПИИ, % ВВП	64	Высокотехнологичное производство, %	108
Творческие результаты, или креативность	44	Использование мировых брендов, % ВВП	80
Рост производительности труда, %	7	Промышленные образцы, по ППС в долл. США	119

Источник: Explore the Interactive Database of the Gii 2022 Indicators [Электронный ресурс] // Global Innovation Index. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator> (дата обращения: 20.01.2023).

В Таджикистане данный показатель с 2000 г. не превышал 0,12%. На рис. 3 проиллюстрирована доля расходов на науку в ВВП по странам СНГ за 2000–2020 гг.

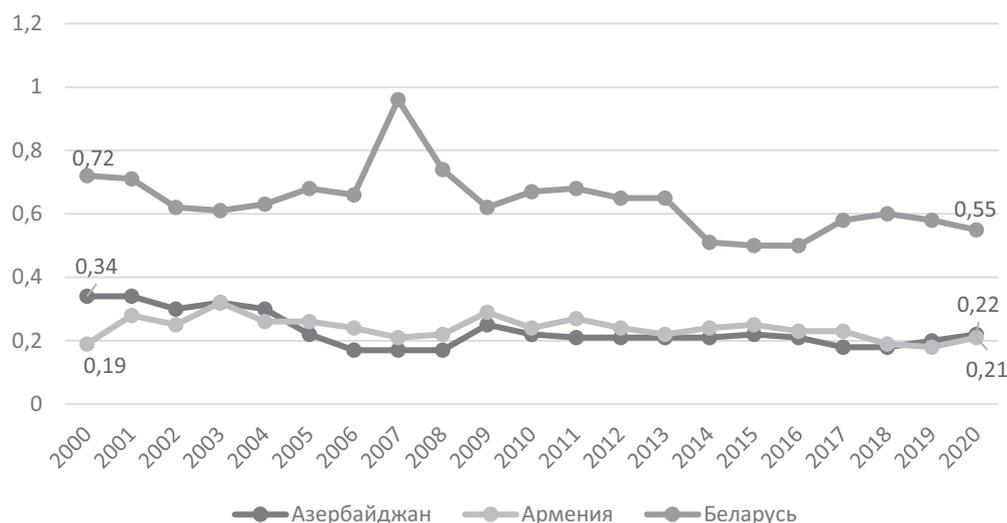


Рис. 3а. Удельный вес расходов на науку в ВВП в Азербайджане, Армении, Беларуси, в %

Fig. 3a. The Share of Spending on Science in GDP in Azerbaijan, Armenia, Belarus, in %

¹ Экономический рост: темп прироста реального ВВП [Электронный ресурс] // TheGlobalEconomy.com (сайт). URL: <https://ru.theglobaleconomy.com/compare-countries/> (дата обращения: 20.01.2023).



Рис. 3б. Удельный вес расходов на науку в ВВП в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане, в %
 Fig. 3b. The Share of Spending on Science in GDP in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, in %.

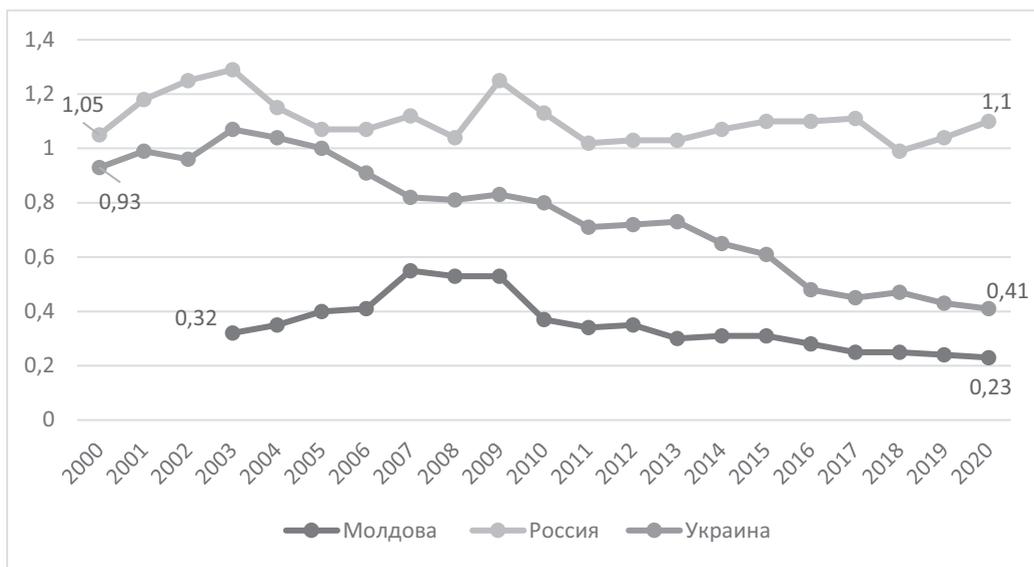


Рис. 3в. Удельный вес расходов на науку в ВВП в Молдове, России, Украине, в %
 Fig. 3c. The Share of Spending on Science in GDP in Moldova, Russia, Ukraine, in %

Источник: Экономический рост: темп прироста реального ВВП [Электронный ресурс] // TheGlobalEconomy.com (сайт). URL: <https://ru.theglobaleconomy.com/compare-countries/> (дата обращения: 20.01.2023).

На рис. 3 видно, что доля расходов на науку по всем странам СНГ за период 2000–2010 гг., кроме Армении и России, имеет тенденцию к снижению. Так, за рассматриваемый период данный показатель снизился от 0,05 процентных пункта (п. п.) в Казахстане до 0,52 п. п. на Украине. В Таджикистане, если рассматривать крайние годы (2000 г. и 2020 г.), данный показатель не изменился и составил в эти годы 0,09%. Также необходимо отметить, что во всех странах СНГ за весь рассматриваемый период, кроме России, доля расходов на науку в ВВП составляла показатель ниже одного процента.

На сегодняшний день уровень инновационного развития экономики страны определяется также таким показателем, как уровень развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) или

уровень цифровых технологий в экономике. Последнее анализируется на основании следующих показателей: фиксированная телефонная связь, подвижная сотовая связь, телевидение и радиовещание, персональные компьютеры и доступ в сеть Интернет (далее — Интернет), развитие сетей связи и передачи данных, ценовая доступность услуг ИКТ, средние потребительские тарифы, средние тарифы на услуги связи для юридических лиц.

В Республике Таджикистан формирование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) относится к началу 90-х гг. XX в. Так, в 1994 г. была создана первая компания по предоставлению услуг Интернета «Телеком Технолоджи». Затем в 1999 г. на рынке появился еще один провайдер услуг Интернета — «Интерком». В дальнейшем на протяжении всего периода независимости Таджикистана на рынке ИКТ создавались новые компании и уходили с рынка старые, происходило техническое оснащение мобильных компаний и интернет-провайдеров, увеличивалось количество пользователей мобильной связью и интернет-услугами [3, с. 12]. В табл. 6 представлена динамика пользователей как мобильной связью, так и Интернетом.

Как видно из приведенных в табл. 6 данных, на рынке по предоставлению услуг мобильной связи и Интернета постоянно происходят изменения по численности компаний и по количеству пользователей. Одни компании уходят с рынка, на их месте создаются новые или происходит реорганизация компании, например, ООО «Индиго Таджикистан» преобразовалась в ООО «Tcell». Иначе говоря, происходит естественный процесс рыночных отношений, где действуют законы спроса, предложения, ценообразования и конкуренции.

На сегодняшний день более 85% рынка по предоставлению услуг Интернета и более 83% рынка по предоставлению мобильной связи занимают такие крупные компании, как ООО «Tcell», ЗАО «ТТ-Mobile» и ООО «Вавилон-Мобайл». Необходимо отметить, что свои позиции лидеров на данном сегменте рынка эти компании удерживают в течение последних десяти лет, что является положительным показателем их конкурентоспособности.

В 2020 г. по сравнению с 2005 г., как показано в табл. 6, происходит значительный рост количества пользователей Интернетом и мобильной связью. Увеличение данных показателей произошло, соответственно, в 872,4 раза и в 13,3 раза.

В связи с развитием информационно-коммуникационных услуг в республике стала формироваться и материально-техническая база. Так, для обеспечения услуг Интернетом число подключенных терминалов подвижной радиотелефонной связи в 2018 г. по сравнению с 2001 г. увеличилось в 911,2 раза. Это способствовало росту количества домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету, с 23 до 6708 единиц, или в 291,6 раза, за этот же период (рис. 4).

Из данных на рис. 4 видно, что в 2011 г. по сравнению с 2010 г. в 2,8 раза увеличилось количество подключенных терминалов подвижной радиотелефонной связи, а в 2015 г. и в 2016 г. по сравнению с предыдущими годами наблюдается рост количества домохозяйств, имеющих доступ к Интернету более чем в два раза. Это говорит о росте технической оснащенности интернет-провайдеров и численности пользователей Интернетом.

С 2003 г. в республике используют фиксированный широкополосный доступ (ФШПД) в Интернет, который в отличие от коммутируемого осуществляется с помощью проводных, оптоволоконных и телефонных линий связи общего пользования. А с 2008 г. провайдер-компании стали применять мобильный широкополосный доступ (МШПД) в Интернет, который обеспечивает беспроводную связь с помощью спутниковой связи, Wi-Fi и WiMAX. Последние представляют собой целое семейство стандартов передачи цифровых потоков данных по радиоканалам. Это увеличивает пропускную способность передачи данных и не занимает телефонную линию. Сигнал Wi-Fi (WiMAX) может передаваться на километры даже при низкой мощности передачи, но для приема Wi-Fi-сигнала с обычного Wi-Fi-маршрутизатора на большом расстоянии нужна антенна с высоким коэффициентом усиления (например, параболическая антенна или Wi-Fi-пушка). Установка таких антенн по регионам Таджикистана способствовала покрытию большой территории для доступа в Интернет, что увеличило число пользователей (рис. 5).

Количество пользователей Интернетом и мобильной связью
 Table 6. Number of Internet and Mobile Phone Users

Название компаний	2005 г.		2010 г.		2020 г.	
	Количество пользователей Интернетом	Количество пользователей мобильной связью	Количество пользователей Интернетом	Количество пользователей мобильной связью	Количество пользователей Интернетом	Количество пользователей мобильной связью
ЗАО «ТТ-Mobile»	–	75158	217937	472062	870892	1287010
ООО «Интерком»	163	–	240	–	656	–
ООО «Вавилон-Т»	150	–	4880	–	13109	–
ООО «Вавилон-Мобайл»	–	209485	608464	2036175	821907	1168923
CADA	200	–	–	–	–	–
ООО «Истэра»	130	–	329	–	237	–
ООО «Компюворд»	2227	–	–	–	–	–
«КФ-Инвест»	37	–	–	–	–	–
ООО «Таком»	–	25461	89361	1187448	426751	981049
ООО «Коминтел»	–	–	1	–	–	–
ООО «Телеком технолоджи»	401	–	768	11478	4021	2551
ООО «Сатурн-онлайн»	5	–	2350	–	–	–
ООО «Орбита»	1	–	–	–	–	–
Телеком Инк	–	19	–	–	–	–
ЗАО «ТК Mobile»	–	–	1377	548733	–	–
АООО «Таджиктелеком»	502	–	7555	–	20761	–
Ассоциация «Тарена»	20	–	418	–	62	–
ООО «Евразия Линк»	–	–	18	–	–	–
ЗАО «Гейм Лайн Интернейшнел»	–	–	37	–	–	–
СП «Сомонком»	–	79000	117858	776355	–	–
ООО «Индиго Таджикистан»	–	63388	233215	947045	–	–
ООО «Ком СИ Тел»	–	–	11	–	–	–
Ассоциация «Интеллект»	–	–	4	–	–	–
ООО «Шабаккаи Осмони»	–	–	2	–	4	–
ЗАО «М-Теко»	–	3500	–	–	–	–
ООО «Tcell»	–	–	–	–	1187018	2632593
ООО «Сайр Тур»	–	–	–	–	50	–
ООО «Таджиклинк»	–	–	–	–	952	–
ООО «Ошногрупп»	–	–	–	–	20	–
ООО «Исател»	–	–	–	–	45	–
ООО «Технология Транс-тематика»	–	–	–	–	235	–
Итого:	3836	456011	1284825	5979296	3346720	6072126

Источник: Таджикистан: 15 лет государственной независимости. Душанбе, 2011. С. 332; Таджикистан: 20 лет государственной независимости. Душанбе, 2011. С. 552; Таджикистан: 30 лет государственной независимости. Душанбе, 2021. С. 506.



Рис. 4. Число подключенных терминалов подвижной радиотелефонной связи и количество домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету

Fig. 4. Number of Connected Mobile Radiotelephone Terminals and Number of Households with Internet Access

Источник: По материалам Службы связи при Правительстве Республики Таджикистан, согласно письму № 1-362 от 20.03.2020.

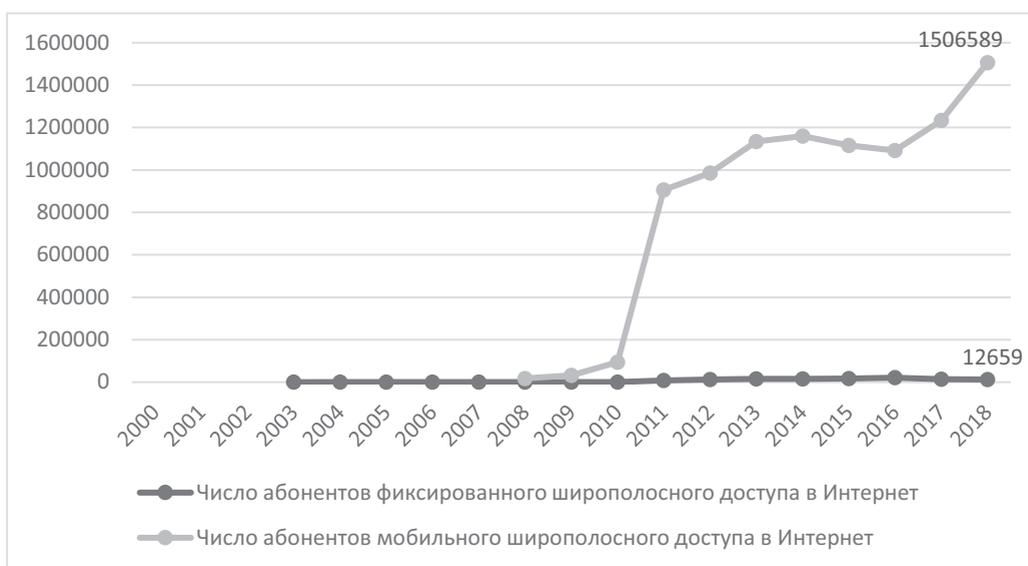


Рис. 5. Число абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступ в Интернет, чел.

Fig. 5. Number of Fixed and Mobile Broadband Internet Subscribers, pers.

Источник: По материалам Службы связи при Правительстве Республики Таджикистан, согласно письму № 1-362 от 20.03.2020.

Как показывают данные на рис. 5, численность пользователей мобильного широкополосного Интернета увеличилась в 2011 г. по сравнению с предыдущим годом в 9,5 раза, а за весь период 2008–2018 гг. — в 84,4 раза.

Развитие материально-технической базы компаний интернет-провайдеров способствовало увеличению пропускной способности международных каналов Интернета и объема внешнего интернет-трафика в Таджикистан (табл. 7).

Пропускная способность международных каналов Интернета и объем внешнего интернет-трафика в Таджикистан

Table 7. Bandwidth of International Internet Channels and Volume of External Internet Traffic to Tajikistan

Годы	Пропускная способность международных каналов Интернета, Мбайт/с, Мбит/с	Объем внешнего интернет-трафика в Таджикистан, Гбайт
2003	14/7,4	13289,2
2004	20/8,4	15188,3
2005	22/10,4	18984,6
2006	22/10,5	18988
2007	26/12	20004
2008	38/24,5	47195
2009	44/24,5	88005
2010	353,3	101410
2011	1369/64	959271
2012	2031/64	1117330
2013	2361/64	1551257
2014	3688/185	1976044
2015	3438/137	2975400
2016	1028112/217	4754838
2017	1580432/1179	5489600
2018	1588508/1194	8281559

Источник: По материалам Службы связи при Правительстве Республики Таджикистан, согласно письму № 1-362 от 20.03.2020.

Из данных в табл. 7 видно, что произошло значительное увеличение пропускной способности международных каналов и объема внешнего интернет-трафика в Таджикистан. Так, последний в 2018 г. по сравнению с 2003 г. возрос в 623,2 раза, что является положительным фактором для доступа пользователей к Интернету. Вместе с тем сравнение уровня развития цифровых технологий Таджикистана со странами СНГ показывает следующее.

Рынок мобильной связи оценивается таким показателем, как количество договоров на обслуживание сотовой связи на 100 жителей страны. В 2020 г. среди стран СНГ больше всего договоров было в России и Туркменистане — свыше 150 договоров на 100 жителей, а самый низкий показатель в Узбекистане — 101 договор. По данным Международного союза электросвязи (МСЭ), в среднем по странам СНГ данный показатель составил 148,2 договора на 100 жителей, что намного выше среднемирового показателя, который составил 105 договоров [4].

В свою очередь, договоры на обслуживание сотовой связи делятся на договоры по обслуживанию абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет и мобильного широкополосного доступа в Интернет. В табл. 8 представлены данные по странам СНГ по фиксированному и мобильному широкополосному доступу в Интернет.

Данные, приведенные в табл. 8, показывают, что в Таджикистане самый низкий показатель по количеству договоров на сто жителей — 23. Это ниже на 65 пунктов, чем в среднем по СНГ, и на 52 пункта ниже, чем в мире. Самый высокий показатель в Кыргызстане — 123 договора на сто жителей.

Международная пропускная способность передачи данных на одного пользователя в Таджикистане также самая низкая по сравнению с другими странами СНГ. Так, в 2020 г. в Беларуси данный показатель составил около 200 кбит/с, в России — 70 кбит/с, в Таджикистане — всего 2 кбит/с.

Доля населения, пользующегося Интернетом, в 2020 г. в Азербайджане, Беларуси, Казахстане и России составила свыше 80%, в Армении — около 70% [4], в Таджикистане данный показатель составил всего 35%¹.

¹ Статистический сборник. Таджикистан: 30 лет государственной независимости. Душанбе, 2021. С. 506.

Таблица 8

Количество договоров по фиксированному и мобильному широкополосному доступу в Интернет на сто жителей в 2020 г.

Table 8. Number of Contracts for Fixed and Mobile Broadband Internet Access per 100 Inhabitants in 2020

Страны СНГ	ФШПД	МШПД
В среднем по СНГ	19,5	88
Азербайджан	19,3	62
Армения	13	83
Беларусь	34	90
Казахстан	13,5	90
Кыргызстан	4,2	123
Россия	22,5	97
Таджикистан	0,1	23
Узбекистан	13,9	67
В мире	15,2	75

Источник: Ластович Б. Цифровые тренды в регионе СНГ [Электронный ресурс] // Аналитический обзор Международной академии связи. Электросвязь. URL: <https://elsv.ru/tsifrovye-trendy-v-regione-sng/> (дата обращения: 20.01.2023).

Наличие цифровой инфраструктуры, доступ к Интернету домашних хозяйств, пропускная способность передачи данных и другие технические возможности доступа к Интернету свидетельствуют об уровне пользовательских навыков населения в области информационно-коммуникационных технологий. Информация по странам СНГ в целом по данному показателю очень ограничена, а по разбивке навыков на базовые, стандартные и продвинутые практически отсутствует. На рис. 6 приведены некоторые данные по уровню пользовательских навыков населения в области ИКТ в 2020 г. всего по пяти странам СНГ.

В приведенных на рис. 6 странах СНГ в основном преобладают базовые навыки пользования информационно-коммуникационными технологиями. Тогда как стандартные находятся на низком уровне пользования, за исключением Казахстана, в котором разница между базовым и стандартным уровнями незначительная и составляет всего 5,6 процентных пункта. И только в двух странах — Беларуси и России — имеются данные по продвинутому уровню пользования ИКТ, соответственно, 1,3% и 2,0%. По другим странам СНГ, в том числе и по Таджикистану, эти данные отсутствуют, что говорит о недостаточном уровне развития пользовательских навыков ИКТ.

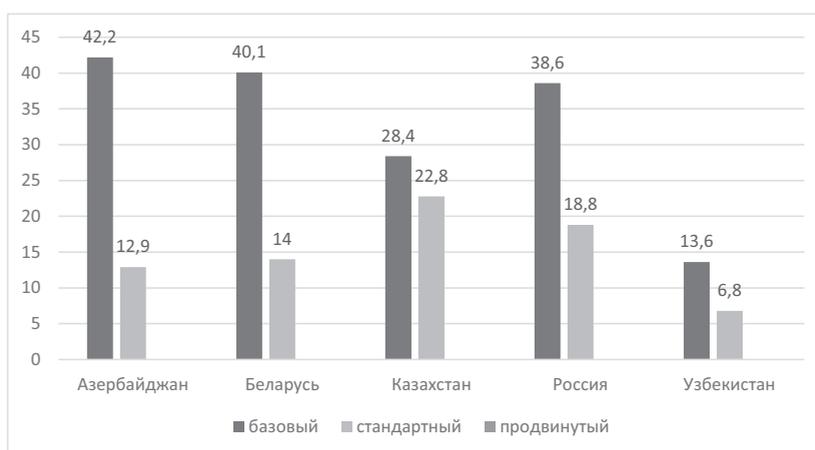


Рис. 6. Уровень пользовательских навыков населения в сфере ИКТ в 2020 г. по некоторым странам СНГ, в %.

Fig. 6. The Level of User Skills of the Population in the Field of ICT in 2020 for Some CIS Countries, in %.

Источник: Ластович Б. Цифровые тренды в регионе СНГ [Электронный ресурс] // Аналитический обзор Международной академии связи. Электросвязь. URL: <https://elsv.ru/tsifrovye-trendy-v-regione-sng/> (дата обращения: 20.01.2023).

Следующим показателем, характеризующим инновационный уровень развития, является Индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index), разработанный Институтом Портуланс (Portulans Institute) и Всемирным альянсом информационных технологий и услуг (World Information Technology and Services Alliance). Он отражает в странах мира уровень развития информационно-коммуникационных технологий, которые оказывают существенное влияние на структурные изменения в экономике, производительность труда, конкурентоспособность, деловую активность хозяйствующих субъектов, а в целом на уровень жизни населения. Авторы данного индекса также предполагают, что он будет рассматриваться при проведении государственной экономической политики.

Индекс рассчитан на основании 62 различных показателей, объединенных в четыре группы — технологическая составляющая, человеческий фактор, управленческие навыки и влияние¹. Рейтинг стран СНГ по уровню развития информационно-коммуникационных технологий представлен в табл. 9.

Таблица 9

Рейтинг стран СНГ по уровню сетевой готовности
Table 9. Rating of CIS Countries in Terms of Networked-readiness-index

Страны	2019 г.		2020 г.		2021 г.	
	Место	Индекс	Место	Индекс	Место	Индекс
Азербайджан	70	47,74	66	48,76	76	47,56
Армения	62	49,84	55	51,91	60	52,51
Беларусь	61	50,34	65	49,16	–	–
Казахстан	60	50,68	56	51,38	61	52,17
Кыргызстан	91	39,72	94	38,60	92	42,22
Молдова	66	48,93	71	47,09	69	49,07
Россия	48	54,98	48	54,23	43	57,74
Таджикистан	99	34,9	109	34,14	111	34,55
Украина	67	48,92	64	49,43	53	55,70
Количество стран	121		134		130	

Источник: Рейтинг стран по уровню сетевой готовности [Электронный ресурс] // Информационный портал NoNews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/networked-readiness-index> (дата обращения: 20.01.2023).

Как видно из приведенных данных в табл. 9, в Таджикистане наблюдается самая низкая сетевая готовность среди стран СНГ, что говорит о недостаточном уровне развития информационных технологий.

На сегодняшний день технологии играют ведущую роль не только в экономическом развитии страны, но и в системе государственного управления. О чем свидетельствует готовность государственных структур использовать современные информационно-коммуникационные технологии в процессе управления, выраженная таким показателем, как индекс развития электронного правительства (табл. 10).

Из данных табл. 10 видно, что Таджикистан по уровню развития электронного правительства значительно отстает от других стран СНГ. Кроме того, как отмечает Р. Р. Ахмадов, «...современная ситуация цифрового развития в Таджикистане характеризуется, во-первых, недостаточным уровнем конкуренции между компаниями, которые покупают трафик у госпровайдеров по фиксированной стоимости, во-вторых, существующими дополнительными налогами на услуги связи (НДС, акциз, лицензионные сборы, налог с оборота и др.)» [1, с. 96].

¹ Рейтинг стран по уровню сетевой готовности [Электронный ресурс] // Информационный портал NoNews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/networked-readiness-index> (дата обращения: 20.01.2023).

Таблица 10

Рейтинг стран СНГ по Индексу развития электронного правительства в 2020 г.
Table 10. Rating of the CIS Countries According to the e-Government Development Index in 2020

Страны	Место	Рейтинг
Азербайджан	70	0,7100
Армения	68	0,7136
Беларусь	40	0,8084
Казахстан	29	0,8375
Кыргызстан	83	0,6749
Молдова	79	0,6881
Россия	36	0,8244
Таджикистан	133	0,4649
Узбекистан	87	0,6665
Украина	69	0,7119
Количество стран	193	

Источник: Электронное правительство. Рейтинг ООН 2020 [Электронный ресурс] // Рейтинг товаров. URL: <https://everychild.ru/rejting/elektronnoe-pravitelstvo-rejting-oon-2020> (дата обращения: 20.01.2023).

Тем не менее анализ некоторых показателей, характеризующих уровень развития цифровых технологий, показал, что в Таджикистане наблюдается положительная динамика наращивания потенциала информационно-коммуникационных технологий, формируется цифровая инфраструктура, расширяются навыки применения цифровых технологий. Все это способствует росту экономики, повышению ее эффективности и более высокому уровню благосостояния населения.

Однако при сравнении показателей уровня развития информационного-коммуникационных технологий между странами СНГ и Таджикистаном можно наблюдать значительный разрыв. Таджикистан занимает самые низкие позиции по приведенным показателям, а по некоторым из них по республике вообще отсутствует информация. Это говорит пока еще о низком уровне развития информационно-коммуникационных технологий в стране по сравнению с другими странами СНГ.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Тесная взаимосвязь науки и производства, коммерциализация научных идей и разработок приводит к структурным изменениям в национальном хозяйстве и способствует инновационному экономическому росту. Также формирует эффективные пропорции национального хозяйства, которые обеспечивают эффективность общественного производства. В связи с этим основными составляющими становления инновационного типа развития экономики являются инновационный потенциал страны и инновационная политика, которая проводится государством. В рамках последней необходимо создавать такие условия, которые стимулировали бы предпринимателей к использованию научных достижений в производственном процессе и способствовали развитию наукоемких и высокотехнологичных производств по выпуску качественной конкурентоспособной продукции. В свою очередь, развитие высокотехнологичных отраслей экономики будет стимулировать развитие перерабатывающих и низкотехнологичных отраслей, способствовать внедрению в них инновационных разработок и новых форм организации производства.

Литература

1. Ахмадов Р. Р. Развитие социальных услуг в условиях цифровизации экономики: организационно-адаптационные аспекты // *Endless Light in Science*. Алматы, 2022. № 5-5. С. 93–99.
2. Жданова О. А. Роль инноваций в современной экономике // *Экономика, управление, финансы: материалы междунар. науч. конф.*, июнь 2011 г. Пермь : Меркурий, 2011.

3. Исследование по электронной готовности Таджикистана. Оценка различных факторов, определяющих информационную готовность Таджикистана к участию в информационно связанном мире. Общественный фонд «Интернет» Таджикистана, Институт «Открытое общество» Фонд содействия Таджикистан. Душанбе, 2012. 101 с.
4. *Ластович Б.* Цифровые тренды в регионе СНГ. Аналитический обзор Международной академии связи [Электронный ресурс] // Электросвязь. 2021. № 9. URL: <https://elsv.ru/tsifrovye-trendy-v-regione-sng/> (дата обращения: 01.02.2023)
5. *Канева М. А., Унтура Г. А.* Эволюция теорий и эмпирических моделей взаимосвязи экономического роста, науки и инноваций (часть 1) // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 4. С. 5–21.
6. *Комилов С. Дж., Шарипов Б. К., Саидова Т. С.* Роль инновационных технологий в процессе производства продукции // Вестник Центра стратегических исследований при Президенте РТ «Таджикистан и современный мир». 2020. № 2 (70). С. 175–181.
7. *Мамадазимов А.* Специфика реализации Национальной Стратегии Развития (НСР до 2030 г.) Таджикистана в условиях стыковки с другими международными стратегиями современности // Национальные стратегии новых государств Центральной Азии в XXI веке: приоритеты, механизмы реализации, международное сотрудничество : материалы Международной научной конференции. Российско-Таджикский (Славянский) университет. Центр Геополитических Исследований. Душанбе, 29 марта 2019 г. С. 34–43.
8. *Ошкадеров О. В.* Теория длинных волн Н. Д. Кондратьева и перспективы преодоления мирового финансового кризиса // Молодой ученый. 2010. № 3 (14). С. 121–124.
9. *Рахимов Р. К.* Критерий инновационного развития экономики Республики Таджикистан // Вестник Таджикского технического Университета. 2017. № 3 (4). С. 53–63.
10. *Солехзода (Солиев) А. А., Кабилов Д. Б.* Формирование национальной силы государства в стратегических документах обеспечения экономической безопасности Таджикистана // Вестник Таджикского национального университета. Серия: Социально-экономические и общественные науки. Душанбе, 2019. № 3–2. С. 5–10.

Об авторах:

Каюмов Нуриддин Каюмович, зав. отделом Института экономики и демографии НАНТ (Душанбе, Республика Таджикистан), академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор, профессор; e-mail: sokol_tj@rambler.ru

Довгялло Яна Павловна, ведущий научный сотрудник Института экономики и демографии НАНТ (Душанбе, Республика Таджикистан), кандидат экономических наук; e-mail: ydovgyallo@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3085-3445>

References

1. Akhmadov R. R. Development of Social Services in the Context of Digitalization of the Economy: Organizational and Adaptive Aspects. *Endless Light in Science*. Almaty. 2022; (5–5): 93–99. (In Rus.)
2. Zhdanova O. A. The Role of Innovation in the Modern Economy. Economics, Management, Finance : materials of the International Scientific Conf. June 2011. Perm : Mercury, 2011. (In Rus.)
3. Study on e-Readiness of Tajikistan. An Assessment of Various Factors that Determine the Information Readiness of Tajikistan to Participate in an Information-Connected World. Public Foundation “Internet” of Tajikistan. Institute “Open Society” Assistance Fund Tajikistan. Dushanbe, 2012. 101 p. (In Rus.)
4. Lastovich B. Digital Trends in the CIS Region. Analytical Review of the International Academy of Telecommunications [Electronic resource]. *Electrosvyaz* [Elektrosvyaz’]. 2021; (9). URL: <https://elsv.ru/tsifrovye-trendy-v-regione-sng/> (accessed: 02.01.2023). (In Rus.)

5. Kaneva M. A., Untura G. A. Evolution of Theories and Empirical Models of the Relationship between Economic Growth, Science and Innovation (part 1). *World of Economics and Management* [Mir ekonomiki i upravleniya]. 2017; 17 (4): 5–21. (In Rus.)
6. Komilov S. J., Sharipov B. K., Saidova T. S. The Role of Innovative Technologies in the Production Process. *Bulletin of the Center for Strategic Studies under the President of the Republic of Tajikistan “Tajikistan and the Modern World”* [Vestnik Tsentra strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente RT «Tadzhikistan i sovremennyy mir»]. 2020; (2 (70)): 175–181. (In Rus.)
7. Mamadazimov A. The Specifics of the Implementation of the National Development Strategy (NDS until 2030) of Tajikistan in Terms of Docking with other International Strategies of Our Time. “National Strategies of the New States of Central Asia in the 21st century: Priorities, Implementation Mechanisms, International Cooperation” : materials of the International Scientific Conference. Russian-Tajik (Slavonic) University. Center for Geopolitical Studies. Dushanbe, March 29, 2019: 34–43. (In Rus.)
8. Oshkaderov O. V. The Theory of Long Waves by N. D. Kondratiev and the Prospects for Overcoming the Global Financial Crisis. *Young Scientist* [Molodoy uchenyy]. 2010; (3 (14)): 121–124. (In Rus.)
9. Rakhimov R. K. Criteria for Innovative Development of the Economy of the Republic of Tajikistan. *Bulletin of the Tajik Technical University* [Vestnik Tadzhikskogo tekhnicheskogo Universiteta]. 2017; (3 (4)): 53–63. (In Rus.)
10. Solekhzoda (Soliev) A. A., Kabilov D. B. Formation of the National Force of the State in Strategic Documents for Economic Security of Tajikistan. *Bulletin of the Tajik National University. Series: Socio-Economic and Social Sciences* [Vestnik Tadzhikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki]. 2019; (3–2): 5–10. (In Rus.)

About the authors:

Nuriddin K. Kayumov, Head Department of the Institute of Economics and Demography of the NAST (Dushanbe, Republic of Tajikistan), Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Economics, Professor;
e-mail: sokol_tj@rambler.ru

Yana P. Dovgyallo, Leading Researcher at the Institute of Economics and Demography of the NAST (Dushanbe, Republic of Tajikistan), PhD in Economics;
e-mail: ydovgyallo@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3085-3445>

Управление социально-экономическим развитием через инструменты социальной политики Евразийского экономического союза¹ (часть 1)

Рубцов Г. Г., Мисько О. Н.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: misko-on@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7351-7455>

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается вопрос актуальности совершенствования социальной политики стран — участников Евразийского экономического союза посредством механизмов «трансинституционального сотрудничества». Оно представляет собой межгосударственную интеграцию в рамках совместного совершенствования одного или нескольких инструментов государственной политики (в том числе социальной политики). Поднимается тема социального государства в контексте изучения различных областей социально-экономической жизни членов ЕАЭС: главного политического и правового документа страны — Конституции, национальной системы налогообложения, показателей качества жизни, уровня теневой экономики, уровня социального неравенства разных слоев населения и др. Сравняется эффективность использования различных инструментов социальной политики стран ЕАЭС с целью выявления сильных и слабых сторон, а также потенциальной возможности их совершенствования в рамках «трансинституционального сотрудничества».

Цель. Цель исследования — проанализировать закономерности развития социальной политики Российской Федерации, республик Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Армении, рассмотреть их слабые места и точки роста с целью выявления потенциала для усиления интеграционных связей на базе унификации инструментов социального развития.

Задачи. Проанализировать различные направления социальной жизни стран — членов ЕАЭС, выявить сходства тенденций развития с целью создания базы для формирования единых социально-экономических преобразований. Продемонстрировать социальный инструментарий развития «трансинституционального взаимодействия» в границах Евразийского экономического союза.

Методология. Используются методы: институционального анализа, сравнительного анализа — для сопоставления эффективности инструментов социальной политики в странах ЕАЭС, контент-анализа — при анализе документов (конституций) членов ЕАЭС на предмет выявления признаков, позволяющих идентифицировать государство как социальное, а также формально-логического анализа — при уточнении понятий «социальное государство».

Результаты. Рассмотрены принципы «социального государства» на примере стран — членов евразийской экономической интеграции. Проведен комплексный анализ инструментов социальной политики всех участников евразийской интеграции, предложены рекомендации по совершенствованию инструментария.

Выводы. Накапливающиеся нерешенные вопросы внутреннего характера заставляют руководство членов Евразийского экономического союза ускорять процессы построения безусловной политики социального государства. Решение подобной «социальной модернизации» в одиночку представляется труднореализуемым, в связи с этим предлагается пойти по пути коллективного решения социального вопроса через однонаправленную, унифицированную социальную поли-

¹ Исследование выполнено в рамках инициативной НИР «Интеграционные процессы СНГ: проблемы, возможности и перспективы».

тику, построенную на основе «транsinституционального сотрудничества». Проведенный анализ инструментов социальной политики закладывает приоритеты при разработке членами ЕАЭС механизмов «транsinституционального сотрудничества». Республики Кыргызстан, Армения и Казахстан должны сосредоточиться на выработке унифицированной стратегии молодежной и миграционной политик, Российская Федерация и Республика Беларусь — сфокусироваться на вопросах старения населения, обеспечения пожилых граждан пенсионными накоплениями, а также поощрения развития институтов семьи и материнства.

Ключевые слова: социальная политика, ЕАЭС, Евразийский союз, институциональное сотрудничество, социальное государство, молодежная политика, миграционная политика, пенсия, пенсионная система, миграция, союзное государство

Для цитирования: Рубцов Г. Г., Мисько О. Н. Управление социально-экономическим развитием через инструменты социальной политики Евразийского экономического союза (часть 1).

Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023; 17 (1): 50–63.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-50-63>

Sustainable Development Management through Social Policy Instruments of the Eurasian Economic Union (Part 1)

Gennady G. Rubtsov, Oleg N. Misko*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА, Saint Petersburg, Russian Federation)

* e-mail: misko-on@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7351-7455>

ABSTRACT

The article deals with the issue of the relevance of improving the social policy of the member countries of the Eurasian Economic Union through the mechanism of “transinstitutional cooperation” (TC) proposed by the authors of the work. It represents interstate integration within the framework of the joint improvement of one or more public policy instruments (including social policy). The topic of the welfare state is discussed in the context of studying various areas of the socio-economic life of the EAEU members: the main political and legal document of the country — the Constitution, the national taxation system, quality of life indicators, the level of the shadow economy, the level of social inequality of different segments of the population, etc. The effectiveness of using various social policy instruments of the EAEU countries is compared in order to identify strengths and weaknesses, as well as the potential for their improvement within the framework of “institutional cooperation”.

Aim. Taking into account the above, the purpose of the study was to analyze the patterns of development of the social policy of the Russian Federation, the republics of Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Armenia, to consider their weaknesses and points of growth in order to identify the potential for strengthening integration ties based on the unification of social development tools.

Task. To analyze various areas of social life of the EAEU member countries, identify similarities in development trends in order to create a basis for the formation of unified socio-economic transformations. To demonstrate social tools for the development of “transinstitutional interaction” within the boundaries of the Eurasian Economic Union.

Methods. The following methods were used in the article: comparative analysis — to compare the effectiveness of social policy instruments in the EAEU countries, content analysis — when analyzing documents (constitutions) of EAEU members to identify signs that allow identifying the state as a social one, as well as formal-logical analysis — when clarifying the concepts “welfare state” and “institutional cooperation”.

Results. Based on the results of the study, the principles of the “welfare state” are considered on the example of the member countries of the Eurasian economic integration, the economic essence of “institutional cooperation” is formulated and proposed for implementation, designed to develop interethnic relations both within the union and beyond. A comprehensive analysis of the instruments of social policy of all participants in the Eurasian integration has been carried out, and recommendations for improving the instruments have been proposed.

Conclusion. The accumulating unresolved issues of an internal nature are forcing the leadership of the members of the Eurasian Economic Union to accelerate the processes of building an unconditional policy of the welfare state. The solution of such “social modernization” alone seems difficult to implement, in this regard, it is proposed to take the path of a collective solution of the social issue through a unidirectional, unified social policy built on the basis of “transinstitutional cooperation”. The conducted analysis of social policy instruments lays down the priorities in the development of mechanisms of “transinstitutional cooperation” by the members of the EAEU. The Republics of Kyrgyzstan, Armenia and Kazakhstan should focus on developing a unified strategy for youth and migration policies, the Russian Federation and the Republic of Belarus should focus on issues such as population aging, providing older citizens with pension savings, and encouraging the development of family and maternity institutions.

Keywords: social policy, EAEU, Eurasian Union, institutional cooperation, welfare state, youth policy, migration policy, pension, pension system, migration, union state

For citation: Rubtsov G. G., Misko O. N. Sustainable Development Management through Social Policy Instruments of the Eurasian Economic Union (Part 1). *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 50–63. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-50-63>

Введение

Дискуссия по вопросам государственной социальной политики приобретает за последние десятилетия все более острую форму без исключения во всех странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Общественное недовольство, связанное как с объективными внешними факторами — мировым экономическим кризисом, так и нарастающими нерешенными вопросами внутреннего характера, подталкивает социально-экономический блок правительств — членов ЕАЭС к ускорению реализации наметившегося к 2020-м гг. и столь необходимого поворота своих государств в сторону построения безусловной политики социального государства.

Подобное действие вызвано осознанием необратимых последствий сформировавшегося социально-экономического явления, способного серьезным образом пошатнуть и без того чувствительные к разного рода вызовам системы национальной безопасности. При этом представляется односторонним видение, трактующее сложившуюся на постсоветском пространстве ситуацию исключительно с позиции «надвигающихся препятствий и испытаний», но игнорирующее потенциальные возможности, открывающиеся перед странами ЕАЭС при объединении усилий в вопросе создания современного социального государства в масштабах всего Евразийского экономического союза.

Апеллируя вышесказанным, авторами работы выдвигается гипотеза, что однонаправленная, унифицированная социальная политика между членами ЕАЭС позволит:

- усилить интеграционные связи и, напротив, снизить «недопонимания и барьеры» в процессе политико-экономического дискурса;
- создать демонстрационный эффект для присоединения к процессам глубокой интеграции потенциально возможных членов.

Педалированием значимости второго тезиса следует считать заявление Президента РФ на Высшем совете ЕАЭС 10 декабря 2021 г., посвященном результатам работы Союза и дальнейшим перспективам развития объединения. В частности, в своей речи Президент РФ отметил, что страны (в том числе страны

бывшего СССР, не являющиеся членами ЕАЭС, — Узбекистан, Молдавия) время от времени интересуются статусом наблюдателя Евразийского союза. В данном формате они имеют возможность участвовать в деятельности органов всех уровней интеграционного объединения, наблюдать за процессом подготовки интеграционных документов¹.

Очевидно, что, получив статус «наблюдателя», потенциальные члены Союза переходят в активную стадию изучения «за и против» членства, активно исследуя любой кейс проявившегося положительно-го эффекта от присоединения к интеграционным процессам каждого его непосредственного участника. Принимая во внимание единообразие возникшего «социально выраженного фактора-вызова» как в странах — соседях членов ЕАЭС, так и далеко за их пределами (включая страны так называемого коллективного Запада) [18, р. 112–128], можно только вообразить результат от успешной реализации разработки системы «совершенной социальной модели ЕАЭС» и ее последующего «импорта» во все страны — участники Евразийского союза.

Актуальный дискурс по вопросам социальной политики в странах ЕАЭС

Для того чтобы выйти на устойчивый прорыв в отношении построения современного социального государства, его создателям не обойти ответа на базовые вопросы социального развития в массовых представлениях общества. На что, по мнению последнего, государственная власть должна акцентировать свое первостепенное внимание? Какое место занимает социальная политика в системе приоритетов населения стран — членов ЕАЭС?

Так, согласно проведенному Институтом социологии ФНИСЦ РАН исследованию², 64% опрошенных россиян причисляют социальную политику к основным приоритетам. В то же самое время 36% участвующих в исследовании соотечественников, напротив, не отметили в качестве приоритетной ни одной связанной с социальной тематикой проблемы. Возникает вопрос: респонденты действительно не считают социальную тему важной в существующих российских реалиях или не видят сколько-нибудь действенных шагов в разрешении усиливающегося социального кризиса, тем самым игнорируя возможность влияния на его развитие со стороны государственных органов власти?

Однако исследование продемонстрировало, что большая часть представителей российского общества по-прежнему относится к сторонникам патерналистской социальной модели. Более 75% не представляет возможным существование без поддержки государства.

Переосмысление потребности в социальной политике россиян отражается и в других опросах, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 1990, 1996 и 2006 гг. Так, 37% населения в 1996 г. полагали, что социальную поддержку со стороны государства должны получать только нетрудоспособные граждане. В то время как в 2006 г. аналогичное мнение разделялось только 15% опрошенных респондентов. Аналогично больший оптимизм в 1996 г. россияне выражали в отношении защиты государством всех малоимущих граждан. Только 24% считало это целесообразным, в то время как спустя десять лет в необходимости защиты государством всех малоимущих выступало 50% респондентов.

Ориентируясь на исследование РАН, следует констатировать безальтернативность модели социальной политики на примере современной Российской Федерации. При этом, в целом поддерживая советскую патерналистскую модель социальной политики, участники опроса «неосознанно» не разделяют важнейшие ее составляющие. Так, исследование демонстрирует крайне низкий уровень общественной социальной солидарности.

Менее 50% считают необходимым действовать сообща при достижении жизненно важных целей, тогда как остальная часть опрошенных считает необходимым в любых жизненных ситуациях полагаться

¹ Высший совет ЕАЭС обсудил результаты работы и перспективы сотрудничества [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия (сайт). URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/11-12-2020-09.aspx> (дата обращения: 14.01.2022).

² Доклад по социальной политике РАН [Электронный ресурс] // Институт социологии ФНИСЦ РАН (сайт). URL: https://www.isras.ru/analytical_report_SocialPolicy_2.html (дата обращения: 16.01.2022).

исключительно на собственные силы. Эти и другие отличительные особенности демонстрируют различия в ментальном восприятии современным обществом вопросов государственной социальной политики.

Очевидно, что только нахождение баланса реальных инсайдов общества и эффективных социально-экономических государственных инструментов способно создать жизнеспособную базу для развития «совершенной социальной модели» не только отдельного государства, но и цепочки государственных образований, объединенных глубокими интеграционными связями.

Современное социальное государство и его особенности

Проанализируем понятие, функции и принципы такого государственного образования, как «социальное государство». Иными словами, определим признаки, позволяющие идентифицировать анализируемое государство как социальное. Так, А. У. Старшова в работе [15] называет социальным государство:

- обеспечивающее право гражданам страны на жизненный уровень, необходимый для жизнеобеспечения индивида и его семьи в рабочий период, а также в случае наступления безработицы, инвалидности, старости и т. д.;
- основа которого базируется на принципах справедливости, где неравномерное распределение экономических ресурсов не приводит к социальным конфликтам и изоляциям определенных групп общества вследствие предоставления последним в достаточном объеме государственной социально-культурной компенсации.

Автор предлагает рассматривать государство с трех углов зрения: концептуального — где социальное государство рассматривается в качестве идеи теоретико-научного познания, нормативного — закрепляющего социальную составляющую государства в его конституции и иных нормативно-правовых актах, а также практического — демонстрирующего реальное исполнение государственными органами власти решения насущных общественных социальных проблем.

В данном случае отдельного интереса заслуживает второй аспект, позволяющий дать правовую оценку социальности государства в контексте анализа его высшего нормативно-правового акта — конституции.

Рассмотрим наличие «нормативного аспекта» в конституциях стран Евразийского экономического союза. В Российской Федерации базовый перечень государственных гарантий перечисляется в Конституции РФ, закрепляющей:

- поддержку семьи, материнства и детей — ст. 38;
- соцобеспечение по состоянию здоровья, возрасту, по причине потери кормильца, на воспитание детей — ст. 39;
- охрану здоровья и медицинской помощи — ст. 41 Конституции РФ, соответственно. Таким образом, социальные гарантии через механизмы долгосрочного воздействия на социально-экономические процессы в обществе обеспечивают воплощение на практике конституционных прав граждан РФ.

В свою очередь, в Конституции Республики Беларусь социальные обязательства государства перед обществом широко отражены в ст. 41–45 [2], согласно которым гражданам гарантируется обеспечение полной занятости, а в случае незанятости по независящим от гражданина причинам ему гарантируется обучение новым специальностям, повышение квалификации, а также пособие по безработице. Кроме того, в ст. 47 декларируется перечень категорий граждан, имеющих право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законодательством¹.

¹ Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 16.01.2022).

Социальный вопрос в Конституции Республики Казахстан не носит «патерналистский» характер, а ограничен описанием базовых прав граждан в данной сфере. В частности, декларируется право на гарантированный объем медицинской помощи, установленный законом (ст. 29), государством поощряется добровольное социальное страхование, а также создание других форм социального обеспечения (ст. 28). Кроме того, формулируется перечень обязательных социальных стандартов для разных категорий граждан, таких как минимальный размер оплаты труда и пенсий, социальные выплаты по старости, болезни, инвалидности, в случае потери кормильца и (как отмечается в документе) другим законным основаниям¹.

Конституция Кыргызской Республики провозглашает право граждан страны на бесплатное медицинское образование и медицинское обслуживание исключительно в рамках объема государственных гарантий, предусмотренных законодательством (ст. 47). Пенсии и социальная поддержка реализуются в увязке с экономическими возможностями государства, но не могут быть ниже установленного законодательством прожиточного минимума (ст. 53)². По аналогии с Конституцией Республики Казахстан поощряется добровольное социальное страхование. При этом в Конституции Кыргызской Республики нарочито подчеркивается, что деятельность государства в социальной сфере не должна иметь форму государственного попечительства! Ограниченно, в сравнении с Конституцией Республики Беларусь, регламентируется и деятельность кыргызского правительства в области регулирования трудовых отношений. В частности, отмечается обязательство государства в содействии повышению профессиональной подготовки граждан в порядке, предусмотренном законодательством.

Наконец, Конституция Республики Армения регламентирует в установленных законом формах предоставление государственной медицинской помощи и медицинского обслуживания (ст. 38), а также социального обеспечения по старости, инвалидности, болезни, в случае потери кормильца, безработице и в иных предусмотренных законодательством случаях³.

Таким образом, анализ «нормативного аспекта» конституций членов Евразийского экономического союза позволяет найти разночтения в стратегическом видении социальной политики государств — членов Союза без детального анализа иных нормативно-правовых актов участников ЕАЭС. Фактически прописывая идентичный комплекс государственных обязательств в области социальной сферы, члены ЕАЭС несут за их реализацию разную ответственность, что не может не сказываться на качестве обсуждения выработки единой системы совершенствования механизмов социальной защиты населения стран ЕАЭС.

В свою очередь, автор [14] утверждает, что современное социальное государство отличается отсутствием процессов огосударствления всех областей общественной жизни и ограничивается созданием нормативно-правовых, фискальных и прочих условий развития социализации различных сфер общества. В таких государствах социальная политика носит стимулирующий и предупреждающий эффект, предоставляя обществу в качестве социального блага не конкретный продукт, а равную возможность развития и самореализации.

Так или иначе, причисление конкретного государства к социальному напрямую связано с перечнем социальных признаков и функций, декларируемых им в качестве незыблемых обязательств перед своими гражданами. Так, председатель Конституционного суда РФ относит к приоритетной социальной функции государства возможность создавать надлежащую среду для воспроизводства жизнедеятельности человека как субъекта различных видов общественных отношений [3]. В. Е. Чиркин в работе [16] предлагает классификацию юридических признаков, способных отличить правовое государство от неправового. Используя данную методологию, проанализируем причастность стран ЕАЭС к социальному

¹ Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 16.01.2022).

² Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 16.01.2022).

³ Конституция Республики Армения [Электронный ресурс] // Национальное Собрание Республики Армения (сайт). URL: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (дата обращения: 16.01.2022).

государству по данной методологии на основе закрепленных в конституциях членов — участников ЕАЭС систем социальных индикаторов.

Таблица 1

Признаки социального государства в конституциях стран ЕАЭС
Table 1. Signs of a Welfare State in the Constitutions of the EAEU Countries

Страна	Россия	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Армения
Признаки социального государства					
Закрепление в Конституции функции частной собственности	Ст. 35. Право частной собственности охраняется законом	Ст. 44. Государство гарантирует каждому право собственности	Ст. 6. В Республике Казахстан признаются и равным образом защищаются государственная и частная собственность	Ст. 19. Частная собственность признается и гарантируется в Кыргызской Республике	Ст. 8. В Республике Армения признается и защищается право на собственность
Закрепление в Конституции положения о социальном партнерстве	Отсутствует	Ст. 14. Отношения в социально-трудовой сфере осуществляются на принципах социального партнерства	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует
Социально-экономическое равноправие	Ст. 5. Федеративное устройство Российской Федерации основано на равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации	Ст. 13. Государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества	Ст. 14. Все равны перед законом и судом	Ст. 22. Законы Кыргызской Республики о правах и обязанностях граждан должны одинаково применяться ко всем гражданам и не создавать ни для кого из них преимуществ и привилегий	Ст. 28. Все равны перед законом
Закрепление принципа социальной справедливости (установление МРОТ, регулирование вопросов занятости, пенсионного обеспечения и т. д.)	Ст. 75. В Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости	Ст. 47. Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца	Ст. 24. Каждый имеет право на социальную защиту от безработицы. Ст. 28. Гражданину Республики Казахстан гарантируется минимальный размер заработной платы и пенсии, социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и по иным законным основаниям	Ст. 27. В Кыргызской Республике гарантируется социальное обеспечение за счет государства в старости, в случае болезни и утраты трудоспособности, потери кормильца	Ст. 11. Основой экономического строя Республики Армения является социальная рыночная экономика, направленная посредством государственной политики на общее экономическое благосостояние и социальную справедливость
Положение о социально ориентированной экономике	Ст. 34. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Не допускается экономии	Ст. 13. Государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества	Ст. 1. Основополагающими принципами деятельности республики являются: общественное согласие и политическая стабильность, экономическое развитие на благо всего народа	Ст. 16. Каждый в Кыргызской Республике имеет право: на экономическую свободу, свободное использование способностей и имущества для	Ст. 58. Право на забастовку. Ст. 59. Свобода экономической деятельности и гарантия экономической конкуренции

Окончание табл. 1

Признаки социального государства	Россия	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Армения
	ческая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию			любой экономической деятельности	
Социальная ответственность, призывающая людей трудиться, самосовершенствоваться	Ст. 75. В Российской Федерации гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда	Ст. 13. Государство гарантирует трудящимся право принимать участие в управлении предприятиями, организациями и учреждениями с целью повышения эффективности их работы и улучшения социально-экономического уровня жизни.	Ст. 28. Поощряются добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность	Ст. 37. Социальная деятельность государства не должна приводить к замене государственным попечительством экономической свободы и активности гражданина самому достигать экономического благополучия для себя и своей семьи	Ст. 39. Человек свободен делать все то, что не нарушает прав других лиц и не противоречит Конституции и законам

Источник: составлено авторами на основе данных конституций стран — членов ЕАЭС.

Как мы видим из анализа признаков социального государства по методологии В. Е. Чиркина, разветвленная система социальных гарантий — атрибут, де-факто присущий всем странам — членам ЕАЭС.

Однако «социальным» в контексте «совершенной социальной модели ЕАЭС», по мнению авторов работы, должен считаться только субъект / интеграционное образование, способное обеспечивать граждан социальными гарантиями в количестве, предусмотренном минимальными международными стандартами. Кроме того, данный аспект должен найти документационное подтверждение в союзном документе, регламентирующем стандарты социальной политики евразийского интеграционного союза. Подобный правовой аспект минимизирует возможность манипуляции в вопросах социального обеспечения со стороны любого государственного образования в будущем и не позволит секвестировать бюджетные расходы в ситуации, когда их объем явно противоречит признанным общемировым практикам.

Неотъемлемой составляющей современного социального государства, по мнению Н. В. Путило, является прогрессивное налогообложение, т. е. увеличение налоговой нагрузки для граждан с более высоким доходом [12], а также законодательно закрепленные требования к размерам финансирования государственных расходов на социальную сферу [17, р. 75–81]. Важно отметить, что в настоящий момент концептуальный подход к вопросам налогообложения в странах Евразийского союза существенно различается, что не может не сказываться на характере интеграционных процессов внутри объединения [7]. Ссылаясь на налоговое законодательство стран — участников Союза, следует обозначить следующие тенденции:

- в Российской Федерации с 2021 г. появились элементы прогрессивной шкалы подоходного налога¹. Россияне с заработком выше 5 млн руб. в год начали платить налог на доход физических лиц в размере 15%, а не 13%, как остальные граждане;
- в Республике Беларусь к настоящему моменту действует плоская шкала подоходного налога в размере 13%. В то же самое время белорусское руководство рассматривает вариант перехода к прогрессивной шкале, введя так называемый «налог на богатство»;

¹ Как изменятся налоговые платежи россиян с 2021 года [Электронный ресурс] // РБК. 01.01.2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/01/2021/5fe5c94d9a7947dd2e1419fd> (дата обращения: 16.01.2022).

- необходимость перехода к прогрессивной шкале налогообложения в Казахстане обсуждается на уровне президента республики и находится в числе государственных вопросов, требующих безотлагательного решения [5];
- существующая в Кыргызстане шкала подоходного налога является плоской и составляет 10%. На высшем уровне время от времени возникает дискуссия о переходе на прогрессивную шкалу. Тем более что подобный опыт у республики уже есть. В разные годы максимальная ставка прогрессивной шкалы доходила до 40%. При этом основное налоговое бремя ложилось на граждан среднего уровня, а не на богатый класс, поскольку высокий процент подоходного налога уплачивался гражданами с доходом от 200 долл. США в месяц;
- согласно налоговому законодательству Армении, в республике действует прогрессивная ставка налога, повышающаяся по мере роста дохода.

Таким образом, следует отметить, что в сравнении с Европейским союзом, где прогрессивная шкала применяется в большинстве стран, в ЕАЭС такой принцип в полной мере используется только в Республике Армения [10]. При этом очевидно единение членов союза в необходимости перехода к прогрессивному налогообложению. Все предпосылки для этого сегодня есть. Россия в 2021 г. сделала значительный шаг в данном направлении, в республиках Казахстан и Беларусь о реформировании подоходного налога говорят первые лица государства, а Кыргызстан имеет все шансы обратиться к прошлому, извлечь ошибки и успеть внедрить прогрессивную шкалу подоходного налога одновременно со всеми участниками Евразийского союза. Изучение вопроса современного социального государства невозможно вне контекста проживающего в его границах населения.

Важнейшим общепризнанным интегральным показателем качества жизни и видения гражданами будущего является Индекс человеческого развития (ИЧР), формируемый Организацией Объединенных Наций (ООН). Показатель предназначен для сравнения уровня жизни и настроений населения различных стран и регионов. Согласно методологии ИЧР, страны ЕАЭС в 2020 г. располагают следующими результатами¹.

Таблица 2

Показатели стран ЕАЭС по Индексу человеческого развития

Table 2. Indicators of the EAEU Countries According to the Human Development Index

Страна	Показатель индекса	Место в рейтинге
Россия	0,824	52
Беларусь	0,823	53
Казахстан	0,825	51
Киргизия	0,697	120
Армения	0,776	81

Источник: составлено авторами по данным отчета о человеческом развитии:

Human Development Index [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme (сайт). URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 10.03.2022).

Как показывает таблица, целая группа стран — участников союза размещается на соседних строчках индекса. Это означает, что граждане России, Белоруссии и Казахстана имеют схожую ожидаемую продолжительность жизни, одинаковый уровень образования и показатель дохода на душу населения. Иными словами, население данных стран имеет схожее видение будущего, а также предлагаемые обстоятельства, в рамках которых будет проходить жизнь каждого их представителя. На данный момент есть явный аутсайдер в динамике человеческого развития — Киргизия, а также догоняющая группу лидеров, но при этом также значительно отстающая Армения.

¹ В таблице представлены последние данные расчета Индекса человеческого развития (ИЧР) за 2020 г.

Анализируя места стран ЕАЭС в рейтинге ИЧР в динамике за несколько лет, нельзя не отметить стабильность их расположения в индексе начиная с 2019 г. Кроме того, именно в ближайшие два года наблюдается очевидная тенденция к сближению вышеперечисленных стран в рейтинге ИЧР¹.

Таблица 3

Динамика показателей стран ЕАЭС по Индексу человеческого развития

Table 3. Dynamics of Indicators of the EAEU Countries According to the Human Development Index

Страна Место в индексе ИЧР в конкретном году	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	57	50	49	49	49
Беларусь	53	50	52	53	50
Казахстан	70	56	56	58	50
Киргизия	125	120	120	122	122
Армения	87	85	84	83	81

Источник: составлено авторами по данным отчета о человеческом развитии:

Human Development Index [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme (сайт). URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 10.03.2022).

Являясь проектом XXI в., Евразийский союз может стать успешным интеграционным образованием только на основе приоритетного активного использования человеческого потенциала [9]. При этом политика социального государства сегодня не может быть ограничена исключительно предоставлением безвозмездной государственной социальной помощи малоимущим категориям населения. Перспективный подход — построение социально-экономической системы, подвигающей граждан ЕАЭС к максимальному развитию своего врожденного и приобретенного потенциала. Подобное утверждение приобретает все большую актуальность в условиях вновь развивающегося мирового финансово-экономического кризиса [11].

Параллельно как в странах — членах ЕАЭС, так и в мире в целом возникает все большая потребность в борьбе с «социально-экономическими помехами», замедляющими или вообще останавливающими развитие и функционирование социального государства, важнейшей из которых является коррупционная составляющая во всех без исключения сферах общественной жизни [1; 6; 13]. Так, коррупция как экономическое явление оказывает разрушающее воздействие одновременно на экономические, социальные и даже культурные показатели развития страны, что активно сказывается в том числе на развитии стран Евразийского союза.

В частности, по заключению Евразийского банка развития (ЕБР), одним из основных драйверов экономического роста стран ЕАЭС должно стать снижение доли теневого сектора. Также в материале отмечается высокий уровень теневой экономики с возможной предпосылкой к его постепенному снижению². В опубликованном Международным валютным фондом рейтинге «Теневая экономика стран мира» наглядно продемонстрировано, какая доля от ВВП стран — членов Евразийского союза приходится на теневую экономику в процентном соотношении³.

¹ Евразийский экономический союз в цифрах : краткий статистический сборник [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. 213 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2020.pdf (дата обращения: 16.01.2022).

² Драйвером роста экономики стран ЕАЭС может стать снижение доли теневой экономики [Электронный ресурс] // Главные новости Кыргызстана. URL: <https://for.kg/news-487555-ru.html> (дата обращения: 19.01.2022).

³ Теневая экономика стран мира [Электронный ресурс] // Финкан.ру (fincan.ru). URL: http://fincan.ru/articles/95_tenevaja-ekonomika-stran-mira/ (дата обращения: 22.01.2022).

Доля теневой экономики в странах ЕАЭС

Table 4. The Share of the Shadow Economy in the EAEU Countries

Страна ЕАЭС	Доля теневой экономики от ВВП, %	Место в рейтинге «Теневая экономика стран мира»
Россия	38,42	49
Беларусь	44,52	24
Казахстан	38,88	45
Киргизия	37,92	51
Армения	42,59	34

Источник: составлено авторами по: Теневая экономика стран мира [Электронный ресурс] // Финкан.ру (fincan.ru). URL: http://fincan.ru/articles/95_tenevaja-ekonomika-stran-mira/ (дата обращения: 12.03.2022).

Опираясь на данные исследования, можно констатировать, что теневая экономика в странах ЕАЭС приближается к половине производимого ими валового внутреннего продукта, что закономерно влечет за собой снижение налоговых поступлений в бюджет, ослабляет рычаги управления экономикой и приводит к усугублению социальных проблем в обществе.

Другим важнейшим рецидивом последствий коррупции становится социальное неравенство разных слоев населения. Проанализируем показатели коэффициента Джини, R/P 10%, R/P 20%. Два последних показателя отражают распределение доходов богатейших 10% к беднейшим 10% и богатейших 20% к беднейшим 20% проживающих в странах Евразийского союза гражданам, соответственно.

Коэффициент Джини выражает уровень расслоения общества в стране и изменяется в диапазоне от 0 до 1 (или выражен в процентах), где динамика движения в сторону 1 означает усиление концентрации ресурсов в руках отдельных элитных групп [31].

Показатели уровня расслоения общества в странах ЕАЭС

Table 5. Indicators of the Level of Social Stratification in the EAEU Countries

Страна ЕАЭС	R/P 10, %	R/P 20, %	Коэффициент Джини, %
Россия	12,7	7,6	39,9
Беларусь	6,9	4,5	27,8
Казахстан	8,5	5,6	33,9
Армения	8,0	5,0	33,8
Киргизия	6,4	4,4	30,3

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. 445 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2020.pdf (дата обращения: 12.03.2022).

Согласно данным Организации Объединенных Наций, уровень неравенства в странах Евразийского союза заметно варьируется. Российская Федерация в настоящий момент характеризуется самым высоким показателем, в то время как Республика Беларусь демонстрирует наименьший уровень расслоения населения по распределению внутристранового богатства. Остальные страны — Казахстан, Армения и Киргизия — занимают консолидированную промежуточную позицию в условном рейтинге социального расслоения стран ЕАЭС.

В долгосрочной перспективе существующая страновая дифференциация в распределении доходов, в частности, и показателях коррупционной составляющей, в целом, может стать препятствием для глубокой интеграции и получения последующего мультипликативного интеграционного эффекта для единой социально-экономической системы стран евразийского экономического партнерства [4].

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Глазунова А. А., Толоконникова Е. В. Актуальные проблемы противодействия коррупции на государственной службе / Актуальные проблемы права: материалы IV междунар. науч. конф. (Москва, ноябрь 2015 г.). М. : Буки-Веди, 2015. С. 193–196.
2. Гуцин И. В. К вопросу о возникновении, становлении и развитии системы социальной защиты граждан в Республике Беларусь. Минск : Бизнесофсет, 2014. 480 с.
3. Зорькин В. Д. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1. С. 46–50.
4. Ишуков А. А. Развитие концепции «Центр — Периферия» на примере интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 3. С. 589–599. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.6>
5. Ищук Т. Л., Баймухаметова А. С. Реформирование шкалы подоходного налогообложения физических лиц в России и Республике Казахстан // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 1. С. 42–48.
6. Котляров С. Б., Чичеров Е. А. Подходы к определению коррупции, ее причины и последствия // Казанская наука. 2015. № 10. С. 257–259.
7. Лагуева И. В. Вопросы налоговой интеграции государств — членов Евразийского экономического союза // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 9. С. 204–214.
8. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности : аналитический доклад / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. 28 с.
9. Перепелкина Е. В. Анализ человеческого развития в процессе формирования Евразийского экономического союза // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 4. С. 57–63.
10. Петросян Е. Г. Пути гармонизации систем налогообложения в странах Евразийского экономического союза // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 6. С. 222–241.
11. Полюх М. А. К вопросу о понятии и сущностном содержании концепции социального государства // Четвертая международная научная конференция «Юридические науки: проблемы и перспективы». Казань : Бук, 2016. С. 20–23.
12. Путило Н. В. Юридические критерии социального государства. Новые подходы // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 15–25.
13. Пьянзин Д. Н. Причины возникновения коррупции: историко-правовой аспект. СПб. : Свое издательство, 2015. 143 с.
14. Симоянов А. Социальное государство: суть, критерии, индикаторы // Философско-литературный журнал «Логос». 2014. № 2. С. 215–233.
15. Старшова У. А. Понятие, признаки и перспективы развития современного социального государства: российский и зарубежный опыт // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 48–53.
16. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 24–37.
17. Dutkiewicz P., Sakwa R. Eurasian Integration — the View from Within. London : Routledge. 2015. 342 p. <https://doi.org/10.4324/9781315738154>
18. Hamilton D. S. The Geopolitics of TTIP: Repositioning the Transatlantic Relationship for a Changing World. Washington, DC : Center for Transatlantic Relations. 2014. 170 p.

Об авторах:

Рубцов Геннадий Геннадьевич, соискатель ученой степени кандидата наук в Северо-Западном институте управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: genadij.rubtzov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0296-878X>

Мисько Олег Николаевич, заведующий кафедрой экономики факультета экономики и финансов в Северо-Западном институте управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; доцент;
e-mail: misko-on@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7351-7455>

References

1. Glazunova A. A., Tolokonnikova E. V. Actual Problems of Combating Corruption in the Public Service. Actual Problems of Law: materials of the IV Intern. scientific conf. (Moscow, November 2015). Moscow : Buki-Vedi, 2015: 193–196. (In Rus.)
2. Gushchin I. V. On the Issue of the Emergence, Formation and Development of the System of Social Protection of Citizens in the Republic of Belarus. Minsk : Biznesofset, 2014. 480 p. (In Rus.)
3. Zorkin V. D. Social State in Russia: Problems of Implementation. *Comparative Constitutional Review* [Srvnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie]. 2008; (1): 46–50. (In Rus.)
4. Ishukov A. A. The “Center-Periphery” Model for Analysis of Regional Integration (The Case of the European Union and the Eurasian Economic Union). *AlterEconomics (previously The Russian Journal of Economic Theory from 2004 to 2021)* [Zhurnal ekonomicheskoy teorii]. 2020; 17 (3): 589–599. (In Rus.)
5. Ishchuk T. L., Baimukhametova A. S. Reforming the Scale of Personal Income Taxation in Russia and the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics* [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2021; (1): 42–48. (In Rus.)
6. Kotlyarov S. B., Chicherov E. A. Approaches to the Definition of Corruption, Its Causes and Consequences. *Kazan Science* [Kazanskaya Nauka]. 2015; (10): 257–259. (In Rus.)
7. Lagkueva I. V. Issues of Tax Integration of the Member States of the Eurasian Economic Union. *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin* [Vestnik Universiteta imeni O. Ye Kutafina]. 2020; (9): 204–214. (In Rus.)
8. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. Inequality in Russia Against the Backdrop of Other Countries: Income, Wealth, Opportunities : Analytical Report / HSE University. Moscow : HSE, 2021. 28 p. (In Rus.)
9. Perepelkina E. V. Analysis of Human Development in the Process of Formation of the Eurasian Economic Union. *Bulletin of the Voronezh State University. Series : Economics and Management* [Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye]. 2017; (4): 57–63. (In Rus.)
10. Petrosyan E. G. Ways of Harmonization of Taxation Systems in the Countries of the Eurasian Economic Union. *Economic Policy* [Ekonomicheskaya politika]. 2016; 11 (6): 222–241. (In Rus.)
11. Polyukh M. A. On the Issue of “The Concept” and the Essential “Content” of the Concept of the “Social” State. Fourth International Scientific Conference “Legal Sciences: Problems and Prospects”. Kazan : Buk, 2016: 20–23. (In Rus.)
12. Putilo N. V. Legal Criteria for a Social State. New Approaches. *Journal of Russian Law* [Zhurnal rossiyskogo prava]. 2016; (10): 15–25. (In Rus.)
13. Pyanzin D. N. Causes of Corruption: Historical and Legal Aspect. St. Petersburg : Own publishing house, 2015. 143 p. (In Rus.)
14. Simoyanov A. Social State: Essence, Criteria, Indicators. *Philosophical and Literary Journal “Logos”* [Filosofsko-literaturnyy zhurnal «Logos»]. 2014; (2): 215–233. (In Rus.)
15. Starshova U. A. The Concept, Signs and Prospects for the Development of a Modern Social State: Russian and Foreign Experience. *Legal Policy and Legal Life* [Pravovaya politika i pravovaya zhizn']. 2018; (4): 48–53. (In Rus.)

16. Chirkin V. E. The Constitution and the Social State: Legal and Factual Indicators. *Journal of Russian Law* [Zhurnal rossiyskogo prava]. 2008; (12): 24–37. (In Rus.)
17. Dutkeiwicz P., Sakwa R. Eurasian Integration — the View from Within. London : Routledge. 2015. 342 p. <https://doi.org/10.4324/9781315738154>
18. Hamilton D. S. The Geopolitics of TTIP: Repositioning the Transatlantic Relationship for a Changing World. Washington, DC : Center for Transatlantic Relations. 2014. 170 p.

About the authors:

Gennady G. Rubtsov, Applicant for the Degree of Candidate of Sciences at the North-Western Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: genadij.rubtzov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0296-878X>

Oleg N. Misko, Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Economics, Faculty of Economics and Finance, North-Western Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: misko-on@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7351-7455>

Перспективы развития евразийской интеграции в области расширения экспортных грузопотоков российского газа в дружественные страны на фоне эскалации энергетического кризиса в мире

Сафонова Т. Ю.

Институт управления и регионального развития (ИУРР) РАНХиГС, Москва, Российская Федерация
e-mail: safonovaty@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель. В 2022 г. на дефицит энергоносителей на мировом рынке оказали непосредственное влияние санкции против энергетического сектора России и теракты на газопроводах «Северный Поток» и «Северный Поток — 2», при этом в научных публикациях не представлены глобальные расчеты выпадающих из мирового оборота объемов российского газа. Целью является оценка выпадающих из мирового оборота объемов российского газа.

Задачи. Выявление перспектив развития евразийской интеграции в области расширения экспортных грузопотоков российского газа в дружественные страны на фоне эскалации энергетического кризиса в мире с учетом экзогенных и эндогенных факторов влияния на изменение производства и потребления российского газа.

Результаты. Автором представлен анализ роли России в мировых поставках газа, оценка выпадающих объемов экспорта, а также краткосрочный прогноз изменения грузопотоков трубопроводного газа по оптимистичному, базовому и пессимистичному сценариям.

Методология. Методы системного и сравнительного анализа, научное обобщение, экспертные оценки, методы прогнозирования.

Выводы. По мнению автора, для исключения существенных потерь по добыче газа в России и реализации оптимистичного сценария важно обеспечить ускорение сроков объединения западной и восточной газотранспортных систем, а также реализации инвестиционных проектов строительства газопроводных мощностей «Сила Сибири — 2», «Союз — Восток», «Турецкий Поток — 2».

Ключевые слова: трубопроводные мощности России по газу, структура поставок природного газа, газопроводные системы России, прогноз изменения грузопотоков газа

Для цитирования: Сафонова Т. Ю. Перспективы развития евразийской интеграции в области расширения экспортных грузопотоков российского газа в дружественные страны на фоне эскалации энергетического кризиса в мире. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023; 17 (1): 64–75.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-64-75>

Prospects for the Development of Eurasian Integration in the Field of Expanding Export Cargo Flows of Russian Gas to Friendly Countries amid the Escalation of the Energy Crisis in the World

Tamara Yu. Safonova

Institute of Management and Regional Development et RANEPА, Moscow, Russian Federation
e-mail: safonovaty@yandex.ru

ABSTRACT

Aim. In 2022, the shortage of energy carriers on the world market was directly affected by sanctions against the Russian energy sector and terrorist attacks on the Nord Stream and Nord Stream —2 gas pipelines, while scientific publications do not present global calculations of the volumes of Russian gas falling out of world circulation. The aim is to assess the volumes of Russian gas falling out of global turnover.

Tasks. Identification of prospects for the development of Eurasian integration in the field of expanding export cargo flows of Russian gas to friendly countries against the background of the escalation of the energy crisis in the world taking into account exogenous and endogenous factors influencing changes in the production and consumption of Russian gas.

Methods. Methods of system and comparative analysis, scientific generalization, expert assessments, forecasting methods.

Results. The author presents an analysis of Russia's role in global gas supplies, an assessment of falling export volumes, as well as a short-term forecast of changes in pipeline gas cargo flows according to optimistic, basic and pessimistic scenarios.

Conclusion. According to the author, in order to exclude significant losses in gas production in Russia and to implement an optimistic scenario, it is important to accelerate the timing of the unification of the western and eastern gas transmission systems, as well as the implementation of investment projects for the construction of gas pipeline capacities "Power of Siberia — 2", "Soyuz — Vostok", "Turkish Stream — 2".

Keywords: Russian gas pipeline capacities, natural gas supply structure, Russian gas pipeline systems, forecast of changes in gas cargo flows

For citation: Safonova T. Yu. Prospects for the Development of Eurasian Integration in the Field of Expanding Export Cargo Flows of Russian Gas to Friendly Countries amid the Escalation of the Energy Crisis in the World. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 64–75. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-64-75>

Введение

В современной науке систематизации и прогнозированию изменения российских потоков трубопроводного газа уделено недостаточное внимание.

В статье А. Белогорьева [1] «рассматриваются перспективы экспорта российского трубопроводного газа в Европу и Азию в условиях введенных против России международных санкций, согласно которому экспорт трубопроводного газа из РФ снизится в 2022 г. на 12%, до 180 млрд куб. м за счет сокращения поставок в ЕС и роста в Турцию и Китай при стабилизации экспорта в страны ближнего зарубежья».

Тезисы диссертации Т. С. Гумаровой [2] включают: «Россия использует трубопроводную дипломатию в качестве инструмента сохранения и расширения влияния на политическом поле Евразии,.. в среднесрочной перспективе для защиты национальных интересов РФ будет создана государственная энергетическая компания, объединяющая добычные, сбытовые и транспортные мощности нефтяной и газовой отраслей, ...ЕС останется крупнейшим рынком сбыта российских энергетических ресурсов».

В диссертации А. К. Пакина [3] указано, что «основными рисками для проекта «Северный Поток — 2» являются политические, а реализация этих рисков может привести к увеличению сроков согласования проекта и строительства, экономические, экологические и технологические риски классифицированы как «крайне маловероятные», «маловероятные» или «вероятные» и не представляющие существенной угрозы для успешной реализации проекта, а также сделан вывод о том, что угроза возникновения ощутимой конкуренции со стороны американского СПГ на рынках государств Европы маловероятна».

Поскольку представленные выше прогнозы не отражают фактически сложившиеся на глобальном рынке газа реалии, для оценки потенциала использования и развития российских газопроводных систем

автором была поставлена задача по выявлению перспектив развития евразийской интеграции в области расширения экспортных грузопотоков российского газа на фоне эскалации энергетического кризиса в мире, прежде всего, в дружественные страны с учетом экзогенных и эндогенных факторов влияния на изменение производства и потребления российского газа.

Санкции Евросоюза в ответ на полувековую российскую газовую поддержку

Традиционно основными потребителями российского трубопроводного газа являлись страны Евросоюза.

После запуска экспортного трубопровода «Братство» в 1967 г. Россия осуществляла бесперебойные поставки российского природного газа в Европу, что поддерживало энергетическую и экономическую стабильность в странах-импортерах на протяжении 55 лет.

По данным отчета ПАО «Газпром» за 2021 г.¹, потребление природного газа в Европе составило 578,4 млрд куб. м, из которых:

- поставки из Норвегии, Великобритании и Нидерландов — 180,7 млрд куб. м (31%);
- поставки трубопроводного газа из России² — 174,3 млрд куб. м (30%);
- поставки СПГ из России — 17,7 млрд куб. м (3%);
- поставки из Алжира — 53,2 млрд куб. м (9%);
- поставки СПГ из США — 29,8 млрд куб. м (5%);
- поставки из Катара — 22,9 млрд куб. м (4%);
- поставки из Нигерии — 13,2 млрд куб. м (2%);
- поставки из Азербайджана — 9,1 млрд куб. м (2%);
- на прочие поставки пришлось 14%.

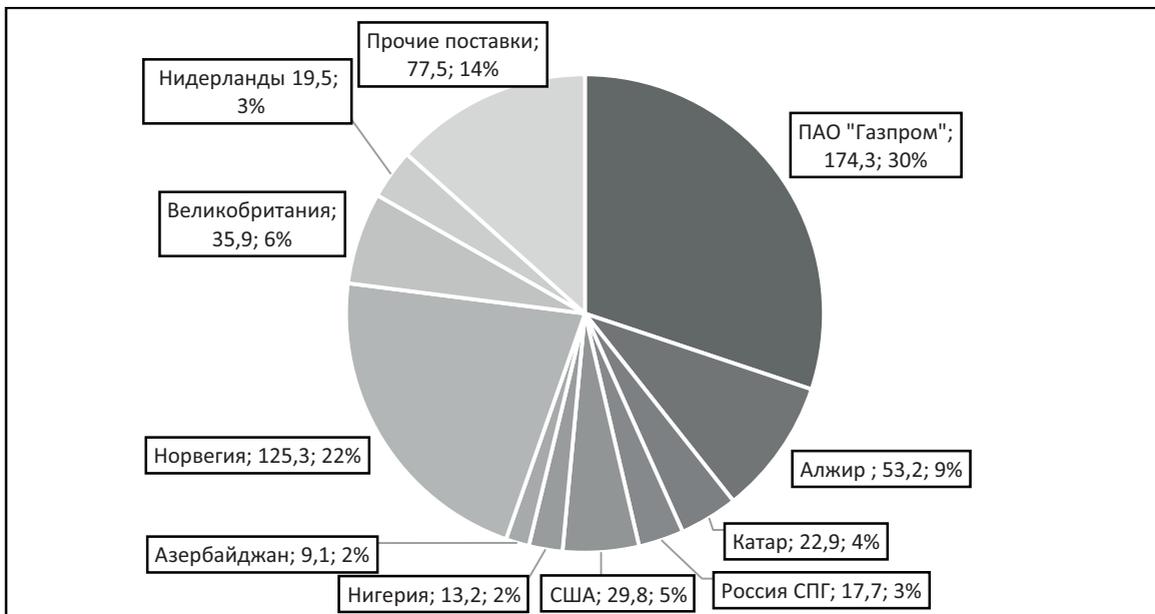


Рис. 1. Структура поставок природного газа и СПГ в Европу по данным за 2021 г., млрд куб. м и в %

Fig. 1. The Structure of Natural Gas and LNG Supplies to Europe According to Data for 2021, Billion Cubic Meters and %

Источник: ПАО «Газпром», анализ автора

¹ Синергия успеха. Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2021 г. [Электронный ресурс] // ПАО «Газпром» (сайт). URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/57/982072/gazprom-annual-report-2021-ru.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

² Включая поставки в Турцию.

Реально зависимость от российского газа в Европе еще в 2021 г. была ярко выражена.

После ввода в действие третьего пакета санкций 8 марта 2022 г. Еврокомиссия¹ представила базовые предложения по энергобезопасности, ключевым пунктом которых являлось сокращение потребления газа из России на две трети к концу 2022 г. или на 100 млрд куб. м.

Для целей сокращения зависимости от российских энергоресурсов в проект плана Еврокомиссии “REPowerEU”², опубликованного 8 марта 2022 г., входило:

- увеличение объемов импорта СПГ и других производителей трубопроводного газа;
- увеличение объемов производства и импорта биометана и «чистого» водорода;
- ускорение сокращения использования ископаемых видов топлива для отопления домов и промышленных предприятий за счет повышения энергоэффективности и увеличения использования возобновляемых источников энергии, а также устранения узких мест в инфраструктуре.

Однако по факту в 2022 г. в зоне Евросоюза произошел рост импорта СПГ, расконсервация теплоэлектростанций и рост генерации, основанной на угле и мазуте.

Трубопроводные мощности России по газу

Через территорию Украины проходит четыре газопровода из России³:

- «Союз» (трубопровод Оренбург — Западная граница) мощностью 26 млрд куб. м в направлении Словакии, Венгрии и Румынии;
- «Братство» и «Прогресс» (трубопровод Ямбург — Западная граница) мощностью 26 млрд куб. м;
- «Уренгой — Помары — Ужгород» мощностью 32 млрд куб. м в направлении Словакии, Чехии, Австрии;
- газотранспортный коридор через Румынию в направлении Молдавии, Румынии, Болгарии, Турции, Греции и Северной Македонии. Ранее использовался для поставок российского газа на Балканы. С 2021 г. по оставшейся части газопровода (в Румынии) осуществляются реверсные поставки российского газа из газопровода «Турецкий Поток» в Венгрию («Балканский Поток»).

Совокупная мощность газопроводов «Уренгой — Помары — Ужгород» (Суджа), «Союз» (Сохрановка), «Прогресс», газотранспортного коридора через Румынию, по которым осуществляется транзит газа через Украину, составляет 84,0 млрд куб. м.

Кроме того, экспортные поставки российского трубопроводного газа осуществлялись с использованием систем:

- «Турецкий Поток» пропускной способностью 31,5 млрд куб. м,
- «Голубой Поток» пропускной способностью 16,0 млрд куб. м,
- «Северный Поток» пропускной способностью 55,0 млрд куб. м,
- «Ямал — Европа» пропускной способностью 32,9 млрд куб. м,
- «Сила Сибири» пропускной способностью 38,0 млрд куб. м,
- «Выборг — Имата» пропускной способностью 6,0 млрд куб. м.

Экспортные газопроводные проекты России располагали профицитными мощностями в страны Европы и до ввода в действие пакета санкций в 2022 г., по итогам 2021 г. они составили 121,1 млрд куб. м, что означает избыточность как российских, так и зарубежных инвестиций в газопроводные проекты в Европу на фоне ослабления экономических и эскалации политических факторов влияния на принятие решения о поставщиках энергоресурсов.

¹ REPowerEU: Joint European action for more affordable, secure and sustainable energy [Электронный ресурс] // European Commission (сайт). URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_1511 (дата обращения: 07.11.2022).

² Там же.

³ Зарубежная транспортировка российского газа [Электронный ресурс] // Газпром экспорт (сайт). URL: <https://gazpromexport.ru/projects/transportation/> (дата обращения: 07.11.2022).

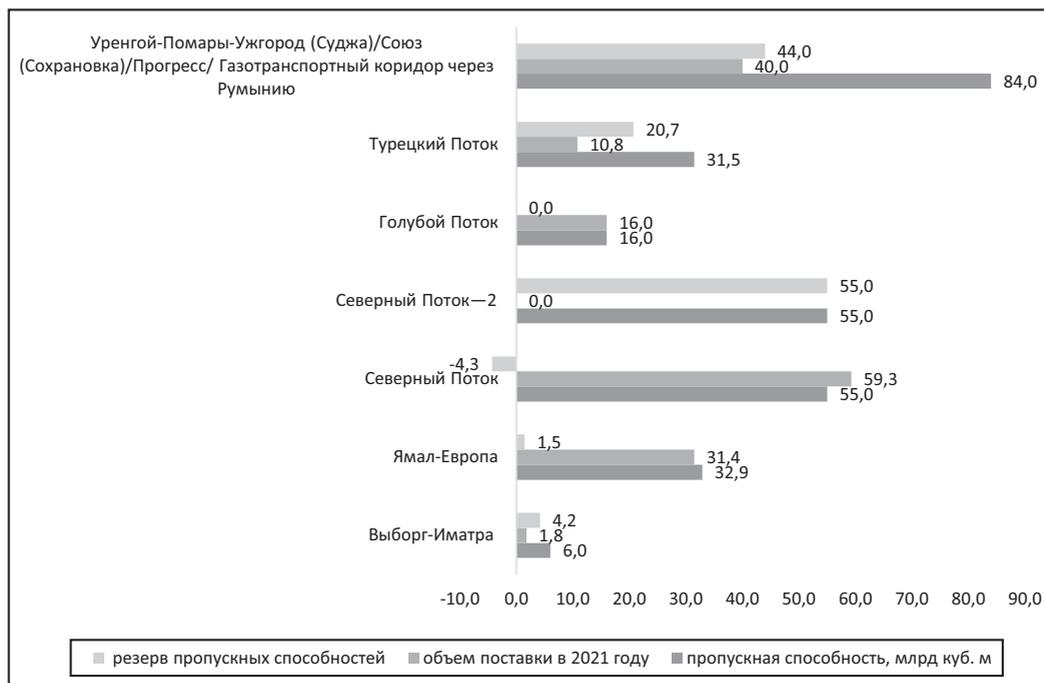


Рис. 2. Резерв пропускных способностей экспортных магистральных газопроводов из России по данным за 2021 г., млрд куб. м в год

Fig. 2. The Reserve Capacity of Export Main Gas Pipelines from Russia According to Data for 2021, Billion Cubic Meters per Year

Источник: ООО «Газпром экспорт», составлено автором

Поставки трубопроводного газа в Европу

По итогам 2021 г. поставки трубопроводного газа в Европу в совокупности составили 376,4 млрд куб. м, из которых объем российского газа составил 174,3 млрд куб. м или 46% от общего объема поставок (см. таблицу).

Кроме того, значительный объем трубопроводного газа в Европу был поставлен из Норвегии, а именно 112,8 млрд куб. м или 30% от общего объема поставок, а также из Алжира — 31,1 млрд куб. м или 9% от общего объема поставок.

Разрушение трубопроводной инфраструктуры и института «энергетической дипломатии» привело к обвалу экспорта российского газа в 2022 г. на 46%

Общий объем поставок ПАО «Газпром» на экспорт в 2021 г. составил 185,1 млрд куб. м¹ (включая поставки в Китай 10,4 млрд куб. м). По итогам 2022 г. потери экспорта российского трубопроводного газа в дальнее зарубежье составили 46%, снизившись до уровня 100,9 млрд куб. м.

Такое значимое снижение стало следствием диверсий на двух газопроводах «Северный Поток», национализации российских активов в странах Евросоюза под предлогом санкций, а также реализации стратегии Еврокомиссии по сокращению потребления газа из России на две трети к концу 2022 г.

Так, в апреле 2022 г. правительство Польши заблокировало активы «Газпрома» в компании EuRoPol Gaz², которая является оператором части газопровода «Ямал — Европа», пролегающей по польской территории.

¹ Синергия успеха. Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2021 г. [Электронный ресурс] // ПАО «Газпром» (сайт). URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/57/982072/gazprom-annual-report-2021-ru.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

² Российские санкции сделали невозможным транзит газа через Польшу [Электронный ресурс] // РБК (сайт). 12.05.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/05/2022/627d03929a7947133a1a34bb> (дата обращения: 07.11.2022).

Таблица

Поставки трубопроводного газа в Европу с распределением по странам и газопроводам в 2021 г., млрд куб. м

Table. Pipeline Gas Supplies to Europe with Distribution by Countries and Gas Pipelines in 2021, Billion Cubic Meters

Страна	Газопровод	Пропускная способность	Поставки газа в страны ЕС	Поставки газа в другие страны Европы	Итого поставлено в Европу по газопроводам
Россия	Северный Поток, Голубой Поток, Турецкий Поток, Ямал — Европа, Выборг — Иматра, транзит через Украину	280,4	147,5	26,8	174,3
Алжир	Магриб — Европа (Medgaz) через Марокко в Испанию, TransMed через Тунис и Сицилию в Италию	42,0	34,1		34,1
Ливия	Greenstream в Италию	11,0	3,1		3,1
Норвегия	Norpipe в Великобританию	16,0	80,9	31,9	112,8
Иран	Тебриз — Анкара в Турцию	14,0		9,1	9,1
Азербайджан	Баку — Тбилиси — Эрзурум, Трансанатолийский газопровод (TANAP), продолжением является Трансадриатический газопровод*)	16,0	8,2	11,3	19,5
ЕС	Интерконнектор Великобритания — Бельгия	25,5		11,2	11,2
Другие страны Европы	Интерконнектор Бельгия — Великобритания		12,3		12,3
Итого		401,4	286,1	90,3	376,4

*) предусмотрено увеличение пропускной способности до 32 млрд куб. м к 2027 г.

Источник: ООО «Газпром экспорт», ООО «НААНС-МЕДИА», составлено автором

Власти Германии национализировали Gazprom Germania, переименовав ее в SEFE без каких-либо выплат в адрес российской компании.

Самым значимым потрясением мировой энергетической отрасли в 2022 г. стал подрыв инфраструктуры газопроводов «Северный Поток» и «Северный Поток—2», в результате которого страны Евросоюза потеряли доступ к экономически эффективным и стабильным поставкам российского трубопроводного газа в потенциальном объеме 82,5 млрд куб. м в год. Утечки, которые произошли в результате взрывов, находились исключительно в экономической зоне Швеции и Дании.

Поскольку газопроводные системы «Северный Поток» и «Северный Поток—2» были разрушены в результате терактов, пропускная способность одной сохраненной ветки составляет 27,5 млрд куб. м, но из-за отсутствия сертификации и санкционного давления она не была задействована.

В 2022 г., помимо «Северных Поточков», был остановлен трубопровод «Ямал — Европа» мощностью 32,9 млрд куб. м, который проходит по территории четырех стран — России, Белоруссии, Польши и Германии, а также газопровод «Выборг — Иматра» мощностью 6,0 млрд куб. м в направлении Финляндии.

Поставки российского газа в Европу транзитом через Украину к концу 2022 г. осуществлялись через один газопровод «Уренгой — Помары — Ужгород» из действующих четырех, через распределительную станцию «Суджа».

Таким образом, объем поставок в Европу, включая Турцию, составил в 2022 г. 85,4 млрд куб. м.

Недостающий объем российского газа страны Евросоюза восполнили за счет закупки сжиженного природного газа, затраты на которые оказались выше относительно трубопроводных партий, прежде всего, за счет возросших ставок фрахта.

Из всех направлений экспорта в 2022 г. произошел рост объема российских поставок только в Китай по газопроводу «Сила Сибири» на 5,1 млрд куб. м относительно уровня 2021 г. (с 10,4 до 15,5 млрд куб. м).

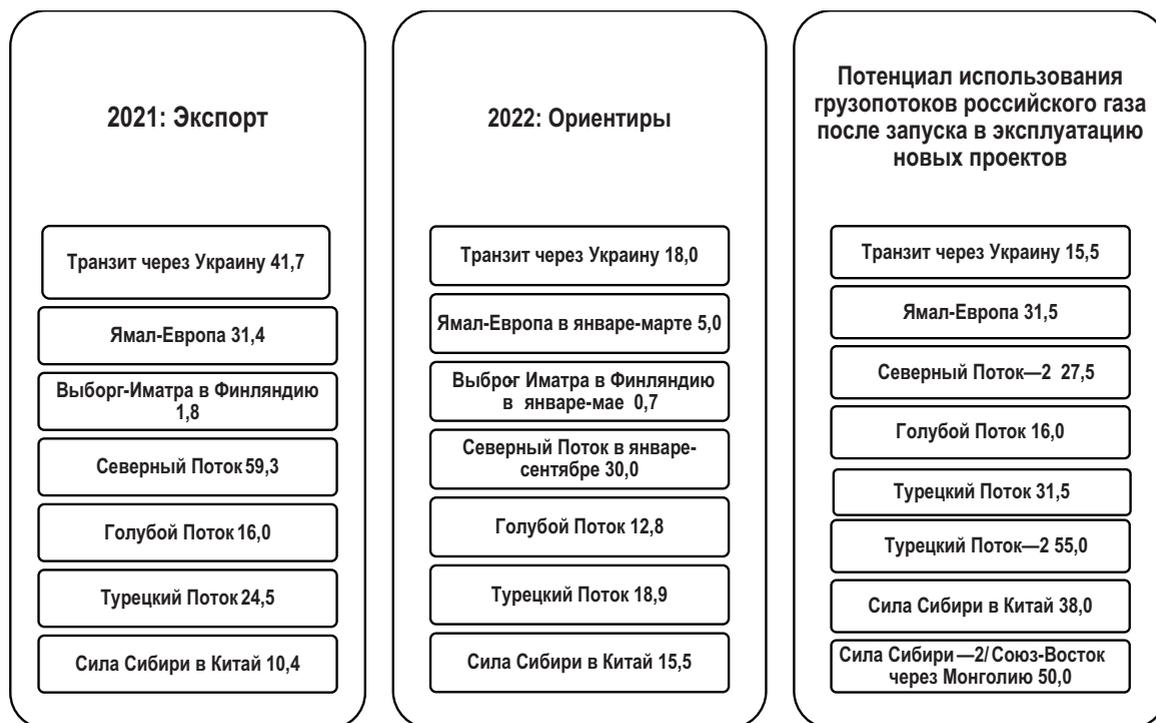


Рис. 3. Оценка потенциала использования грузопотоков российского газа после запуска в эксплуатацию новых проектов, млрд куб. м в год
 Fig. 3. Assessment of the Potential for the Use of Russian Gas Cargo Flows After the Commissioning of New Projects, Billion Cubic Meters per Year

Источник: ООО «Газпром экспорт», ООО «НААНС-МЕДИА», составлено автором

Перспективы изменения грузопотоков российского газа

Президент России В. В. Путин выдвинул идею¹, которая может радикальным образом повлиять на экономический ландшафт всей Европы. Речь идет о создании на территории Турции газового хаба — системы распределения и дальнейшей перепродажи российского газа.

Глава Газпрома Алексей Миллер допустил, что поставки газа, прерванные после терактов на «Северных Потоках», могут быть переброшены в турецком направлении².

В случае если Россия и Турция согласуют строительство дополнительной трубопроводной системы, то для возмещения выпавших в результате подрыва «Северного Потока» поставок российского газа может потребоваться ввод в эксплуатацию двух новых веток «Турецкого Потока».

В 2021 г. был запущен в эксплуатацию «Балканский Поток», представляющий собой продолжение «Турецкого Потока», для Болгарии и Сербии, Хорватии и Венгрии.

Если ранее Германия являлась главным газораспределительным хабом российского трубопроводного газа в Европе, то теперь эту позицию может занять Турция. Страны Северной Европы в дальнейшем все больше будут зависеть от дорогостоящего СПГ, а Южная Европа сможет получать через «Балканский Поток» приоритетные по стоимости партии российского газа³.

¹ Путин предложил Эрдогану создать газовый хаб в Турции. Нужен ли он Европе [Электронный ресурс] // РБК (сайт). 14.10.2022. URL: <https://www.rbc.ru/business/14/10/2022/6347f9d49a7947dfbedaa0f4> (дата обращения: 01.11.2022).

² Миллер допустил перенаправление газа для «Северных Потоков» через Турцию [Электронный ресурс] // РИА Новости (сайт). 16.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221016/turtsiya-1824412035.html> (дата обращения: 07.11.2022).

³ Что произойдет с газовой отраслью России, которая лишится возможности экспортировать от 80 до 100 млрд куб. м газа в год (комментарий Тамары Сафоновой) [Электронный ресурс] // Нефть и Капитал. 31.10.2022. URL: <https://oilcapital.ru/news/2022-10-31/100-mlrd-kubometrov-bez-rynkov-sbyta-2412687> (дата обращения: 01.11.2022).

Резерв пропускной способности «Голубого Потока» и «Турецкого Потока» можно нарастить в ближайшей перспективе с учетом новых договоренностей о цене поставки топлива, так как условия ценообразования по двум трубопроводным системам отличаются.

Поскольку совокупная мощность «Турецкого» и «Голубого» потоков составляет 47,5 млрд куб. м, то уже в 2023 г. возможно нарастить объем поставок без дополнительного расширения инфраструктуры, что может быть достигнуто при согласовании приемлемых для сторон ценовых условий.

Запуск дополнительных мощностей «Турецкого Потока» может позволить частично компенсировать выпадающий объем экспорта по «Северному Потоку».

Планы по расширению инфраструктуры поставок в страны Азиатско-Тихоокеанского региона по газопроводной системе «Сила Сибири — 2» и «Союз — Восток» предусмотрительно прорабатываются Россией, Китаем и Монголией в течение нескольких лет. Предполагается, что новые проекты должны объединить западную и восточную газотранспортные системы. То есть газ Западной Сибири, который сейчас был ориентирован на Европу, можно будет направлять в страны АТР.

В начале 2022 г. стороны подписали протокол результатов рассмотрения ТЭО проекта и договор на выполнение проектно-изыскательских работ, а также план деятельности совместной рабочей группы правительства Монголии и «Газпрома» на 2022–2024 гг. Начало строительства ожидается в 2024 г., дата ввода в эксплуатацию монгольской части предварительно запланирована на 2027–2028 гг.

Трансформация экспортных грузопотоков трубопроводного газа по анонсированным проектам «Союз — Восток», «Сила Сибири — 2» зависит от сроков реализации проектов. Запуск этих проектов в полном объеме позволит увеличить экспортный потенциал России по транспортировке газа на 72,5 млрд куб. м в год.

Кроме того, на фоне разрастающегося энергокризиса нельзя исключать и запуск уцелевшей ветки «Северного Потока — 2» мощностью 27,5 млрд куб. м и газопровода «Ямал — Европа» мощностью 32,9 млрд куб. м в случае изменения подходов сторон и снятия санкционных ограничений, так как для стран Северной Европы запуск этих маршрутов эффективнее относительно закупок СПГ.

Сценарии изменения грузопотоков нефти и газа на краткосрочный период до 2025 г.

Существующие методологии прогнозирования позволяют формировать ключевые показатели развития мировой и отечественной нефтегазовой индустрии со значительным диапазоном расхождений, что создает неопределенности, прежде всего, в части целесообразности инвестиций в новые инновационные проекты (см. рис. 4).

В монографии [4] автором предложена модель прогнозирования топливно-энергетических балансов, которая учитывает расширенный перечень предпосылок изменения структуры мирового энергетического баланса по трем сценариям:

- базовому;
- сценарию нефтегазового противостояния (оптимистичному для российской нефтегазовой отрасли);
- сценарию быстрого изменения структуры мирового энергетического баланса (пессимистичному для российской нефтегазовой отрасли).

Основополагающими факторами, оказывающими влияние на изменение производства и потребления российского газа, являются:

а) экзогенные факторы:

- ограничения фундаментального характера, главным из которых является тренд на формирование замкнутых экономических систем: неготовность развитых стран поддерживать экономики других стран за счет импорта сырья и продуктов переработки;
- санкционное давление стран G7 и Евросоюза, трансформировавшееся за последнее десятилетие из исключительной меры воздействия в традиционную меру влияния на экономику нефтегазового сектора и бюджет России;

- рассматриваемое странами G7 и Евросоюза введение лимитов цен на газ;
 - анонсированное Еврокомиссией сокращение в 2022 г. импорта российского газа на 100 млрд куб. м;
 - расконсервация в странах Евросоюза выведенных ранее из эксплуатации мощностей электрогенерации;
 - рост использования угля и темных нефтепродуктов в странах Евросоюза с наибольшим углеродным следом на фоне дефицита российского газа;
 - стратегия декарбонизации энергетики, принятая Евросоюзом, включающая рост доли электромобилей в структуре производства;
 - рост инвестиций в возобновляемую энергетику;
 - стимулирование энергосбережения в странах Евросоюза;
 - активизация инвестиционных проектов и торговых отношений России с дружественными странами в области транспортировки газа и производства СПГ;
- б) эндогенные факторы:
- параметры налогового маневра в России, действующие системы субсидирования и связанный с ними инвестиционный климат;
 - системы ценообразования на газ;
 - темпы реализации новых проектов по добыче газа, производству СПГ в России, транспортировке газа и соединению западной и восточной газопроводных систем.

Оптимистичный сценарий

Оптимистичный сценарий предполагает прирост объемов экспорта российского газа относительно уровня 2022 г., основанный на предположении:

- о смягчении санкционного давления коалиции G7 и ЕС на энергетический сектор России;
- о переориентации основной части грузопотоков нефти из Европы в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР);
- об увеличении объемов поставок российского газа транзитом через Украину;
- о сертификации и запуске второй ветки газопровода «Северный Поток — 2» мощностью 27,5 млрд куб. м;
- об увеличении объемов поставки газа через существующий газопровод «Турецкий Поток» до 31,5 млрд куб. м;
- о вводе в эксплуатацию дополнительной газопроводной магистрали «Турецкий Поток — 2» мощностью от 31,5 до 55,0 млрд куб. м;
- о запуске газопровода «Ямал — Европа» мощностью 32,9 млрд куб. м;
- об объединении западной и восточной газотранспортной системы;
- о расширении пропускной способности газопровода «Сила Сибири» до 38 млрд куб. м;
- о вводе в эксплуатацию газопроводной системы «Сила Сибири — 2» и дополнительной газопроводной магистрали «Союз — Восток» через Монголию мощностью 50 млрд куб. м.

Базовый сценарий

Базовый сценарий предполагает снижение объемов экспорта российской нефти относительно 2022 г., основанного на предположении:

- о сохранении санкционного давления коалиции G7 и ЕС на энергетический сектор России на текущем уровне;
- о переориентации части грузопотоков магистрального трубопроводного газа из Европы в страны АТР и Турцию;
- об исключении продаж российского газа тем странам, которые одобряют потолок цен;

- о стабилизации объемов поставок российского газа транзитом через Украину на уровне 20 млрд куб. м;
- о выходе объемов поставки газа через существующий газопровод «Турецкий Поток» на использование полного потенциала в объеме 31,5 млрд куб. м;
- о росте объемов перекачки по газопроводу «Сила Сибири» до 20 млрд куб. м;
- о вводе в эксплуатацию первого этапа газопроводной системы «Сила Сибири — 2» и дополнительной газопроводной магистрали «Союз — Восток» через Монголию мощностью 25 млрд куб. м.

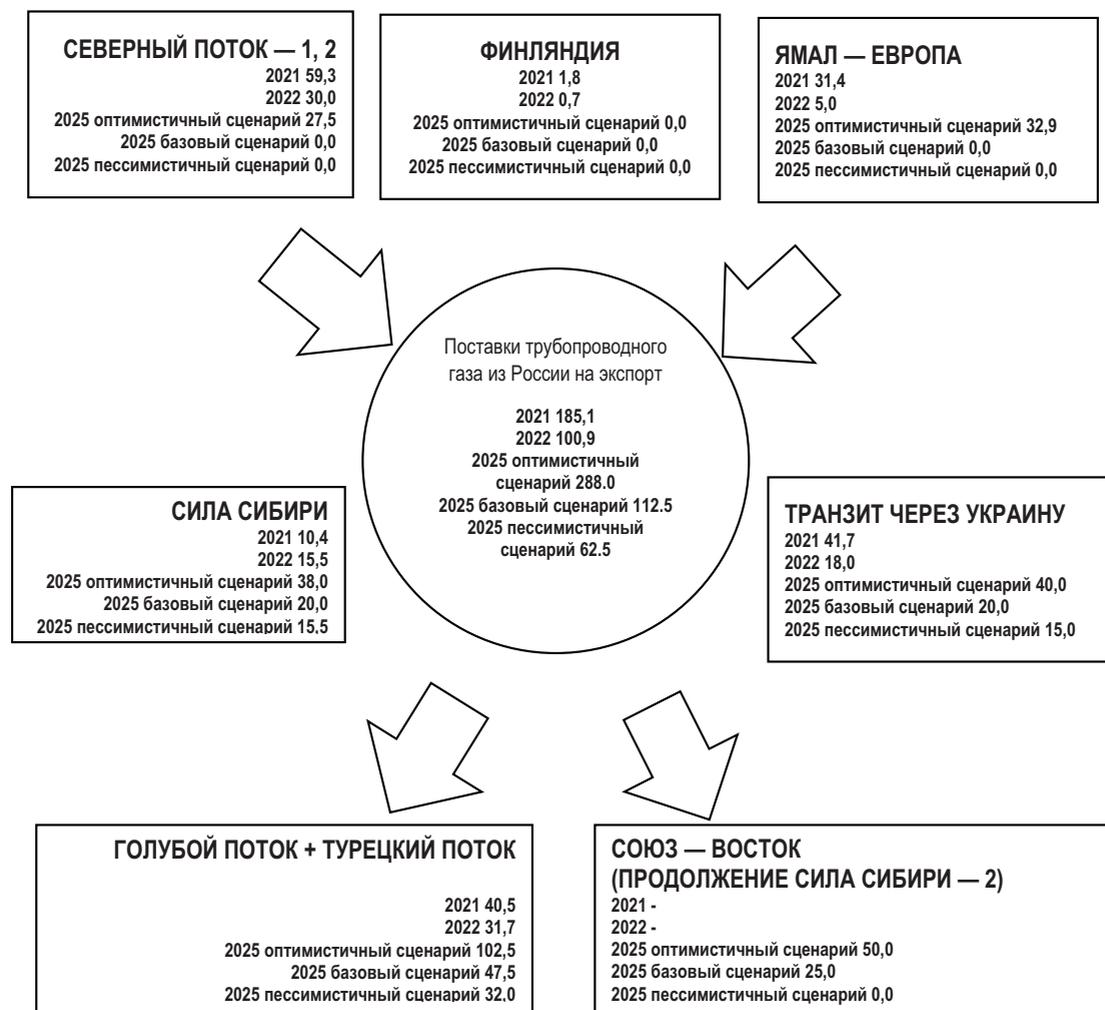


Рис. 4. Прогноз изменения экспортных грузопотоков российского трубопроводного газа на краткосрочную перспективу по трем сценариям, млрд куб. м в год

Fig. 4. Forecast of Changes in Export Cargo Flows of Russian Pipeline Gas in the Short Term under Three Scenarios, Billion Cubic Meters per Year

Пессимистичный сценарий

Пессимистичный сценарий предполагает резкое снижение объемов экспорта российской нефти и газа и основан на предположении:

- об усилении санкционного давления коалиции G7 и ЕС на энергетический сектор России;
- об эскалации энергокризиса в Европе;

- о реализации в дальнейшей перспективе в полном объеме планов по сокращению импорта российского газа на 100 млрд куб. м относительно уровня 2021 г.;
- об ответном сокращении российских грузопотоков газа в страны Евросоюза;
- о сохранении объемов поставок российского газа транзитом через Украину на уровне 42 млн куб. м / сутки;
- об увеличении объемов поставки газа через существующий газопровод «Турецкий Поток» до 31,5 млрд куб. м;
- о сохранении объемов поставок по газопроводу «Сила Сибири» на уровне 2022 г. из-за отсутствия технических возможностей использования ресурсов западной газотранспортной системы.

Выводы

На фоне трансформации глобальных грузопотоков углеводородов в мире, драйвером которой стало санкционное давление на энергетический сектор России, нефтяные компании уже переориентировали большую часть морских перевозок нефти и нефтепродуктов в дружественные страны.

Наиболее уязвимой в период беспрецедентного санкционного давления оказалась российская система экспортных газопроводов, исторически ориентированная на европейских потребителей.

С учетом перехода стран Евросоюза на потребление СПГ, для исключения глобального дефицита газа в мире, важно ускорение этапов перехода на рынки дружественных стран, что повлияет на компенсацию выпадающих объемов, ранее направляемых в Европу.

В статье систематизированы экзогенные и эндогенные факторы влияния на изменение производства и потребления российского газа, которые системно учитываются автором в предпосылках для формирования каждого из прогнозных сценариев.

Согласно оптимистичному сценарию автора, объем экспорта газа из России может увеличиться со 100,9 млрд куб. м в 2022 г. до 288,0 млрд куб. м в 2025 г. при условии ускоренных темпов строительства газопроводных систем как в России, так и странах-транзитерах.

По базовому сценарию объем экспорта газа из России может возрасти со 100,9 млрд куб. м в 2022 г. до 112,5 млрд куб. м в 2025 г. при условии частичной переориентации грузопотоков на Восток.

Пессимистичный сценарий предполагает сокращение объема экспорта газа из России со 100,9 млрд куб. м в 2022 г. до 62,5 млрд куб. м в 2025 г. при условии отсутствия практических действий по строительству мощностей в восточном направлении.

Принимая во внимание полученные прогнозные показатели изменения объемов экспорта газа из России к 2025 г. по трем сценариям, для исключения существенных потерь по добыче газа в России и реализации оптимистичного сценария автором предложено ускорение сроков объединения западной и восточной газотранспортных систем, а также реализации инвестиционных проектов строительства газопроводных мощностей «Сила Сибири — 2», «Союз — Восток», «Турецкий Поток — 2», обеспечивающих развитие евразийской интеграции.

Стоит обратить внимание и на расширение сотрудничества со странами СНГ / ЕАЭС с целью использования потенциала советских трубопроводов и замещения ресурсной базы для обеспечения взаимовыгодных поставок¹.

Кроме того, важным будет подписание долгосрочных межгосударственных соглашений о сотрудничестве с дружественными странами-импортерами в области топливно-энергетических комплексов, что позволит определить направления, объемы, стоимостные ориентиры и целесообразность создания дополнительной инфраструктуры.

¹ Строительство газопровода «Союз — Восток» — один из приоритетов российской энергетики на 2023 г. — оценка доцента факультета маркетинга и международного сотрудничества Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте РФ, к. э. н. Тамары Сафоновой [Электронный ресурс] // Энергетика и промышленность России. URL: <https://www.eprussia.ru/news/base/2023/3877435.htm> (дата обращения: 16.01.2023).

При этом в перспективе объемы добычи газа в России могут поддерживаться за счет роста внутреннего потребления, ввода в эксплуатацию мини-заводов по производству СПГ, масштабных проектов по экспорту СПГ, развития направлений газопереработки и создания новых нефтехимических производств.

Литература

1. Белогорьев А. Перспективы экспорта российского газа в новых условиях // Энергетическая политика. 2022. №6 (172). С. 6–17. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_6172_6
2. Гумарова И. С. Приоритеты энергетической дипломатии России: автореферат дис. кандидата политических наук : 23.00.04; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. Санкт-Петербург, 2008.
3. Пакин А. К. Экспорт российского природного газа в страны Европы: перспективы, вызовы, риски : автореферат дис. кандидата экономических наук. Москва, 2018
4. Сафонова Т. Ю. Исследование эндогенных и экзогенных факторов влияния на результаты прогнозирования в нефтегазовой отрасли на фоне трансформации структуры мирового топливно-энергетического баланса : монография. Москва : Первое экономическое издательство, 2022. 344 с. DOI: 10.18334/9785912924224

Об авторе:

Сафонова Тамара Юрьевна, генеральный директор ООО «Независимое аналитическое агентство нефтегазового сектора» (ООО «НААНС-МЕДИА»), доцент факультета маркетинга и международного сотрудничества Института управления и регионального развития (ИУРР) РАНХиГС (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук;
e-mail: safonovaty@yandex.ru

References

1. Belogoriev A. Prospects for the Export of Russian Gas in the New Conditions. *Energy Policy* [Energeticheskaya politika]. 2022; (6 (172)): 6–17. (In Rus.) DOI: 10.46920/2409-5516_2022_6172_6
2. Gumarova I. S. Priorities of Russia's Energy Diplomacy : abstract of the dissertation of the Candidate of Political Sciences: 23.00.04 [Place of defense: St. Petersburg State University]. St. Petersburg, 2008. (In Rus.)
3. Pakin A. K. Export of Russian Natural Gas to European Countries: Prospects, Challenges, Risks : Abstract of the thesis. ... candidate of economic sciences. Moscow, 2018. (In Rus.)
4. Safonova T. Yu. Study of Endogenous and Exogenous Factors of Influence on the Results of Forecasting in the Oil and Gas Industry Against the Background of the Transformation of the Structure of the World Fuel and Energy Balance : monograph. Moscow : First Economic Publishing House, 2022. 344 p. (In Rus.) DOI: 10.18334/9785912924224

About the author:

Tamara Yu. Safonova, General Director of Independent Analytical Agency of the Oil and Gas Sector, Associate Professor of the Faculty of Marketing and International Cooperation of the Institute of Management and Regional Development et RANEPА (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics;
e-mail: safonovaty@yandex.ru

Авторское право и цифровой суверенитет

Кириленко В. П.*, Алексеев Г. В., Румянцев А. С.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: v.vvaas@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

РЕФЕРАТ

Цифровая трансформация затрагивает все сферы жизни общества, привнося туда интерактивные технологии и виртуальную реальность. Поскольку виртуальное (цифровое) пространство зависит от технических и творческих решений, положенных в его основу, постольку правовой режим копирования креативных решений влияет как на свободу творчества, необходимую для устойчивого развития, так и на публичный контроль, значимый для сохранения управляемости суверенных государств и их интеграционных объединений.

Цель. Совершенствование правового режима охраны интерактивных произведений для создания универсального и гармоничного информационного пространства, где защищены права авторов и экономические интересы разработчиков софта, а также гарантирован цифровой суверенитет.

Задачи. Разработка концепции правовой охраны интерактивных произведений и политико-правовое моделирование цифрового (информационного) пространства предполагают имплементацию международных соглашений в области интеллектуальных прав, а также решение комплекса задач по формализации результатов той творческой деятельности, которая воспринимается посредством цифровых технологий.

Методология. Политико-правовое моделирование цифрового пространства осуществляется за счет привнесения терминологической определенности и создания системы защиты прав на интерактивные произведения. Такая правовая конструкция должна обеспечивать эффективный общественный контроль при сохранении свободы творчества в цифровом пространстве.

Результаты. Защита имущественных и моральных прав авторов интерактивных произведений значительно отличается от режима охраны аудиовизуальных произведений и произведений литературы. В то время как по форме объективного выражения компьютерная программа может быть похожа на литературное произведение, ее восприятие целевой аудиторией принципиально отличается тем, что моделирует виртуальное (цифровое) пространство, которое в последнее время стремится контролировать государство.

Выводы. Стремление государства к цифровому суверенитету имеет смысл только при условии высокой востребованности целевой аудиторией интерактивных произведений, обнародованных под юрисдикцией государства. Поскольку информационное пространство универсально, постольку цифровой суверенитет государства неразрывно связан с участием в интеграционных союзах, позволяющих обеспечить надлежащее качество результатов творческого труда и создать необходимое в условиях цифровой трансформации пространство для развития интерактивного искусства и процветания творческих корпораций.

Ключевые слова: интерактивное произведение, свобода, контроль, информационная безопасность, искусственный интеллект, виртуальная реальность

Для цитирования: Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Румянцев А. С. Авторское право и цифровой суверенитет. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2023; 17 (1): 76–88.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-76-88>

Copyright and Digital Sovereignty

Viktor P. Kirilenko*, Georgy V. Alekseev, Alexey S. Rumyantsev

North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation)

* e-mail: v.vvaas@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

ABSTRACT

Digital transformation affects all social spheres bringing to life interactive technologies and virtual reality. Since the virtual (digital) space depends on the digital and creative solutions that form its technological base, insofar the legal regime of copying creative solutions affects both the freedom of creativity necessary for sustainable development and public control which is significant for maintaining the manageability of sovereign states and integrational unions.

Aim. Improving the legal regime for the protection of interactive works to create a universal and harmonious information space where the rights of authors and the economic interests of software developers are protected, as well as digital sovereignty is guaranteed.

Tasks. The concept development for legal protection of interactive works and the political and legal modeling of the digital (information) space presuppose the implementation of international agreements in the field of intellectual rights, as well as solution of several tasks to formalize the results of the creative activity that are perceived through digital technologies.

Methods. Political and legal modeling of the digital space is carried out by introducing terminological certainty and creating a system of the interactive works protection. Such legal construction should provide effective public control while preserving creative freedom in digital space.

Results. The protection of the copyright and moral rights of the authors of interactive works differs significantly from the legal protection of audiovisual artworks and literature. While the form of objective expression in computer programs may be similar to a literary artwork, their perception by the target audience is fundamentally different in that it models a virtual (digital) space, which the state administration seeks to control in recent years.

Conclusion. The state administration's tendency to digital sovereignty makes sense only if the target audience demonstrates high demand for interactive artworks published under the state jurisdiction. Since the information space is universal, the digital sovereignty of the state is inextricably linked with participation in integration unions that ensure the proper quality of the results of creative work and create the digital space that is necessary under digital transformation for the interactive art development and the prosperity of creative corporations.

Keywords: interactive artwork, freedom, control, information security, artificial intelligence, virtual reality

For citing: Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Rumyantsev A. S. Copyright and Digital Sovereignty. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 76–88. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-76-88>

Введение

Известный американский юрист Лоуренс Лессиг (Lawrence Lessig) в своей монографии «Свободная культура» (Free Culture), предлагая новый подход к охране художественных произведений, отмечает, что «из всей творческой работы, произведенной человеком..., крошечная часть имеет коммерческую ценность на протяжении достаточно длительного времени. Для этой крошечной части авторское право является критически важным правовым механизмом» [46]. Другой влиятельный американец Дэвид Рокфеллер (David Rockefeller) небезосновательно полагал, что «наднациональный суверенитет интеллектуальной элиты и мировых банкиров, безусловно, предпочтительнее национального

самоопределения, практиковавшегося в прошлые века»¹. Осознавая угрозы неолиберализма [16], констатируем, что суверенитет интеллектуальной элиты является критически важным правовым механизмом, который обеспечивается авторским правом и экономической рациональностью [15].

Цифровой суверенитет и творческие решения

Цифровой суверенитет и творческие решения неразрывно взаимосвязаны. Поскольку практически все измерения цифрового пространства определяются масштабами интерактивного творчества [44], постольку стремление к авторитету в цифровом пространстве зависит от способности производить и защищать интерактивные творческие решения. С одной стороны, многие российские ученые полагают, что «информационный суверенитет представляет собой... компонент государственного суверенитета, ...в виртуальном информационном пространстве» [18, с. 14], и выступают за протекционистскую политику в отношении национальных интересов, осознавая при этом, что цифровые технологии затрагивают вопросы устойчивого развития и международные нормы «в области защиты прав человека» [9, с. 127]. С другой стороны, «фактически информационный потенциал как “возможность” государства в информационном пространстве является определяющим фактором для государственного информационного суверенитета» [12, с. 29]. Объективное противопоставление возможностей и ограничений характерно для доктринального дискурса об информационной безопасности.

Понятие «цифровой суверенитет», по мнению канадского ученого Стефана Кутюра (Stéphane Couture), тесно связано с определениями технологического, компьютерного и «информационного суверенитета» [17]. Инновационная экономика — это «портал возможностей», через который суверенное государство способно «сформировать цифровое общество» [1, с. 125]. Американские ученые Нейл Уокер (Neil Walker) и Йенс Бартельсон (Jens Bartelson), понимая суверенитет весьма классически «как притязание на авторитет или императивную власть» [35; 55], представляют весьма популярную в Европейском союзе (ЕС) идею о том, что «суверенитет — это речевой акт», связанный с претензией на авторитет. Датские политологи Ребекка Адлер-Ниссен (Rebecca Adler-Nissen) и Томас Гаммельтофт-Хансен (Thomas Gammeltoft-Hansen) в своей монографии «Игры в суверенитет» (Sovereignty Games) создают парадигму суверенитета, где он — языковая игра, «конечной целью которой является расширение полномочий игроков в определенной сфере», а также «претензии на власть и социальные практики, которые их окружают» [31]. Парадигма игры в суверенитет, которая «предполагает инструментализацию суверенитета для различных целей» [54], была с энтузиазмом воспринята в Китайской Народной Республике (КНР).

В процессе моделирования цифрового суверенитета интересен запретительный опыт КНР [9, с. 117–118], который демонстрирует, что «нарушение информационной блокады в долгосрочном периоде приводит к нарушению информационного суверенитета» [Там же, с. 124]. При проведении запретительной политики в информационной сфере угрозу представляет бюрократизация «такого живого, динамичного и творческого процесса, каким является производство и распространение массовой информации» [26, с. 205]. Угроза «цифрового концлагеря» [21] на практике встречает широкое сопротивление со стороны всей креативной цифровой индустрии.

Правительство КНР в 2017 г. обнародовало «Международную стратегию сотрудничества в киберпространстве» (ISCC), которая провозгласила «мир, суверенитет, совместное управление и общие выгоды» в качестве основных принципов международного обмена и сотрудничества в киберпространстве. Среди стратегических целей: защита суверенитета и обеспечение безопасности, защита законных прав и интересов граждан, содействие сотрудничеству в области цифровой экономики и создание платформ для обмена киберкультурой [57]. За период 2013–2023 гг. в рамках инициатив «Один пояс — один путь» и «Цифровой Шелковый путь» в КНР создали технологии и инфраструктуру для экспорта китайской версии Интернета [39].

¹ David Rockefeller's 1991 Speech at a Bilderberg Group Meeting [Электронный ресурс] // LewRockwell.com. March 24, 2017. URL: https://www.lewrockwell.com/2017/03/no_author/david-rockefellers-chilling-speech-bilderberg/ (дата обращения: 12.01.2023).

Включенность КНР в борьбу за цифровой суверенитет инструментальными средствами демонстрирует острую потребность в креативности при игре на авторитет в виртуальном мире. Власти в борьбе за авторитет в информационном пространстве принимают международные стратегии сотрудничества в киберпространстве на национальном и наднациональном уровнях¹. Несмотря на то, что главным стратегическим просчетом таких стратегий остается «отсутствие ценности конкретного индивида» [2, с. 8], технологическая конкуренция между США, КНР и ЕС ускоряет цифровую трансформацию, существенно повышая показатели цифровой экономики. В ЕС крепнет понимание того, что не следует полагаться на регулиющую власть и, поскольку «судьи не выигрывают игру», для сохранения цифрового суверенитета ЕС должен стать «технологической сверхдержавой» (tech superpower) [40]. По мнению российских юристов Л. А. Новоселовой и О. С. Гриня, отечественные «проекты стратегических документов в сфере ИС (интеллектуальной собственности. — В. К., Г. А.) страдают существенными недостатками, пробелами, отсутствием продуманных решений...» [23, с. 4].

Известный культуролог Танг-Хуэй Ху (Tung-Hui Hu) полагает, что рост интереса к «цифровому суверенитету» отчасти обусловлен значимостью облачных технологий, однако основную угрозу от цифровой трансформации он видит в разрыве социальных связей [41; 42], сохранение которых невозможно без новаторских творческих решений. Доминирование США в виртуальном мире определяется не столько технологическим прогрессом, сколько способностью американских корпораций совместить цифровые технологии и интерактивное творчество для получения экономического результата.

Цифровой суверенитет США в значительной степени зависит от успешности IT-бизнеса под американской юрисдикцией, так как «инфраструктурная мощь США заключается в способности извлекать и развертывать социальные ресурсы, а также инициировать и использовать технологические инновации, которые генерируются частным капиталом, и реализуется посредством цифровых платформ» [43]. Американские производители компьютеров изначально активно эксплуатировали интерес человека к играм. Глобальный рынок видеоигр развивается за счет роста числа онлайн-геймеров, и в 2020 г. объем рынка онлайн-игр достиг 166 млрд долл. США. Ожидается, что благодаря растущему проникновению смартфонов и планшетов игровой рынок будет демонстрировать рост в прогнозируемый период 2023–2028 гг., увеличиваясь в среднем на 9% и достигнув 278 млрд долл. США к 2026 г.²

Подчиненность цифровой трансформации экономической логике и парадигме массового потребления «катализирует стирание граней между отраслями права» [27]. Гипотеза о том, что игры за суверенитет подчиняются логике интерактивного искусства, где успех определяется популярностью интерактивных произведений, а также доходами (или убытками) от реализации национальной стратегии сотрудничества в киберпространстве, находит свое подтверждение в правовом дискурсе вокруг правовой охраны компьютерных программ. Во-первых, разработка интерактивных произведений требует от законодательной власти постоянной актуализации нормативно-правовой базы в интересах авторов и IT-корпораций, так как они всегда будут стремиться под более удобную юрисдикцию, а во-вторых, система разрешения споров о правах на интерактивные произведения призвана защищать национальные интересы в цифровой сфере.

Интерактивные произведения

Интерактивные произведения (компьютерные игры) в развитых государствах регулируются как комплексные художественно-технологические решения задач по созданию мультимедийного продукта.

¹ International Strategy for Cyberspace in a Networked World [Электронный ресурс] // Prosperity, Security, and Openness. May, 2011. USA. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf (дата обращения: 12.01.2023); International Strategy of Cooperation on Cyberspace [Электронный ресурс] // China Development Gateway (CnDG). March 08, 2017. URL: http://p.china.org.cn/2017-03/08/content_50081017.htm (дата обращения: 12.01.2023); Joint Communication to the European Parliament and the Council. The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade [Электронный ресурс] // European Commission. Brussels, 16.12.2020. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (дата обращения: 12.01.2023).

² Global Digital Games Market: By Platform: Flash, iOS, Android, Social Network, Others; By Subscription Model: Premium, Paymium, Freemium, Others; By Device: Computers, Laptop, Smartphones, Others; Regional Analysis; Historical Market and Forecast (2018–2028); Competitive Landscape; Industry Events and Developments [Электронный ресурс] // Expert Market Research (EMR) URL: <https://www.expertmarketresearch.com/reports/digital-games-market> (дата обращения: 12.01.2023); Gaming Market — Growth, Trends, COVID-19 Impact, and Forecasts (2023–2028) [Электронный ресурс] // Mordor Intelligence. URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/global-gaming-market> (дата обращения: 12.01.2023).

Британский профессор Таня Аплин (Tanya Aplin) определяет мультимедийный продукт, как «компьютеризированную комбинацию цифровых объектов, представляющих собой текст или графические изображения, а также последовательный поток информации из аудио- и видеозаписи, с которой пользователь может интерактивно взаимодействовать» [32]. Очевидно, что «обратное проектирование» (reverse engineering) [33] и другие приемы современного творчества расширяют границы свободного использования (fair use) объектов интеллектуальной собственности для создания в глобальном информационном пространстве передовых и конкурентоспособных мультимедийных продуктов [34]. Известный американский разработчик и дизайнер компьютерных игр Джесси Шелл (Jesse N. Schell) обоснованно полагает, что в зависимости от творческого замысла авторов интерактивное произведение может включать в себя: видеовставки, систему управления техникой, комплексную физику объектов и прочее структурное наполнение, которое зависит от жанра и бюджета проекта [52].

Американский юрист Грег Ластовка (Greg Lastowka) в своей работе «Виртуальная юстиция» (Virtual Justice) сформулировал определение мультимедийного произведения — составного результата творческого труда, которое содержит новые охраняемые авторским правом элементы, каждый из которых может быть как самостоятельным объектом права, так и выступать частью интерактивного продукта — компьютерной программы [45]. Правовая доктрина США начала XXI в. в отношении видеоигр не охраняла сам продукт, а только защищала его элементы и патентные права на оборудование, с помощью которого осуществляется воспроизведение.

Развитие американской доктрины, в частности в работах Дерек Стеттнера (Derek C. Stettner) и Молли Лоусон (Molly S. Lawson), привело к пониманию того факта, что мультимедийное произведение с аудиовизуальными элементами включает в себя изображения, видеозаписи и звуки, а также программное обеспечение, которое технически управляет аудиовизуальными элементами и позволяет пользователям при помощи интерактивности взаимодействовать с различными элементами игры [53]. Вместе с тем некоторые европейские ученые, например Ральф Эгерер (Ralph Egerer), полагают, что мультимедийное произведение представляет собой компьютерную программу, управляющую игрой, и создается она на основе аудиовизуального произведения [49]. Европейская правовая доктрина постепенно приходит к выводу о том, что видеоигры — самостоятельная форма творчества с участием искусственного интеллекта [38].

Российская правовая доктрина также склоняется к выводу о том, что видеоигры — самостоятельный вид производных, составных произведений современного искусства, коммерциализация которых основана на праве доступа к игровой инфраструктуре. В. В. Архипов, задаваясь вопросом «Киберспортивное право: миф или реальность?» [4], приходит вместе с уважаемыми соавторами к выводу, что «компьютерные игры представляют собой разновидность виртуальных миров как пространства воображения человеческого сознания, созданного с помощью технических средств» [8]. Надо полагать, что без «права доступа к информации» [14] не будет и виртуальных миров. В этом контексте логичны выводы А. Ю. Чурилова о рациональности разработки договора «доступа к инфраструктуре облачного гейминга» [30] и режима коммерческой тайны для игровых технологий [29]. Конструктивными представляются идеи Е. С. Гринь о необходимости охраны результатов творческого труда, основой которых является компьютерная программа [10], в том числе «технологий виртуальной и дополненной реальностей, ... виртуальных образов» [11]. Однако при поисках оптимальных правовых решений для защиты интерактивных творческих решений (в том числе для «аватаров в виртуальных мирах» [5]) рекомендуется учитывать, что, во-первых, все эти виртуальные (облачные) миры находятся одновременно под несколькими национальными юрисдикциями и, во-вторых, технические средства (особенно софт) постоянно модифицируются в интересах разработчиков.

Цифровой суверенитет проявляется при создании произведений искусства, востребованных на национальном рынке. Так, в частности, в Японии на фоне популярности жанра аниме (японской мультипликации) образовались две рациональные правовые позиции в отношении понятия интерактивного произведения [49]. Первая относит видеоигры к кинематографическим произведениям, включающим в себя визуальные или аудиовизуальные эффекты (анимацию), зафиксированные в программном ко-

де; вторая — к составным произведениям, включающим в себя визуальные и музыкальные произведения, зафиксированные в программном коде [49]. Представляется, что именно спрос целевой аудитории в Японии на жанр аниме во многом характеризует ее цифровой суверенитет и самобытность.

Во многих видеоиграх участвует искусственный интеллект, и на вопрос о том, насколько устоявшиеся критерии творчества «допустимо применять... к объектам, создаваемым искусственным интеллектом» [22, с. 531], безусловно, заманчиво отвечать по логике гражданского права, утверждая, что «по поводу создаваемых искусственным интеллектом объектов стороны сами могут договариваться о статусе таких объектов» [Там же, с.539]. Вместе с тем если сравнивать мультимедийный продукт с аудиовизуальным произведением, то видеоигры «отличаются своей интерактивностью — способностью функционировать при взаимодействии с пользователем» [19]. Несмотря на то, что «государственный контроль в сфере интерактивного творчества в развитых государствах, например во Франции, изначально был ориентирован на борьбу с распространением контрафактных компьютерных программ (интернет-пиратством)» [20], со временем пришло понимание того, что «в современном цифровом мире стоит не только задача охраны интеллектуальной собственности, но и продвижения новых способов ее коммерциализации» [6].

Профессор А. П. Сергеев обоснованно полагает, что «нематериальная сущность объектов интеллектуальной собственности не может не оказывать серьезного влияния на особенности правового регулирования связанных с ними общественных отношений..., [однако] некоторые нормы вещного права достаточно абстрагированы от естественной природы вещей и потому могут также *применяться* (курсив наш. — В. К., Г. А.) к нематериальным объектам» [24, с. 93]. Тот факт, что именно проблемы применения права имеют принципиальное значение, представляется одинаково справедливым и в отношении интерактивных произведений, и в отношении цифрового суверенитета.

Разрешение авторских споров

Разрешение авторских споров изначально использовалось властями США как инструмент контроля над информационным пространством. Конгресс США при разработке Закона об авторском праве 1976 г.¹ пришел к выводу, что компьютерная программа является литературным произведением, поскольку исходный код выражен словами, цифрами или другими обозначениями. Эта правовая логика нашла широкую поддержку в праве США конца XX в. [37; 47] Нет сомнения в том, что ст. 1261 ГК РФ в отношении того, что «авторские права на все виды программ для ЭВМ, включая исходный текст и объектный код, охраняются так же, как авторские права на произведения литературы»², заимствована из права США.

Вместе с тем на практике суды США расценивают видеоигры как аудиовизуальные произведения, прецедентный характер здесь носит спор *Midway Manufacturing Co. vs Artic International, Inc.* 1983 г.³ Решение по делу *Atari Games Corp. vs Oman* 1992 г.⁴ демонстрирует, что охраноспособность интерактивного произведения связана с минимальным необходимым по мнению суда уровнем оригинальности как визуальных, так и аудиальных составляющих. Российская юридическая наука столкнулась с аналогичной проблемой, которую стремится решить через образы персонажей [7]. В рамках судебного спора *Nintendo vs PC BOX* 2014 г.⁵ суд ЕС указал, что видеоигры являются по своей структуре сложными мультимедийными произведениями [56].

При разрешении споров судебные власти США широко применяют трехэтапный тест, который требует (1) создать иерархию образов для предположительно охраняемой программы, (2) отфильтровать

¹ U.S. Copyright Act of 1976, 17. U.S.C. §§ 101 et seq. [Электронный ресурс] // Глобальная база данных правовой информации об ИС WIPO LEX. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/430210> (дата обращения: 12.01.2023).

² Ст. 1261, гл. 70, разд. VII, ч. 4 ГК РФ «Программы для ЭВМ» [Электронный ресурс] // Кодификация.ПФ. URL: <https://rulaws.ru/gk-rf-chast-4/Razdel-VII/Glava-70/Statya-1261/> (дата обращения: 12.01.2023).

³ *Midway Manufacturing Co. vs Artic International, Inc.*, 704 F. 2d. 1009 [Электронный ресурс] // Justia. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/704/1009/107395/> (дата обращения: 12.01.2023).

⁴ *Atari Games Corp. v. Oman*, 979 F. 2d. 242 [Электронный ресурс] // Justia. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/979/242/383509/> (дата обращения: 12.01.2023).

⁵ *Nintendo Co. Ltd and Others v. PC Box Srl and 9Net Srl* [Электронный ресурс] // Info Curia Case-law. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-355/12> (дата обращения: 12.01.2023).

незащищенные элементы и (3) сравнить авторские элементы охраняемой программы со второй программой, которая является основанием для заявления о нарушении прав [51]. Практически повсеместно при отграничении интерактивных произведений от технического софта на практике важную роль играет личность автора компьютерной программы [58], однако в отношении реальности нарушения интеллектуальных прав на видеоигры многие американские тесты, применяемые в судах, расцениваются юристами в ЕС как «логическое заблуждение» (logical fallacy) [48].

Учитывая, что судебная практика признает видеоигры аудиовизуальными произведениями, отдельного внимания заслуживает спор *Silberstein v. Fox Entertainment Group, Inc.*¹, который возник после того, как в 2002 г. вышел фильм “Ice Age”, где присутствует белка по имени Scrat. Нью-йоркский художник Айви Зильберштейн (Ivy Supersonic) доказала, что представила компании Fox персонажа по имени Sqrat в 1999 г. и тогда же подала заявку на регистрацию торговой марки в Управление по патентам и товарным знакам США. Изначально было ясно, что истец сопричастен к созданию персонажа мультфильма и ответчик в какой-то степени нарушил авторские права истца, однако требования истца были связаны с притязаниями на все аудиовизуальное произведение с участием персонажа Scrat и такие притязания невозможно было признать справедливыми [50]. Все же в 2018 г. компания Disney была вынуждена прекратить использование персонажа Scrat полученного от Fox вместе с интеллектуальными правами на “Ice Age”, так как Апелляционный суд США пришел к выводу о необходимости достижения соглашения между истцом (правообладателем торговой марки Sqrat) для использования персонажа Scrat. Спор рассматривался более пятнадцати лет в различных инстанциях и решил одну принципиальную политико-правовую задачу — уравнивал интересы авторов и креативных корпораций.

Заключение

Реализация цифрового суверенитета возможна только на основе технической базы и творческого потенциала. Защита авторских прав на интерактивные произведения является частью стратегии информационной безопасности в условиях цифровой трансформации. Креативный подход к реализации цифрового суверенитета состоит в том, что на определенной стадии развития информационного потенциала цифровая инфраструктура начинает приносить доход тем государствам, которые защищают авторские права и гарантируют экономическую прибыль IT-корпорациям.

Виртуальный характер цифрового суверенитета во многом определяется природой мультимедийной коммуникации [13]. Реализация авторитета креативной части политического класса в виртуальном мире требует широкой аудитории, а значит, международная интеграция способствует росту креативной индустрии. Современные технологии, такие как большие данные и машинное обучение, контролируются корпорациями и претендуют на самостоятельный правовой статус, в противовес защита прав авторов становится основной целью реализации цифрового суверенитета государства.

При защите авторских прав на интерактивные произведения «инструментарий смежного права вряд ли пригоден для надлежащего регулирования частных отношений по использованию в обороте больших данных» [25, с. 106], а значит, для охраны результатов интеллектуального труда и защиты цифрового суверенитета все чаще будут использоваться нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности, такие как ноу-хау, без которых сложно представить себе современное интерактивное творческое решение.

Литература

1. Агеев А. И., Аверьянов М. А., Евтушенко С. Н. [и др.] Цифровое общество: архитектура, принципы, видение // Экономические стратегии. 2017. Т. 19. № 1 (143). С. 114–125.
2. Алексеев Г. В. Расширение областей применения информационных технологий и информационная безопасность государства // Управленческое консультирование. 2017. № 5 (101). С. 8–19. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-5-8-19

¹ *Ivy Silberstein v. Fox Entertainment Group, Inc.*, No. 16-55318 (9th Cir. 2018) United States Court of Appeals [Электронный ресурс] // Justia. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/16-55318/16-55318-2018-04-25.html> (дата обращения: 12.01.2023).

3. *Арзамаскин Н. Н., Смирнов С. В.* Некоторые особенности суверенитета современного государства в информационном пространстве // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 9–22. DOI: 10.33184/pravgos-2021.1.1
4. *Архипов В. В.* Киберспортивное право: миф или реальность? // Закон. 2018. № 5. С. 80–92.
5. *Архипов В. В.* Персонажи (аватары) в многопользовательских компьютерных играх: вопросы правовой квалификации в свете междисциплинарных исследований // Закон. 2022. № 3. С. 58–74. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-18-3-58-74
6. *Близнец И. А.* Авторское право в цифровой среде. Новые вызовы // Роль интеллектуальной собственности в прорывном научно-технологическом развитии общества. XXIII Международная конференция Роспатента. Москва, 2019. С. 35–38.
7. *Близнец И. А., Витко В. С.* Персонаж как объект авторско-правовой охраны в законодательстве России. Москва, 2022.
8. *Васильев А. А., Архипов В. В., Андреев Н. Ю.* [и др.] Онтологический статус компьютерных игр в контексте правовых исследований // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 175–182.
9. *Грибин Н. П., Кохтюлина И. Н., Седунов Д. И.* [и др.] Информационный суверенитет: материалы научной дискуссии // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2 (4). С. 100–131. DOI: 10.53658/RW2022-2-2(4)-100-131
10. *Гринь Е. С.* Виртуальный образ как объект правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 143–148. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.143-148
11. *Гринь Е. С., Богданова Е. Е., Славин О. А.* [и др.] Интеллектуальные права в сфере технологий виртуальной и дополненной реальностей. Москва. 2023.
12. *Кефели И. Ф., Мальмберг С. А.* Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (121). С. 29–39. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-1-29-39
13. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Международно-правовые гарантии свободы самовыражения // Управленческое консультирование. 2014. № 2 (62). С. 116–123.
14. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Право доступа к информации и медиабезопасность // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1. С. 39–49.
15. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Содействие развитию науки и искусства как правовая гарантия информационной безопасности // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 71–80.
16. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Пацек М.* Естественное право и кризис либерального правопорядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 38–54. DOI: 10.21638/spbu14.2019.103
17. *Кутюр С., Тоупин С.* Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 4. С. 48–69. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03
18. *Кучерявый М. М.* Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2015. № 2 (74). С. 8–15.
19. *Лебедь В. В.* Мультимедийные продукты в условиях адаптации французских законов об авторском праве к информационным реалиям // Государство и право. 2014. № 5. С. 72–77.
20. *Лебедь В. В.* Правовой режим аудиовизуальных и музыкальных произведений во Франции // Государство и право. 2014. № 2. С. 85–91.
21. *Мерзляков С. С.* Российский IT-специалист: между «цифровым концлагерем» и «технологическим гуманизмом» // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 4. С. 1543–1556. DOI: 10.18334/vines.11.4.113804
22. *Наумов В. Б., Тютюк Е. В.* К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62. № 3. С. 531–540. DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.307

23. Новоселова Л. А., Гринь О. С. Формирование стратегий развития интеллектуальной собственности в целях преодоления административных барьеров // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 4–27. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.4.27
24. Сергеев А. П. Применение правил раздела II «Право собственности и другие вещные права» Гражданского кодекса РФ к отношениям интеллектуальной собственности // Закон. 2018. № 12. С. 87–95.
25. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.
26. Суходолов А. П., Рачков М. П., Бычкова А. М. Запретительная политика государства в сфере средств массовой информации: анализ законодательства и правоприменительной практики. Москва, 2018.
27. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1
28. Фомин А. А. Информационный суверенитет как фактор обеспечения национальной безопасности // Современное право. 2021. № 4. С. 27–33. DOI: 10.25799/NI.2021.59.73.004
29. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в игровой индустрии // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 10. С. 59–68.
30. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование облачного гейминга // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8 (141). С. 83–92. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.083-092
31. Adler-Nissen R., Gammeltoft-Hansen T. Sovereignty Games. Instrumentalizing State Sovereignty in Europe and Beyond. New York : Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230616936
32. Aplin T. Copyright Law in the Digital Society. The Challenges of Multimedia. Oxford : Bloomsbury Academic. 2011.
33. Aplin T. Reverse Engineering and Commercial Secrets // Current Legal Problems. Vol. 66. Iss. 1. 2013. P. 341–377. DOI: 10.1093/clp/cut004
34. Aplin T., Bently L. Global Mandatory Fair Use: The Nature and Scope of the Right to Quote Copyright Works. 2020.
35. Bartelson Jens. The Concept of Sovereignty Revisited // European Journal of International Law. 2006. Vol. 17. Iss. 2. P. 463–474. DOI: 10.1093/ejil/chl006
36. Bertol D., Foell D. Designing Digital Space: An Architect's Guide to Virtual Reality. Wiley. 1997.
37. Brill J. Computer Programs as Literary Works and as Modes of Operation: A Case Comment on Lotus v. Borland // Chicago-Kent Law Review. 1998. Volume 74. Iss. 1. P. 289–314.
38. Georgieva H. Video Games — Objects of Intellectual Property Law. Comparative Law Analysis // Proceedings of University of Ruse. 2016. Vol. 55.
39. Hillman J. E. The Digital Silk Road: China's Quest to Wire the World and Win the Future. 2021.
40. Hobbs C. (Ed.). Europe's Digital Sovereignty: From Rulemaker to Superpower in the Age of US-China Rivalry. European Council on Foreign Relations. 2020.
41. Hu. Tung-hui. A Prehistory of the Cloud. Cambridge, MA : The MIT Press. 2015.
42. Hu. Tung-hui. Digital Lethargy. Dispatches from an Age of Disconnection. Cambridge, MA : The MIT Press. 2022.
43. Kelton M., Sullivan M., Rogers Z. [et al.] Virtual sovereignty? Private Internet Capital, Digital Platforms and Infrastructural Power in the United States // International Affairs. 2022. Vol. 98. Iss. 6. P. 1977–1999. DOI: 10.1093/ia/iia226
44. Kirby J. Digital Space and Embodiment in Contemporary Cinema: Screening Composite Spaces. Taylor & Francis. 2022. DOI: 10.4324/9781003222262
45. Lastowka G. Virtual Justice: The New Laws of Online Worlds. Yale University Press. 2010.
46. Lessig L. Free Culture. New York : The Penguin Press. 2004.
47. Menell P. S. An Analysis of the Scope of Copyright Protection for Application Programs // Stanford Law Review. 1989. Vol. 45. P. 1045.
48. Moon K. Another Nail in the Coffin for non-Literal Software Copyright Infringement? // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2015. Vol. 10. Iss. 12. P. 921–930. DOI: 10.1093/jiplp/jpv173

49. Ramos A., López L., Rodríguez A. [et al.] The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches. Geneva. WIPO. 2013. 98 p.
50. Rothstein J. K. Unilateral Settlements and Retroactive Transfers: A Problem of Copyright Co-Ownership // University of Pennsylvania Law Review. 2009. Vol. 157. No. 3. P. 881–921.
51. Samuelson P. Functionality and Expression in Computer Programs: Refining the Tests for Software Copyright Infringement // Berkeley Technology Law Journal 2016. Vol. 31. Iss. 2. P. 1215–1300. DOI: 10.2139/ssrn.2667740
52. Schell J. N. The Art of Game Design: A Book of Lenses. CRC Press. 3rd Edition. 2019. 653 p.
53. Stettner D. C., Lawson M. S. Top Issues in 2020: Digital Technology. USA. 2020.
54. Tai K., Yuan Yi Zhu. A historical Explanation of Chinese Cybersovereignty // International Relations of the Asia-Pacific. 2022. Vol. 22. Iss. 3. P. 469–499. DOI: 10.1093/irap/lcab009
55. Walker N. Sovereignty in Transition. Hart Publishing 2003. 572 p.
56. Widła B. More than a game: Did Nintendo v. PC Box give manufacturers more control over the use of hardware? // Computer Law & Security Review. 2016. Vol. 33. DOI: 10.1016/j.clsr.2016.11.013
57. Xinbao Z. China's Strategy for International Cooperation on Cyberspace // Chinese Journal of International Law. 2017. Vol. 16. Iss. 3. P. 377–386. DOI: 10.1093/chinesejil/jmx026
58. Zhu C. W. A Regime of Droit Moral Detached from Software Copyright? — The Undeath of the 'Author' in Free and Open Source Software Licensing // International Journal of Law and Information Technology. 2014. Vol. 22. Iss. 4. P. 367–392. DOI: 10.1093/ijlit/eau004

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; e-mail: v.vvaas@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; e-mail: Deltafox1@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3720-0105>

Румянцев Алексей Сергеевич, магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: alexey.rum133@gmail.com

References

1. Ageev A. I., Averyanov M. A., Yevtushenko S. N. [et al.] Digital Society: Architecture, Principles, Vision. *Economic Strategies* [Ekonomicheskie strategii]. 2017; 19 (1): 114–125. (In Rus.)
2. Alekseev G. V. Expansion of the Fields of Application of Information Technologies and Information Security of the State. *Administrative Consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017; (5): 8–19. (In Rus.) DOI: 10.22394/1726-1139-2017-5-8-19
3. Arzamaskin N. N., Smirnov S. V. Some Features of the Sovereignty of the Modern State in the Information Space. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice* [Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika]. 2021; (1): 9–22. (In Rus.) DOI: 10.33184/pravgos-2021.1.1
4. Arkhipov V. V. Esports Law: Myth or Reality? *Law [Zakon]*. 2018; (5): 80–92. (In Rus.)
5. Arkhipov V. V. Characters (Avatars) in Multiplayer Computer Games: Questions of Legal Qualification in the Light of Interdisciplinary Research. *Law [Zakon]*. 2022; (3): 58–74. (In Rus.) DOI: 10.37239/0869-4400-2022-18-3-58-74
6. Bliznets I. A. Copyright in the Digital Environment. New challenges. The Role of Intellectual Property in the Breakthrough Scientific and Technological Development of Society. XXIII International Conference of Rospatent. Moscow, 2019: 35–38. (In Rus.)

7. Bliznets I. A., Vitko V. S. A Character as an Object of Copyright Protection in the Legislation of Russia. Moscow, 2022. (In Rus.)
8. Vasiliev A. A., Arkhipov V. V., Andreev N. Yu. [et al.] The Ontological Status of Computer Games in the Context of Legal Research. *Altai Law Journal* [Altaiiskii yuridicheskii vestnik]. 2022; (4): 175–182. (In Rus.)
9. Gribin N. P., Kohtyulina I. N., Sedunov D. I. [et al.] Information Sovereignty: Materials of Scientific Discussion. *Russia and the World: Scientific Dialogue* [Rossiya i mir: nauchnyi dialog]. 2022; (2): 100–131. (In Rus.) DOI: 10.53658/RW2022-2-2(4)-100-131
10. Grin E. S. Virtual Image as an Object of Legal Protection. *Actual Problems of Russian Law* [Aktual'nye problemy rossiiskogo prava]. 2020; 15 (6): 143–148. (In Rus.) DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.143-148
11. Grin E. S., Bogdanova E. E., Slavin O. A. [et al.] Intellectual Rights in the Field of Virtual and Augmented Reality Technologies. Moscow. 2023. (In Rus.)
12. Kefeli I. F., Malmberg S. A. The Information Potential of the State as the Basis of Information Sovereignty. *Administrative Consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019; (1): 29–39. (In Rus.) DOI: 10.22394/1726-1139-2019-1-29-39
13. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. International Legal Guarantees of Freedom of Expression. *Administrative Consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014; (2): 116–123. (In Rus.)
14. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Right of Access to Information and Media Security. *Theoretical and Applied Law* [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya]. 2019; (1): 39–49. (In Rus.)
15. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Promoting the Development of Science and Art as a Legal Guarantee of Information Security. *Eurasian Law Journal* [Evraziiskii yuridicheskii zhurnal]. 2020; (4): 71–80. (In Rus.)
16. Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Patsek M. Natural Law and the Crisis of Liberal Law and Order. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo]. 2019; 10 (1): 38–54. (In Rus.) DOI: 10.21638/spbu14.2019.103
17. Couture S., Toupin S. What Does the Notion of “Sovereignty” Mean When Referring to the Digital? *International Organisations Research Journal* [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2020; 15 (4): 48–69. (In Rus.) DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03
18. Kucheryavy M. M. State Policy of Information Sovereignty of Russia in the Conditions of the Modern Global World. *Administrative Consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015; (2): 8–15. (In Rus.)
19. Lebed V. V. Multimedia Products in the Conditions of Adaptation of French Copyright Laws to Information Realities. *State and Law* [Gosudarstvo i pravo]. 2014; (5): 72–77. (In Rus.)
20. Lebed V. V. The Legal Regime of Audiovisual and Musical Works in France. *State and Law* [Gosudarstvo i pravo]. 2014; (2): 85–91. (In Rus.)
21. Merzlyakov S. S. Russian IT Specialist: Between the “Digital Concentration Camp” and “Technological Humanism”. *Russian Journal of Innovation Economics* [Voprosy innovatsionnoi ekonomiki]. 2021; 11 (4): 1543–1556. (In Rus.) DOI: 10.18334/vinec.11.4.113804.
22. Naumov V. B., Tytyuk E. V. On the Legal Status of the “Creativity” of Artificial Intelligence. *Pravovedenie* [Pravovedenie]. 2018; 62 (3): 531–540. (In Rus.) DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.307
23. Novoselova L. A., Grin O. S. Formation of Strategies for the Development of Intellectual Property in Order to Overcome Administrative Barriers. *Law. Journal of the Higher School of Economics* [Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki]. 2020; (2): 4–27. (In Rus.) DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.4.27
24. Sergeev A. P. Application of the Rules of Section II “Property Rights and Other Property Rights” of the Civil Code of the Russian Federation to Intellectual Property Relations. *Law* [Zakon]. 2018; (12): 87–95. (In Rus.)
25. Sergeev A. P., Tereshchenko T. A. Big Data: In Search of a Place in the System of Civil Law. *Law* [Zakon]. 2018; (11): 106–123. (In Rus.)
26. Sukhodolov A. P., Rachkov M. P., Bychkova A. M. Prohibitive State Policy in the Field of Mass Media: Analysis of Legislation and Law Enforcement Practice. Moscow. 2018. (In Rus.)
27. Talapina E. V. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects. *Journal of Russian Law* [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2018; (2): 5–17. (In Rus.) DOI: 10.12737/art_2018_2_1

28. Fomin A. A. Information Sovereignty as a Factor of Ensuring National Security. *Modern Law* [Sovremennoe pravo]. 2021; (4): 27–33. (In Rus.) DOI: 10.25799/NI.2021.59.73.004
29. Churilov A. Yu. Legal Regulation of Intellectual Property in the Gaming Industry. *Intellectual Property. Copyright and related rights* [Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava]. 2017; (10): 59–68. (In Rus.)
30. Churilov A. Yu. Legal Regulation of Cloud Gaming. *Actual Problems of Russian Law* [Aktual'nye problemy rossiiskogo prava]. 2022; 17 (8): 83–92. (In Rus.) DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.083-092
31. Adler-Nissen R., Gammeltoft-Hansen T. Sovereignty Games. Instrumentalizing State Sovereignty in Europe and Beyond. New York : Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230616936
32. Aplin T. Copyright Law in the Digital Society. The Challenges of Multimedia. Oxford : Bloomsbury Academic. 2011.
33. Aplin T. Reverse Engineering and Commercial Secrets. *Current Legal Problems*. 2013; 66 (1): 341–377. DOI: 10.1093/clp/cut004
34. Aplin T., Bentley L. Global Mandatory Fair Use: The Nature and Scope of the Right to Quote Copyright Works. 2020.
35. Bartelson Jens. The Concept of Sovereignty Revisited. *European Journal of International Law*. 2006; 17 (2): 463–474. DOI: 10.1093/ejil/chl006
36. Bertol D., Foell D. Designing Digital Space: An Architect's Guide to Virtual Reality. Wiley. 1997.
37. Brill J. Computer Programs as Literary Works and as Modes of Operation: A Case Comment on Lotus v. Borland. *Chicago-Kent Law Review*. 1998; 74 (1): 289–314.
38. Georgieva H. Video Games — Objects of Intellectual Property Law. Comparative Law Analysis. *Proceedings of University of Ruse*. 2016; 55.
39. Hillman J. E. The Digital Silk Road: China's Quest to Wire the World and Win the Future. 2021.
40. Hobbs C. (Ed.). Europe's Digital Sovereignty: From Rulemaker to Superpower in the Age of US-China Rivalry. European Council on Foreign Relations. 2020.
41. Hu. Tung-hui. A Prehistory of the Cloud. Cambridge, MA : The MIT Press. 2015.
42. Hu. Tung-hui. Digital Lethargy. Dispatches from an Age of Disconnection. Cambridge, MA: The MIT Press. 2022.
43. Kelton M., Sullivan M., Rogers Z. [et al.] Virtual Sovereignty? Private Internet Capital, Digital Platforms and Infrastructural Power in the United States. *International Affairs*. 2022; 98 (6): 1977–1999. DOI: 10.1093/ia/iiac226
44. Kirby J. Digital Space and Embodiment in Contemporary Cinema: Screening Composite Spaces. Taylor & Francis. 2022. DOI: 10.4324/9781003222262
45. Lastowka G. Virtual Justice: The New Laws of Online Worlds. Yale University Press. 2010.
46. Lessig L. Free Culture. The Penguin Press. New York. 2004.
47. Menell P. S. An Analysis of the Scope of Copyright Protection for Application Programs. *Stanford Law Review*. 1989; 45: 1045.
48. Moon K. Another Nail in the Coffin for non-Literal Software Copyright Infringement? *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2015; 10 (12): 921–930. DOI: 10.1093/jiplp/jpv173
49. Ramos A., López L., Rodríguez A. [et al.] The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches. Geneva. WIPO. 2013. 98 p.
50. Rothstein J. K. Unilateral Settlements and Retroactive Transfers: A Problem of Copyright Co-Ownership. *University of Pennsylvania Law Review*. 2009; 157 (3): 881–921.
51. Samuelson P. Functionality and Expression in Computer Programs: Refining the Tests for Software Copyright Infringement. *Berkeley Technology Law Journal*. 2016; 31 (2): 1215–1300. DOI: 10.2139/ssrn.2667740
52. Schell J. N. The Art of Game Design: A Book of Lenses. CRC Press. 3rd Edition. 2019. 653 p.
53. Stettner D. C., Lawson M. S. Top Issues in 2020: Digital Technology. USA. 2020.
54. Tai K., Yuan Yi Zhu. A Historical Explanation of Chinese Cybersovereignty. *International Relations of the Asia-Pacific*. 2022; 22 (3): 469–499. DOI: 10.1093/irap/lcab009

55. Walker N. Sovereignty in Transition. Hart Publishing 2003. 572 p.
56. Widła B. More than a Game: Did Nintendo v. PC Box Give Manufacturers More Control over the Use of Hardware? *Computer Law & Security Review*. 2016; 33. DOI: 10.1016/j.clsr.2016.11.013
57. Xinbao Z. China's Strategy for International Cooperation on Cyberspace. *Chinese Journal of International Law*. 2017; 16 (3): 377–386. DOI: 10.1093/chinesejil/jmx026
58. Zhu C. W. A Regime of Droit Moral Detached from Software Copyright? – the undeath of the 'author' in free and open source software licensing. *International Journal of Law and Information Technology*. 2014; 22 (4): 367–392. DOI: 10.1093/ijlit/eau004

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation;
e-mail: v.vvaas@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: Deltafox1@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3720-0105>

Alexey S. Rumyantsev, Master Program Student of North-West institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: alexey.rum133@gmail.com

Об инвестиционном арбитраже БРИКС

Скворцов О. Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: Oleg.skvortsov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9697-5264>

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается вопрос о создании инвестиционного арбитража в государствах — участниках БРИКС. Предпосылками создания этой институции являются проблемы «классического» инвестиционного арбитража, которые, в свою очередь, предопределены кризисом глобализма как идеи мирового порядка.

Цель. Целью настоящей работы является исследование предпосылок и возможности создания инвестиционного арбитража в государствах БРИКС.

Задачи. В рамках достижения поставленной цели решались следующие задачи: анализ кризиса идеи глобализма и, как следствие, кризиса «классического» инвестиционного арбитража; анализ регионализации правовых институтов вообще и инвестиционного арбитража в частности; анализ условий создания инвестиционного арбитража в государствах — членах БРИКС.

Методология. Методология решения сформулированных задач основана на выявлении тех закономерностей, которые характерны для различных периодов существования мировых политических, экономических и юридических отношений.

Результаты. Предпосылками создания инвестиционного арбитража БРИКС являются проблемы «классического» инвестиционного арбитража. Автор делает вывод о том, что этот кризис влечет тенденцию регионализации как сообществ государств, так и правовых институтов, которые обеспечивают функционирование этих союзов. Отсюда возникает необходимость формирования региональных арбитражей. Поскольку сообщество государств БРИКС поставило своей целью формирование скоординированной финансовой, торговой и инвестиционной политики, то это потребовало и соответствующего юрисдикционного обеспечения этих процессов. Помимо создания прочих институций, экономические нужды БРИКС требуют и создания инвестиционного арбитража, который должен стать механизмом разрешения инвестиционных споров, возникающих между различными субъектами экономической деятельности.

Выводы. Делается вывод о том, что при создании инвестиционного арбитража необходимо отказаться от идеологии защиты исключительно прав инвестора, которая стала доминирующей идеей в вопросах экономического правопорядка. В частности, необходимо учитывать интересы публичных субъектов — реципиентов инвестиций. Эти интересы лежат в плоскости защиты прав человека, публичных нужд, экологических проблем. Кроме того, необходимо отказаться от исключительного использования англосаксонской юридической техники, которая навязывается в рамках существующего инвестиционного арбитража. В конечном итоге делается вывод об актуальности создания инвестиционного арбитража БРИКС, о том, что этот институт будет способствовать укреплению и развитию связей между государствами, участвующими в этом объединении.

Ключевые слова: БРИКС, арбитраж, инвестиционный арбитраж, Вашингтонская конвенция, инвестиционный арбитраж БРИКС

Для цитирования: Скворцов О. Ю. Об инвестиционном арбитраже БРИКС. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2023; 17 (1): 89–97.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-89-97>

About BRICS Investment Arbitration

Oleg Yu. Skvortsov

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: Oleg.skvortsov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9697-5264>

ABSTRACT

The article discusses the issue of creating investment arbitration in the BRICS member states. The prerequisites for the creation of this institution are the problems of “classical” investment arbitration, which, in turn, are predetermined by the crisis of globalism as an idea of the world order.

Aim. The purpose of this work is to study the prerequisites and the possibility of creating investment arbitration in the BRICS countries.

Tasks. Within the framework of achieving this goal, the following tasks were solved: analysis of the crisis of the idea of globalism and, as a consequence, the crisis of “classical” investment arbitration; analysis of the regionalization of legal institutions in general and investment arbitration, in particular; analysis of the conditions for the creation of investment arbitration in the BRICS member states.

Methods. The methodology of solving the formulated tasks is based on the identification of those patterns that are characteristic of various periods of the existence of world political, economic and legal relations.

Results. The prerequisites for the creation of BRICS investment arbitration are the problems of “classical” investment arbitration. The author concludes that this crisis entails a tendency to regionalize both communities of states and legal institutions that ensure the functioning of these unions. Hence, there is a need for the formation of regional arbitrations. Since the BRICS community has set as its goal the formation of a coordinated financial, trade and investment policy, it also required the appropriate jurisdictional support of these processes. In addition to the creation of other institutions, the economic needs of the BRICS require the creation of investment arbitration, which should become a mechanism for resolving investment disputes arising between various economic entities.

Conclusions. It is concluded that when creating investment arbitration, it is necessary to abandon the ideology of protecting exclusively the rights of the investor, which has become the dominant idea in matters of economic law and order. In particular, it is necessary to take into account the interests of public entities — recipients of investments. These interests lie in the plane of protecting human rights, public needs, and environmental problems. In addition, it is necessary to abandon the exclusive use of the Anglo-Saxon legal technique, which is imposed within the framework of the existing investment arbitration. In the end, the conclusion is made about the relevance of the creation of the BRICS investment arbitration, that this institution will contribute to the strengthening and development of ties between the states participating in this association.

Keywords: BRICS, arbitration, Investment arbitration, Washington Convention, BRICS Investment Arbitration

For citing: Skvortsov O. Yu. About BRICS Investment Arbitration. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 89–97. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-89-97>

Введение

Развитие международных отношений можно уподобить маятнику: одна крайность — обострение, ведущее к мировым войнам, сменяется потеплением, порождающим идею глобализма, которое, в свою очередь, влечет унификацию международно-правовых институтов и интеграцию разных существующих в мире государственно-правовых, финансово-экономических и общественно-политических идей,

принципов, связей, морально-политических, материальных и иных ценностей, разнообразных отношений [7, с. 12–13].

Кризис глобализма и его влияние на правовые институты

После длительного периода сравнительной стабильности в отношениях между крупнейшими мировыми державами последовал кризис, последствия которого предсказать сложно. Однако очевидно, что этот кризис оказывает влияние на международно-правовые институты, которые создавались на протяжении многих десятилетий. Разрушаются казавшиеся незыблемыми системы регулирования международного экономического оборота, включая такие фундаментальные концепции, как господство права, права человека, неприкосновенность собственности, персональная ответственность и проч.

Подобного рода тектонические сдвиги, казалось бы катастрофически разрушающие международные институты, тем не менее не могут полностью уничтожить потребности государств в выстраивании систем регулирования отношений между различными акторами международной жизни. И прежде всего такая потребность касается экономической активности.

В последние годы становится очевидной тенденция смены парадигмы универсализма и глобализации новой концепцией, основанной на формировании региональных моделей, которые восполняют потребности государств в регулировании инвестиционного и товарного оборота. Универсальное конвенционное регулирование заменяется либо региональным конвенционным регулированием, либо регулированием на уровне двусторонних соглашений.

Таким образом, одним из важнейших направлений развития международных отношений в обозримой перспективе становится формирование международно-правовых институтов, которые бы делали устойчивыми формирующиеся на основе различных интересов союзы государств, объединяемых сложными политическими устремлениями, но при этом укрепляющими свои связи нормативными установлениями, стабилизирующими их экономическую активность.

Все вышеизложенные суждения общего характера в полной мере касаются тех правовых институтов, которые на протяжении многих лет казались устоявшимися, — международного инвестиционного права, международного торгового права, международного коммерческого арбитража и проч. В ряду этих признанных инструментов регулирования не последнее место занимает и международный инвестиционный арбитраж.

Кризис инвестиционного арбитража и предпосылки институционализации региональных инвестиционных арбитражей

Одним из наиболее значимых мировых достижений в области разрешения инвестиционных споров стало подписание в 1965 г. Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (Вашингтонская конвенция), в соответствии с которой был создан Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). Предназначением этого глобального арбитражного института стало разрешение споров между частными инвесторами (как правило, транснациональными корпорациями) и государствами — реципиентами инвестиций.

Хотя создание этого инвестиционного арбитража и стало ощутимым для мирового экономического порядка, однако полной удовлетворенности всех участников международных инвестиционных отношений так и не повлекло. Объясняется это прежде всего разнонаправленными интересами акторов, участвующих в экономических отношениях. Так, интересы сильных субъектов-инвесторов, которыми, как правило, выступают транснациональные корпорации, лоббируются стоящими за ними развитыми государствами, которые стремятся выстроить модель разрешения споров с протекционистских инвесторам позиций. В то же время государства-реципиенты основывают свои представления об инструментах разрешения споров на соображении необходимости отстаивания внутригосударственных публичных интересов.

Частноправовая тенденция модели разрешения споров в практике инвестиционного арбитража имеет еще одно проявление, отмечаемое исследователями: преобладание защиты интересов инвесторов по сравнению с правами потребителей услуг, предоставляемых в результате реализации инвестиционной деятельности [18, р. 573]. Все вместе это привносит определенный протекционистский тренд в рассмотрение и разрешение споров — тренд в пользу инвесторов и, таким образом, не может вызывать удовлетворенность у государств-реципиентов. Не случайно, что по сию пору остается влиятельной доктрина Монро, которая насчитывает более столетия и пользуется популярностью у развивающихся государств — реципиентов инвестиций.

Нам представляется, что противостояние инвесторов и реципиентов инвестиций суть проявления неразрешимого противоречия, что, однако, не означает того, чтобы отказаться от поиска баланса во взаимоотношениях между частными инвесторами и публичными лицами, принимающими инвестиции.

Все указанные обстоятельства стали причиной сильнеешего кризиса¹, который переживают различные институциональные образования инвестиционного арбитража [3, с. 15; 4, с. 203; 11, с. 34; 13, с. 32; 16, р. 410; 19, р. 1521; 20, р. 169].

Так, как уже отмечалось, серьезные претензии со стороны развивающихся государств предъявляются к МЦУИС.

Другим примером кризиса инвестиционного арбитража стала практика Европейского суда ЕС², под ударами решений которого этот механизм фактически перестал функционировать в Европейском сообществе [1; 2].

Свою неэффективность продемонстрировал юрисдикционный механизм инвестиционного арбитража, целью которого было обеспечить потребности Договора к Энергетической Хартии (ДЭХ)³. Модель разрешения инвестиционных споров, заложенная в ДЭХ и придерживающаяся принципов Вашингтонской конвенции, не выдерживает испытания временем. Не все государства, подписав договор ДЭХ, ратифицировали это соглашение, а некоторые, как Россия, денонсировали его. Причиной тому является в том числе и то обстоятельство, что эта модель разрешения споров сориентирована на англосаксонскую идеологию и юридическую технику. Англосаксонская идеология, заложенная в механизм разрешения споров на основе ДЭХ, хотя об этом прямо не говорится, предопределяет то, что подчинение споров МЦУИС в энергетической сфере неизбежно влияет на экономический суверенитет государств. Сложившаяся за десятилетия практика привела к господству в инвестиционных арбитражах ограниченной группы юристов [10, с. 224] (которые, как правило, попеременно выполняют функции то арбитров, то представителей сторон, то экспертов по вопросам права), которые происходят главным образом из государств англосаксонской правовой семьи, с характерными для них приемами использования юридической техники, которая не всегда приемлема для споров с участием компаний из государств с континентальной, азиатской или латиноамериканской правовой традицией, но главным образом являющихся носителями идеологии, обеспечивающей прежде всего интересы транснациональных компаний [17, р. 1147–1168], происходящих из государств Севера [14, р. 76].

Таким образом, глобальные наднациональные механизмы рассмотрения споров переживают кризис, что требует поиска новых инструментов разрешения инвестиционных споров. Ответом на эти вызовы становится складывающаяся в региональных или иных межгосударственных союзах потребность сформировать правовые институты, при помощи которых будет восполнена начинающаяся образовываться пустота.

¹ *Gus van Harten, David Schneiderman* [et al.]. Public Statement on the International Investment Regime. 31 August 2010. P. 201.

² *Исполинов А.* Решение Суда ЕС по делу Achmea: крестовый поход против инвестиционного арбитража [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Закон.ру». 10.05.2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/10/reshenie_cuda_es_po_delu_achmea_krestovyj_pohod_protiv_investicionnogo_arbitrazha (дата обращения: 31.01.2023); *Исполинов А.* Хроника объявленной смерти: Суд ЕС взял новый рубеж в войне с инвестарбитражами (решение по делу C-638/19 P Micula) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Закон.ру». 07.02.2022. URL: https://zakon.ru/blog/2022/02/07/hronika_obyavlennoj_smerti_sud_es_vzjal_novyj_rubezh_v_vojne_s_investarbitrazhami_reshenie_po_delu_c (дата обращения: 31.01.2023).

³ *Исполинов А.* Суд ЕС в деле Komstroy: судьба инвестарбитражной оговорки в ДЭХ решена на основе принципов дела Achmea [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Закон.ру». URL: https://zakon.ru/blog/2021/10/01/sud_es_v_dele_komstroy_sudba_investarbitrazhnoj_ogovorki_v_deh_reshena_na_osnove_principov_dela_achmea (дата обращения: 31.01.2023).

Одним из значимых трендов современной экономической жизни является интеграционный процесс в регионах, который сопровождается выравниванием правовых условий для различных субъектов инвестиционной деятельности в рамках соответствующего экономического сообщества, т. е. унификационными тенденциями регионального характера. Развитие экономической интеграции государств, которые находятся на территории единого экономического пространства, рассматривается в качестве ответа на те вызовы, с которыми государства столкнулись в XXI в. [5, с. 7; 8, с. 122; 9, с. 132]. Механизм формирования единого экономического пространства, помимо прочего, состоит и в том, что стандартизируются условия рассмотрения споров, поскольку в рамках регионального экономического сообщества гораздо проще выработать унифицированные стандарты, нежели в глобальной экономике. При этом необходимо подчеркнуть важную особенность создания механизма разрешения споров между инвестором и государством, состоящую в том, что решение проблемы видится в том числе и в отказе признания иммунитета государства [5; 12].

Предпосылки создания инвестиционного арбитража БРИКС

В связи с изложенным весьма привлекательной кажется идея создания инвестиционного арбитража БРИКС, в компетенцию которого входило бы рассмотрение двух категорий инвестиционных споров: 1) между частными инвесторами из государств — участников БРИКС и государствами-реципиентами — участниками БРИКС; 2) между частными инвесторами из государств, не являющихся участниками БРИКС, и государствами-реципиентами — участниками БРИКС.

Поскольку, создавая сообщество, государства БРИКС сформулировали помимо прочего цели сотрудничества в ведении экономической деятельности, которые касаются финансов, торговли и инвестиций, то вопрос юрисдикционного обеспечения этих областей хозяйственной деятельности весьма значим. В обеспечении системы разрешения споров коммерческого характера между компаниями государств БРИКС нет особых сложностей. Практика международного коммерческого арбитража, сформированная на протяжении многих десятилетий, позволяет удовлетворять нужды частных экономических агентов. Что касается споров инвестиционного характера, в том числе споров, вытекающих из отношений публично-частного партнерства, то потребности создания специализированного арбитражного учреждения налицо. БРИКС, будучи сравнительно новым экономическим сообществом, нуждается в таком юрисдикционном обеспечении, в рамках которого бы создавались условия для эффективного разрешения конфликтов в инвестиционной сфере.

При формировании инвестиционного арбитража БРИКС следует иметь в виду, что в государствах этого сообщества особую роль играет государственное участие в экономике и привлечении инвестиций. Таким образом, при создании такого органа должна приниматься во внимание специфика разрешения споров между публично-правовым лицом и частными субъектами. Именно такая специфика, хотя и не в полной мере, учитывается в рамках инвестиционного арбитража, модели которого апробированы международным сообществом на протяжении последнего полувека. Вместе с тем должны учитываться и те особенности, которые характерны для экономических процессов, складывающихся в государствах — участниках БРИКС.

Следует отметить, что идея инвестиционного арбитража БРИКС довольно активно обсуждается в литературе¹, на международных экономических форумах². Помимо того, эта идея получает воплощение в виде конкретных проектов³. В то же время создание арбитража БРИКС по всей видимости потребует серьезно-

¹ Комаров В. Н. Инвестиционная инфраструктура: идея создания инвестиционного арбитража БРИКС набирает обороты [Электронный ресурс] // Фонд Росконгресс (сайт). 05.10.2021. URL: <https://roscongress.org/materials/investitsionnaya-infrastruktura-ideya-sozdaniya-investitsionnogo-arbitrazha-briks-nabiraet-обороты/> (дата обращения: 31.01.2023).

² Глава Минюста назвал революционной идеею создания арбитража на площадке БРИКС [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. 04.06.2021, URL: <https://www.nkibrics.ru/posts/show/60bdc8706272697eb4900000> (дата обращения: 31.01.2023); Рассмотрение инвестиционных споров на площадке БРИКС: перспективы создания нового арбитражного института [Электронный ресурс] // Фонд Росконгресс (сайт). 04.06.2021. URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-2021-rassmotrenie-investitsionnykh-sporov-na-ploshchadke-briks-perspektivy-sozdaniya-novogo-arbitrazhnogo/translation/#> (дата обращения: 31.01.2023).

³ СПбГУ представил на ПМЭФ революционный проект инвестиционного арбитража БРИКС // Санкт-Петербургский государственный университет (сайт). 04.06.2021. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-predstavil-na-pmef-revolucionnyy-proekt-investitsionnogo-arbitrazha-briks> (дата обращения: 31.01.2023).

го пересмотра ряда международных соглашений, заключенных государствами, входящими в это объединение. Так, например, Соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 9 ноября 2006 г. предусматривает, что споры, возникающие между инвестором и государством-реципиентом, могут быть переданы на рассмотрение в МЦУИС. Очевидно, что нужды укрепления инвестиционного союза стран БРИКС потребуют пересмотра этого решения.

Представляется, что расходы, связанные с созданием этого инвестиционного арбитража, не будут обременительными для государств — участников БРИКС, поскольку основные затраты на его содержание и развитие в основном будут определяться в рамках конкретных споров и нести эти расходы будут стороны спора. Подобного рода проект вполне может быть реализован на принципах самокупаемости, как это имеет место в ведущих международных коммерческих арбитражных учреждениях.

Преимущества создания такого регионального инвестиционного арбитража заслуживают детального обсуждения. Среди таких преимуществ уже сейчас можно указать на следующие. Это, во-первых, освобождение от идеологии рассмотрения споров на основе приоритета в защите прав инвестора и балансирование инструментов защиты, исходя в том числе из обеспечения публичных интересов государств — реципиентов инвестиций. Во-вторых, ощутимое по сравнению с классическим инвестиционным арбитражем сокращение расходов на проведение арбитражного разбирательства. В-третьих, возможность формирования корпуса арбитров за счет привлечения правоведов, становление и формирование ментальности, восприятие права которых свободно от доминирования англосаксонских юридико-технических подходов. В-четвертых, привлечение арбитров, которые, будучи специалистами в конкретной области права, на основе понимания сущности экономических отношений, складывающихся между сторонами спора, в состоянии вполне квалифицированно рассматривать инвестиционные споры, возникающие между субъектами хозяйственной жизни на экономическом пространстве государств БРИКС. В-пятых, важнейшим доводом в пользу создания инвестиционного арбитража БРИКС должна стать возможность исполнения решений, принятых этим третейским судом, на основе Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йоркская конвенция ООН 1958 г.). Несмотря на то, что инвестиционный арбитраж несколько отличается от классического международного коммерческого арбитража, с юридико-технической точки зрения нет никаких препятствий к тому, чтобы подчинить признание и исполнение его решений Нью-Йоркской конвенции.

При определении компетенции инвестиционного арбитража, охватывающего своей юрисдикцией государства БРИКС, в качестве главных направлений следовало бы определить следующие: применение принципов защиты прав инвесторов; возмещение ущерба инвесторам, понесенного вследствие чрезвычайных ситуаций некоммерческого характера; обеспечение гарантий инвесторам при определении правовых режимов их деятельности; гарантии инвесторам при экспроприации инвестиций; гарантии прав инвесторов при реинвестировании; гарантии прав инвесторов при переходе прав из инвестиционных отношений; обеспечение прав государств — реципиентов инвестиций при рассмотрении вопросов, связанных с правами человека, общественных интересов и экологических проблем. Это основные вопросы, которые интересуют как инвесторов, так и государства — реципиенты инвестиций.

Кроме того, определение компетенции инвестиционного арбитража БРИКС следует сделать максимально широким, предоставив этому арбитражу возможность рассматривать как споры из нарушений государством положений различных экономических соглашений, заключаемых в рамках БРИКС, так и споры, вытекающие из нарушений инвестиционного контракта, заключаемого инвестором и реципиентом инвестиций. Соответствующие положения об арбитраже целесообразно сформулировать по модели зонтичной оговорки, что подразумевает такую ситуацию, когда от инвестора не требуется дополнительного признания юрисдикции арбитража в виде формулирования арбитражного соглашения. В этом случае инвестору будет достаточно предъявить в арбитраж исковое требование, основанное на положениях соответствующего межгосударственного соглашения и инвестиционного контракта. Несмотря на критику некоторых исследователей [15, р. 122], подобная практика апробирована в деятельности основных инвестиционных арбитражей и находит свое закрепление в двусторонних инвестиционных со-

глашениях, заключаемых многими государствами. Кроме того, юрисдикция арбитража БРИКС, в отличие от классических инвестиционных арбитражей, должна предоставлять возможность государству — реципиенту инвестиций предъявлять иски к инвестору.

Заключение

В совокупности все указанные факторы могли бы сделать инвестиционный арбитраж БРИКС привлекательным как для инвесторов, так и для государств-реципиентов и способствовать укреплению и развитию экономического сотрудничества между государствами этого объединения.

Литература

1. *Аудзевичиус Р., Пархаев Д.* Решение Суда ЕС по делу *Slowakische Republik v. Achmea BV* и будущее инвестиционного арбитража в Европе // Новые горизонты международного арбитража : сборник статей. 2019. Вып. 5. С. 348–375.
2. *Бурова Е. С.* Инвестиционный арбитраж как двусторонняя дорога: встречные иски государств к иностранным инвесторам в свете последней практики и нового поколения международных инвестиционных договоров // Новые горизонты международного арбитража : сборник статей. 2020. Вып. 6. С. 344–379.
3. *Бурова Е. С., Коротеева К. В.* Ветер перемен: актуальные обсуждения реформы системы разрешения споров между иностранными инвесторами и государствами // Закон. 2018. № 5. С. 153–163.
4. *Гребельский А. В.* Конец эпохи? Судьба инвестиционного арбитража в свете попыток создания системы создания Инвестиционного суда ЕС // В. А. Кабатов, С. Н. Лебедев: In Memoriam. Сборник воспоминаний, статей, иных материалов. М. : Статут, 2017. С. 476–502.
5. *Доронина Н. Г., Лукьянова В. Ю., Семилютина Н. Г.* [и др.] Международно-правовые аспекты реализации интересов Российской Федерации в связи с формированием Единого экономического пространства: научное издание М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: КОН-ТРАКТ, 2012.
6. *Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г.* Международное частное право и инвестиции : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. 272 с.
7. *Марченко М. Н.* Государство и право в условиях глобализации. М. : Проспект, 2009. 400 с.
8. *Семилютина Н. Г.* Международный коммерческий арбитраж, третейское разбирательство и развитие интегрированных рынков на территории ЕврАзЭС // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 122–128.
9. *Скворцов О. Ю.* Об инвестиционном арбитраже Евразийского экономического союза // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права : сборник статей / Н. Г. Вилкова, П. Я. Грешников, А. П. Сергеев [и др.]; М. : Статут, 2015.
10. *Соловьева А. В.* Международно-правовые доктрины инвестиционного права : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / МГИМО. Москва, 2020. 256 с.
11. *Соловьева А. В.* Новые подходы к реформе инвестиционного арбитража // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 27–39. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-27-39
12. *Хлестова И. О.* Юрисдикционный иммунитет государства. М. : Юриспруденция, 2007. 216 с.
13. *Ходыкин Р. М.* Закат эры инвестиционного арбитража? // Legal Insight. 2014. № 6 (32).
14. *Anthea Roberts.* Clash of Paradigms: Actors and Analogies Shaping the Investment Treaty System // American Journal of International Law. 2013; 107 (1): 4–94. DOI: <https://doi.org/10.5305/amerjintelaw.107.1.0045>
15. *Kjos H. E.* Applicable Law in Investor-State Arbitration: The Interplay Between National and International Law. Oxford University Press, 2013. 343 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199656950.001.0001
16. *Roberts A.* Incremental, Systemic, and Paradigmatic Reform of Investor-State Arbitration // American Journal of International Law. 2018; 112 (3): 410–432 DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2018.69>

17. *Schultz T., Dupont C.* Investment Arbitration: Promoting the Rule of Law or Over-Empowering Investors? A Quantitative Empirical Study // *European Journal of International Law*. 2014; 25 (4): 1147–1168. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chu075>
18. *Simma B.* Foreign Investment Arbitration: A Place for Human Rights // *International and Comparative Law Quarterly*. 2011; 60 (3): 573–596.
19. *Susan Franck.* The Legitimacy Crisis in Investment Treaty Arbitration: Privatizing Public International Law through Inconsistent Decisions // *Fordham Law Review*. 2005; 73 (4).
20. *Tullio Treves.* Aspects of Legitimacy of Decisions of International Courts and Tribunals. In: Wolfrum R., Röben V. (eds) *Legitimacy in International Law*. Springer, Berlin, Heidelberg, 2008: 169–188. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-77764-9_9

Об авторе:

Скворцов Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор;
e-mail: Oleg.skvortsov@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9697-5264>

References

1. Ramūnas Audzevičius, Denis Parchajev. Judgment of the Court of Justice of the European Union in Case *Slowakische Republik v. Achmea BV* and Future of Investment Arbitration in Europe. *New Horizons of International Arbitration* [Novye gorizonty mezhdunarodnogo arbitrazha] : collection of articles. 2019; (5): 348–375. (In Rus.)
2. Elena Burova. Investment Arbitration as a Two-Lane Highway: Counterclaims by states against Investors in Light of the Recent Arbitral Practice and New Generation Investment Treaties. *New Horizons of International Arbitration* [Novye gorizonty mezhdunarodnogo arbitrazha] : collection of articles. 2020; (6): 344–379. (In Rus.)
3. Burova E. S., Koroteeva K. V. Wind of Change: Current Discussions of the Reform of the Dispute Resolution System between Foreign Investors and States. *Law [Zakon]*. 2018; (5): 153–163. (In Rus.)
4. Grebelsky A. V. End of an Era? The Fate of Investment Arbitration in the Light of Attempts to Create a System for Creating an EU Investment Court. In collection of memoirs, articles, other materials: Kabatov V. A., Lebedev S. N.: In Memoriam. Moscow : Statut. 2017: 476–502. (In Rus.)
5. Doronina N. G., Lukyanova V. Yu., Semilyutina N. G. [et al.]. International Legal Aspects of Realizing the Interests of the Russian Federation in Connection with the Formation of the Common Economic Space: scientific publication Moscow : Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation: CON-TRACT, 2012. (In Rus.)
6. Doronina N., Semilyutina N. Private International Law and Investments : monograph. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. 2012. 272 p. (In Rus.)
7. Marchenko M. N. State and Law in the Context of Globalization. Moscow : Prospekt, 2009. 400 p. (In Rus.)
8. Semilyutina N. G. International Commercial Arbitration, Arbitration Proceedings and Development of Integrated Markets in the Territory of the Eurasian Economic Community. *Journal of Russian Law [Zhurnal rossiiskogo prava]*. 2013; (10): 122–128. (In Rus.) (In Rus.)
9. Skvortsov O. Yu. On Investment Arbitration of the Eurasian Economic Union. International commercial arbitration and private law issues : collection of articles / N. G. Vilkova, P. Ya. Greshnikov, A. P. Sergeev [et al.]; Moscow : Statut, 2015. (In Rus.)
10. Solovieva A. V. International Legal Doctrines of Investment Law : dissertation for the degree of PhD in Jurisprudence / MGIMO. Moscow, 2020. 256 p. (In Rus.)

11. Soloveva A. V. New Approaches to the Reform of Investor-State Dispute Settlement. *Moscow Journal of International Law* [Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava]. 2019; (1): 27–39. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-27-39 (In Rus.)
12. Khlestova I. O. Jurisdictional Immunity of the State. Moscow : Jurisprudence, 2007. 216 p. (In Rus.)
13. Khodykin R. M. The End of the Era of Investment Arbitration? *Legal Insight* [Legal Insight]. 2014; (6 (32)). (In Rus.)
14. Anthea Roberts. Clash of Paradigms: Actors and Analogies Shaping the Investment Treaty System. *American Journal of International Law*. 2013; 107 (1): 4–94. DOI: <https://doi.org/10.5305/amerjintelaw.107.1.0045>
15. Kjos H. E. Applicable Law in Investor-State Arbitration: The Interplay Between National and International Law. Oxford University Press, 2013. 343 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199656950.001.0001
16. Roberts A. Incremental, Systemic, and Paradigmatic Reform of Investor-State Arbitration. *American Journal of International Law*. 2018; 112 (3): 410–432. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2018.69>
17. Schultz T., Dupont C. Investment Arbitration: Promoting the Rule of Law or Over-Empowering Investors? A Quantitative Empirical Study. *European Journal of International Law*. 2014; 25 (4): 1147–1168. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chu075>
18. Simma B. Foreign Investment Arbitration: A Place for Human Rights. *International and Comparative Law Quarterly*. 2011; 60 (3): 573–596.
19. Susan Franck. The Legitimacy Crisis in Investment Treaty Arbitration: Privatizing Public International Law through Inconsistent Decisions. *Fordham Law Review*. 2005; 73 (4).
20. Tullio Treves. Aspects of Legitimacy of Decisions of International Courts and Tribunals. In: Wolfrum R., Röben V. (eds) *Legitimacy in International Law*. Springer, Berlin, Heidelberg, 2008: 169–188. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-77764-9_9

About the author:

Oleg Yu. Skvortsov, Professor of the Department of Commercial Law of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor;
e-mail: Oleg.skvortsov@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9697-5264>

О некоторых аспектах эволюции политических элит в странах Евразии

Искаков И. Ж.

АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС», Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: iiel2002@mail.ru

РЕФЕРАТ

Второе десятилетие XXI в. в евразийском пространстве ознаменовалось новыми социоэкономическими и политическими явлениями. Значительные изменения произошли в политическом ландшафте Евразии. Они обуславливались во многом тем, что стали менять свой характер политические процессы, в которых принимали участие евразийские государства, появившиеся на карте Евразии после распада СССР. На арену политической деятельности вышли новые политические акторы, постепенно сменяющие выходцев из прежней партийной номенклатуры. Политическая элита формировалась теперь не из выпускников советской высшей школы, а преимущественно из тех, кто получал образование в высших учебных заведениях Великобритании, Германии, КНР, США, Турции, Франции, Японии, др. Следствием явилась переориентация подобных политиков, политологов, административных работников с традиционных ценностей евроазиатских народов на либеральные псевдотрадиции, характерные для реалий трансатлантических государств.

Исследователи отмечают происходящую сегодня в Средней Азии смену поколений политических деятелей, изменение состава политических элит, их позиций в отношении соседних стран и государств, которые они рассматривают как инвесторов и союзников. В условиях специальной военной операции на Украине и продолжающегося санкционного давления на Россию значительно усилились русофобские настроения и среди правящих кругов, и среди рядовых жителей евразийских государств. Особо стараются это явление подчеркнуть и развить западные СМИ. В статье приводятся примеры недавних событий в ряде стран ЕАЭС и соседствующих с ними государств Евразии. Обращается внимание на необходимость более широкого распространения исторических сведений о политических и иных событиях нового и новейшего времени в Великой степи. Подчеркивается результативность применения накопленных за века принципов и методов хозяйственного, культурного, политического взаимодействия различных государственных образований в сердцеvine Евразии. Обращается внимание на эффективность применения профессионального образования в качестве средства мягкой силы для обеспечения устойчивого развития государств региона. Кратко охарактеризованы перспективы смены политических поколений, необходимость «омоложения» политических элит.

Цель. Выделить значимые аспекты и перспективы эволюции политических элит в странах Средней Азии.

Задачи. Ввести в научный оборот результаты сравнительного анализа формирования и деятельности политических элит новых государственных образований в Евразии на современном этапе.

Методология. Сравнительно-аналитический метод, системный подход, трансдисциплинарный подход.

Результаты. Дана характеристика изменений в политическом ландшафте Евразии и их влияния на деятельность политических элит стран Средней Азии. Выделены новые элементы состояния регионального интеграционного процесса. Показаны результаты применения образования как средства «мягкой силы» в смене политических поколений в государствах региона.

Выводы. В современных условиях значимым фактором формирования нового политического ландшафта на евразийском континенте становится появление новых центров силы и смена поли-

тических поколений правящих кругов. Необходимо расширить применение исторического опыта осуществления профессионального образования для включения молодежи в систему управления в евразийских государствах.

Ключевые слова: политический ландшафт Евразии, государственность, региональный интеграционный процесс, политические элиты, образование

Для цитирования: Искаков И. Ж. О некоторых аспектах эволюции политических элит в странах Евразии. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023; 17 (1): 98-109.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-98-109>

Some Aspects of the Evolution of Political Elites in the Countries of Eurasia

Irlan Zh. Iskakov

ANO HE “University Associated with the IPA of EurAsEC”, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: iiel2002@mail.ru

ABSTRACT

The second decade of the XXI century in the Eurasian space was marked by new socio-economic and political developments. Significant changes have taken place in the political landscape of Eurasia. They were largely due to the fact that the political processes in which the Eurasian states that appeared on the map of Eurasia after the collapse of the USSR began to change their character. New political actors have entered the arena of political activity, gradually replacing people from the former party nomenclature. The political elite was now formed not from graduates of the Soviet higher school, but mainly from those who received education in higher educational institutions of Great Britain, Germany, China, the USA, Turkey, France, Japan, etc. The consequence was the reorientation of such politicians, political scientists, administrative workers from the traditional values of Euro-Asian peoples to liberal pseudo-traditions characteristic of for the realities of transatlantic states (“hedonism for the body and narcissism for the soul”).

Researchers note the generational change of political figures taking place in Central Asia today, the change in the composition of political elites, their positions in relation to neighboring countries and states that they consider as investors and allies. In the conditions of the SVO in Ukraine and the ongoing sanctions pressure on Russia, Russophobic sentiments have significantly increased both among the ruling circles and among ordinary residents of the Eurasian states. The media are especially trying to emphasize and develop this. The article provides examples of recent events in a number of EAEU countries and neighboring Eurasian states. Attention is drawn to the need for a wider dissemination of historical information about political and other events of modern and modern times in the Great Steppe. The effectiveness of the application of the principles and methods of economic, political, and cultural interaction of various state entities accumulated over the centuries in the heart of Eurasia is emphasized. Attention is drawn to the effectiveness of using education as a means of soft power to ensure the sustainable development of the states of the region. The prospects for the change of political generations, the need for “rejuvenation” of political elites are briefly described.

Aim. To highlight significant aspects and perspectives of the evolution of political elites in Central Asian countries.

Tasks. To introduce into scientific circulation the results of a comparative analysis of the formation and activity of political elites of new state formations in Eurasia at the present stage.

Methods. Comparative-analytical method, systematic approach, transdisciplinary approach.

Results. The changes in the political landscape of Eurasia and their impact on the activities of the political elites of the Central Asian countries are characterized. New elements of the state of the regional integration process are highlighted. The results of the use of education as a means of soft power in the change of political generations in the states of the region are shown.

Conclusions. In modern conditions, a significant factor in the formation of a new political landscape on the Eurasian continent is the emergence of new centers of power and the change of political generations of the ruling ones. It is necessary to expand the use of historical experience in the implementation of vocational education to include young people in the management system in the Eurasian states.

Keywords: political landscape of Eurasia, statehood, regional integration process, political elites, education

For citation: Iskakov I. Zh. Some Aspects of the Evolution of Political Elites in the Countries of Eurasia. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 98-109. (In Rus.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-98-109>

Введение

В процессе формирования нового политического ландшафта на Евразийском континенте (после распада Советского Союза) каждое из вновь появившихся государств Евразии стремилось занять заметное место и сыграть важную роль в международной жизни. Главный идеолог холодной войны З. Бжезинский назвал пространство Евразии, где находился Советский Союз, «главным геополитическим призом для Америки» [1, с. 43]. Западные государства, приложившие немалые усилия для достижения победы в холодной войне, применяли различные способы усиления антироссийских настроений среди населения и правящих кругов бывших советских республик. По этой причине они обратили особое внимание на формирование новых политических элит в республиках постсоветского пространства.

Отметим, что отечественные исследователи ввели в научный лексикон элитологию как самостоятельную научную дисциплину. В современной научной литературе чаще других цитируют работы М. Н. Афанасьева, Г. К. Ашина, О. В. Гаман-Голутвиной, Т. И. Заславской, П. Л. Карабущенко, О. В. Крыштановской, А. В. Понеделкова, О. И. Шкаратана и др. Проблемами экономических элит в России занимается Н. Ю. Лапина. В предыдущих своих работах мы привлекали результаты исследовательской работы О. В. Крыштановской (Анатомия российской элиты. М., 2005) и Ж. Т. Тощенко (Фантомы российского общества. М., 2015).

Одним из основных ориентиров политики западных государств стало применение образования в качестве средства мягкой силы. Предоставляя подрастающим поколениям государственных служащих возможности получения высшего образования в своих университетах, страны ЕС и США стремились воспитать из них своих сторонников и помощников, прикрывая подобные цели флером общечеловеческих ценностей и демократизации постсоветского пространства. Необходимость преодоления русофобских предубеждений у представителей политических элит превратилась в одну из важнейших проблем внешнеполитической деятельности России и дальнейшего развития регионального интеграционного процесса.

Основные результаты исследовательской работы

В первое десятилетие после распада СССР в заявлениях правящих слоев новых государственных образований постсоветского пространства, стремившихся обеспечить национальный суверенитет, отражались стремления значительной их части обесценить историческую роль СССР, дистанцироваться от России. Но за семьдесят лет совместного пребывания в составе СССР государства, некогда его образовавшие, оказались связаны историческими, экономическими, политическими, социокультурными и др. узами, и сразу же разорвать их означало поставить под угрозу само национальное бытие новых республик. Многолетний (а с учетом истории Российской империи и многовековой) исторический опыт разнобразного взаимодействия государства российского и народов Великой степи должен был проявиться и в деятельности политических элит новых государственных образований.

Представители правящих кругов этих государств довольно скоро поняли, что полный разрыв хозяйственных и торговых связей с Россией в реальности невозможен. В результате образовалось Содружество Независимых Государств (СНГ). Представители правящих кругов стали все чаще высказывать мнение

о необходимости обеспечить устойчивость хозяйственного взаимодействия. Даже СНГ начали со временем критиковать за то, что оно не смогло сохранить прежнее экономическое сотрудничество. В 1994 г. Н. А. Назарбаевым была предложена идея Евразийского союза с ярко выраженной экономической направленностью.

В конце 1990-х и первом десятилетии 2000-х гг. правящие круги новых независимых государств Евразии функционировали на фоне измененного экономического баланса, усиления накала геополитического соперничества, ведения полномасштабных информационных, экономических, дипломатических войн; перехода на уровень интеграционных объединений и геополитических блоков. О. В. Столетов охарактеризовал постсоветскую Евразию как пространство глобальной геополитической и геоэкономической конкуренции между ведущими субъектами мирового политического процесса [12, с. 81], выделяя формирование полицентричности этого пространства. Его утверждение приобрело особую актуальность сегодня, в условиях перехода к новому технологическому и мирохозяйственному укладу, а также с учетом ведения странами ЕС и США гибридной войны против России. А. Таксубаев еще в 1999 г. подчеркивал, что формирование национальной стратегии развития государств региона происходит в крайне сложных внутренних страновых и региональных условиях балансирования между центрами силы мирового и регионального масштаба [13]. Подобное балансирование можно обнаружить в средневековой и новой истории сердцевинного региона Евразийского континента. Если обратиться к истории взаимоотношений российского государства и народов Средней Азии, то в ней неоднократно зафиксировано стремление местных правителей использовать в собственных целях противоречия между европейскими странами, Российской империей и государственными образованиями на азиатской части континента.

Обратимся к истории китайского государства как активного участника разнообразных процессов на территории Средней Азии. Среднеазиатские территории являлись в разные эпохи сферой особых интересов правителей Китая. Цинскую империю привлекали как сами территории, так и возможность осуществлять на них торговые операции. Через Великую степь проходили Великий шелковый и Великий чайный пути. Для Поднебесной тогда значительным фактором являлось территориальное расширение. Однако главы казахских жузов отнюдь не желали отдавать свои земли соседнему государству. Имели место их обращения за помощью к Российской империи. В XIX в. они умело использовали существовавшие тогда в регионе сложные внешнеполитические отношения между Российской и Цинской империями, Кокандским, Бухарским и иными ханствами [8, с. 13–16]. В современных реалиях опыт такого исторического балансирования обусловил «многовекторность» самих местных элит (политических, деловых, интеллектуальных).

В начале 1990-х гг. Средняя Азия вновь становится зоной столкновения интересов различных внешних сил. КНР поставила задачи «сохранения добрых отношений с соседом, рассмотрение соседа как партнера». В документах Коммунистической партии Китая зафиксировано стремление проявлять «доброжелательность, искренность, взаимную выгодность» при общении с соседними государствами. Среднеазиатский регион обладает обширными сырьевыми ресурсами, является объемным рынком сбыта китайских товаров. В связи с этим он стал рассматриваться китайским правительством как место реализации стратегической программы по ускоренному развитию центральных и западных районов КНР.

В первые годы после распада СССР КНР и бывшие советские республики сочли необходимым установить в первую очередь закрепленные договорами границы, вследствие чего граничащие с Китаем республики уступили ему некоторые территории. Так, при установлении границ между государствами КНР отошла от Казахстана священная для кочевых народов гора Хан-Тенгри¹. Своими землями поделились также Киргизия и Таджикистан. Так, передача Китаю участка площадью 161 км² стала одной из причин первой киргизской революции (2005 г.). Противники А. А. Акаева в политическом руководстве называли этот акт предательством национальных интересов. Процесс расплаты территориями за китайские инвестиции продолжается и сегодня.

¹ По каким причинам республики Средней Азии отдают Китаю свои территории? [Электронный ресурс] // Дзен.Ру. 25.11.2021. URL: <https://dzen.ru/a/YY5RNennAKX6w1K> (дата обращения: 15 декабря 2021).

Примером балансирования можно назвать и тюркский аспект в деятельности политических элит среднеазиатских государств. Уже в 1992 г. Турция созвала саммит глав тюркоязычных государств. В дальнейшем подобные встречи происходили неоднократно, но полное включение в подобную деятельность всех новых евразийских государств не случилось из-за нейтральной позиции Туркменистана и весьма прохладной тогда позиции Узбекистана. Сегодня ситуация несколько изменилась. В Узбекистане и Казахстане появились новые президенты, к тому же Казахстан укрепил свои экономические позиции. В конце 2022 г. в Самарканде прошел первый саммит Организации тюркских государств (ОТГ, первоначальное название — Совет сотрудничества тюркоязычных государств), в состав которой как представители региона входят Казахстан, Киргизия, Узбекистан, а в качестве наблюдателя присутствует Туркменистан. Отсутствие Таджикистана объясняется его принадлежностью к ираноязычному миру. Подобного рода тюркская интеграция является привлекательной для элит среднеазиатских государств, поскольку ставит целью укрепление тесного взаимодействия участников. Важным шагом в этом направлении стало принятие на саммите 2021 г. разработанной Турцией Концепции «Видение тюркского мира — 2040» (или Концепции тюркского мира до 2040 года)¹. Предполагается даже создать для стран ОТГ единый тюркский алфавит, что должно способствовать дальнейшему сближению тюркоязычных стран². К.-Ж. Токаев предложил образовать в 2023 г. единую сеть университетов тюркских стран, которая позволит студентам изучать тюркские языки и знакомиться с историей и культурой тюркских народов³. На саммите 2022 г. приняли Стратегию Организации тюркских государств (сроком на пять лет), подписали Самаркандскую декларацию, а также решили учредить Тюркский инвестиционный фонд⁴.

На современном этапе особая роль в формировании политического ландшафта Евразии принадлежит процессу евразийской интеграции и его участникам. Этот процесс начался не в конце XX в., его историческими проявлениями можно считать некоторые империи Древнего мира, Средневековья, Нового и Новейшего времени. Напомним здесь слова Петра Великого о Великой степи: «Де всем азиатским странам и землям оная де Орда ключ и врата, той ради причины оная де Орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только через их во всех азиатских странах коммюникацию иметь и к российской стороне полезные и способные меры взять» [10, с. 31].

«Последний евразиец» Л. Н. Гумилёв особо выделял необходимость евразийского сотрудничества. Он считал, что евразийская общность — это не интернационал «безродных космополитов», а достойный и взаимоуважительный диалог древних культур и традиций. Об этом напомнил А. Г. Дугин в своем приветствии на презентации книги «Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева» в Астане⁵. Гумилёв утверждал, что между евразийскими народами не было непрерывной войны не на жизнь, а на смерть, не было ненависти, а была система динамичных, крайне сложных политических отношений при неизменном чувстве симпатии и уважении этнического своеобразия друг друга. С его точки зрения, при большом разнообразии географических условий для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения [5].

В процессе евразийской экономической интеграции тон задают Казахстан, Белоруссия и Россия, их часто называют его «локомотивами». При анализе регионального интеграционного процесса следует учитывать: 1) США, Великобритания и страны ЕС постоянно пытаются затормозить региональные интег-

¹ Исторический поворотный момент: «Концепция тюркского мира до 2040 года» [Электронный ресурс] // Независимое информационное агентство «Туран». 20.11.2021. URL: <https://www.turan.az/ext/news/2021/11/free/Worldwide/ru/9701.htm> (дата обращения: 10.12.2022).

² *Исламов Д.* Саммит Организации тюркских государств в Самарканде: между иллюзией и реальностью [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 23.11.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/posts/soviet/sammit-organizatsii-tyurkskih-gosudarstv-v-samarkande-mezhdu-illyuziei-i-realnostyu/?sphrase_id=95024695&ysclid=ldbqvw3dtd130857718 (дата обращения: 10.12.2022).

³ Организация тюркских государств: горизонты интеграции и перспективы участия России [Электронный ресурс] // Каспийский институт стратегических исследований (Caspian.Institute). 16.11.2022. URL: <https://caspian.institute/product/direkciya-mezhdunarodnyh-programm-kisi/organizatsiya-tyurkskih-gosudarstv-gorizonty-integracii-i-perspektivy-uchastiya-rossii-38371.shtml?ysclid=ldbqvw3dtd130857718> (дата обращения: 30.11.2022).

⁴ *Кривошеев К.* Тюркский мир расширяется // Коммерсантъ (газета), 12.11.2022, № 210, с. 1.

⁵ Презентация книги «Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева» в Астане [Электронный ресурс] // Международное «Евразийское Движение» (med.org.ru). 18.09.2004. URL: <http://med.org.ru/article/1954> (дата обращения: 20.01.2023).

рациональные процессы, связанные с ЕАЭС и ШОС; 2) в современном мире евразийские страны предстают отдельными государствами, но нельзя забывать об общем существовании их народов в рамках монгольской Империи Юань (XIII–XIV вв.), Российской империи, Советского Союза; 3) Россия исторически играет роль «связующего звена» в непрерывно развивающемся диалоге восточных и западных цивилизаций. Нельзя отрицать, что в некоторые периоды такой диалог принимал характер конфликта.

Ряд экспертов, отмечая возрастающее влияние КНР в данном регионе, утверждает, что этот фактор ограничивает возможности России продвигать свои интересы в Средней Азии¹. В экспертном сообществе нередко можно слышать мнение, что Китай «уводит» Центральную Азию у России, однако с этим мнением нельзя согласиться полностью. Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркмения уже давно считают КНР ключевым партнером, готовым раздавать щедрые кредиты и финансировать экономические проекты любой сложности². В настоящее время торговля, инвестиционная политика, большой объем строительных работ, выполняемых китайскими рабочими, а также совместная борьба с терроризмом образуют довольно прочную основу для усиления значимости КНР в Средне-Азиатском регионе. Антироссийские санкции со стороны западных государств затрудняют сотрудничество России с бывшими советскими республиками. Аналитики сделали вывод, что Китай получил таким образом возможность «приручить» среднеазиатские элиты и приступить к реализации глобального проекта Нового шелкового пути³.

Следует отметить активизацию действий недружественных в отношении РФ стран по усилению русофобских настроений как в среде элит, так и среди населения среднеазиатских республик. Летом 2022 г. это проявилось, в частности, активной кампанией в СМИ, муссировавшей сообщения о призывах казахстанцев бойкотировать международный музыкальный фестиваль «Жара» с участием российских артистов⁴. Элиты также отреагировали на санкционные мероприятия Запада. Наглядным примером тому является соблюдение части антироссийских санкций или, по крайней мере, нежелание способствовать смягчению их эффекта со стороны властей предрержащих. МИД Республики Казахстан неоднократно заявлял, что республика не будет помогать России обходить санкции. В 2023 г. правительство Казахстана изменило правила въезда и пребывания иностранцев в республике, распространив их и на граждан РФ. Показательно то, что центральноазиатские банки перестали осуществлять операции с картами «Мир», а правительства среднеазиатских государств активизировали общение с западными дипломатами по поводу соблюдения ограничений, опасаясь в ином случае нанесения ущерба экономике собственных стран. С этой целью даже приступили к разработке новых транспортных маршрутов в обход России.

Поскольку процесс западноориентированной демократизации оказался не столь результативен, как того ожидали его инициаторы, в западной научной и публицистической литературе среднеазиатские государства стали оценивать как авторитарные режимы, в которых образовывались новые политические элиты [11]. Формирования подобных элит потребовала необходимость развития институтов государственности в названных странах. История развития государственности у народов региона позволила сделать вывод, что процесс политогенеза начинается с формирования надобщинных политических структур типа протогосударства, он не связан с возникновением частной собственности, классов и классовых антагонизмов [2]. В раннем государстве преимущественную роль играли клановые связи. К примеру, разделение правящих кругов Узбекистана на кланы впервые произошло лет сто — сто двадцать назад, когда из Кокандского ханства в качестве клановых группировок сформировались ташкентский и ферганский кланы, из бухарского — самаркандский клан. Деление на кланы сохранялось и в период СССР, что оказало сильное воздействие на формирование новых политических элит в постсоветский период.

¹ Павленко В. Китай в Центральной Азии: чего ожидать России? [Электронный ресурс] // Информационное агентство REX. 13.01.2023. URL: <https://iarex.ru/articles/88772.html?ysclid=ld3f3d4exl678922307> (дата обращения: 20.01.2023).

² Кириллов М. Слишком большой брат [Электронный ресурс] // Российское новостное интернет-издание Lenta.Ru. 08.01.2023. URL: https://lenta.ru/articles/2023/01/08/china_brothers/?ysclid=ld3ebsjuac108710363 (дата обращения: 20.01.2023).

³ Там же.

⁴ Абаев прокомментировал бойкот фестиваля «Жара» с участием российских артистов [Электронный ресурс] // BaigeNews.kz. 01.06.2022. URL: https://baigenews.kz/abaev_prokommentiroval_boykot_festivalya_zhara-s_uchastiem_rossiyskikh_artistov_133020/ (дата обращения: 07.06.2022).

Соглашаясь в том, что первоначально руководители новых независимых государств рекрутировались из советской партийной номенклатуры, исследователи отмечают и клановый фактор. В Республике Таджикистан, например, на пост президента избрали Эмомали Рахмона, ранее бывшего председателем Верховного Совета Республики Таджикистан. Он с того времени бессменно руководит страной. Окружение президента составляют представители кулябского клана, они же поставлены им на ключевые посты в Республике. Э. Рахмон является главой этого клана, что и определило формирование из них политической элиты республики¹.

В Республике Казахстан политические элиты образовывались из представителей трех родоплеменных объединений: Старшего, Среднего и Младшего жузов. Принадлежность к тому или иному жузу обуславливает определение возможностей и поля деятельности для большинства населения и сегодня. Д. Ашимбаев, известный казахстанский политолог, считает клановость и трайбализм частью культурного кода казахов².

Существующая в настоящее время жесткая вертикальная структура верховной власти в этих странах плавно преобразуется в многочисленные властные клановые пирамиды. Многие аналитики отмечают, что разрушить клановые связи не удалось ни одному президенту. Главы среднеазиатских республик лишь производят частые кадровые перестановки (не делая скидок даже ближайшему окружению).

Назовем основное различие в понятиях «клан» и «элита». В современной науке кланом называют группу людей, объединенных родовой (родственной) или территориальной общностью происхождения. В отечественной научной литературе по отношению преимущественно к народам Средней Азии и Кавказа, сохраняющим пережитки родоплеменного деления, сегодня применяется понятие «кочевнический клан». Такое название появившейся со временем новой разновидности клана дал в своей работе «Принципы клановости в человеческом обществе» немецко-мексиканский антрополог П. Кирхгоф. «Кочевнический клан» состоял из нескольких родственных линий и отличался строгим соблюдением внутрикланового неравенства, основанного на принципе строгой иерархии, восходившей к священному праву первородства [2, с. 161–162]. Отличие клана от политической элиты заключается в том, что клан представляет группу интересов внутри политической элиты, построенную по территориальному или семейно-родственному принципу. Структура кланов не ограничена политической элитой, в клановую группировку могут входить субъекты политики, находящиеся на низших государственных должностях. Клановая система сохраняется во многих государствах Средней Азии, ее особенности во многом обуславливают процесс формирования правящих политических элит, в чьей деятельности проявляются главные направления современной внутренней и внешней политики евразийских государств.

В последние годы исследователи выбрали основным направлением аналитической работы классификацию политических элит по времени появления на свет их представителей. Так сформировалось представление о политических поколениях и их особенностях. Большая часть экспертов выделяют три поколения политических элит. По их мнению, именно первое политическое поколение (годы рождения — 1930–1940-е гг.) вынесло на плечах наиболее тяжелый период 1990-х гг. Однако к концу их эпохи присущий им возрастной консерватизм и некоторая политическая деформация уже мешали управлению государством. Второе поколение образуют представители поколения 1950-х гг., в распоряжении которых обладание принципиально иным «советским» опытом. Их отличает более высокая адаптивность, лучшее знание постсоветских реалий, в некоторых случаях — опыт жизни и работы вне родной страны. Среди аналитиков сформировалось мнение, что государствам региона предстоит скорое усиление политического поколения 1980-х³.

¹ Джабиров Я. Семейно-клановая диктатура Рахмона [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. 10.09.2011. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1315632000> (дата обращения: 22.06.2013).

² Хамитов М. Д. Ашимбаев: Каждый второй высокопоставленный из Старшего жуза, каждый десятый — шапрашты [Электронный ресурс] // 24.06.2020. Информационно-аналитический центр МГУ IA-Centr.ru. URL: <https://ia-centr.ru/experts/marsel-khamitov/d-ashimbaev-kazhdyy-vtoroy-vysokopostavlennyy-iz-starshego-zhuza-kazhdyy-desyatyy-shaprashty/?ysclid=lcku5aroy0180393634> (дата обращения: 06.01.2023).

³ Политические поколения Центральной Азии [Электронный ресурс] // Око планеты. 29.04.2019. URL: <https://oko-planet.su/history/historydiscussions/493106-politicheskie-pokoleniya-centralnoy-azii.html> (дата обращения: 09.06.2019); Центральная Азия на фоне смены политических поколений [Электронный ресурс] // Информационное агентство Zakon.kz. 01.03.2018. URL: <https://www.zakon.kz/4906620-tsentralnaya-aziya-na-fone-smeny.html?ysclid=lcje2t7yim901816515> (дата обращения: 09.09.2019).

Что происходит на практике? Смену политических поколений на евразийском пространстве мотивировали изменения в государственном устройении среднеазиатских государств, реформирование правящих элит, проведение кадровых перестановок практически во всех странах, участвующих в региональном интеграционном процессе на евразийском континенте. Отставка первого президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева ознаменовала собой завершение смены тех лидеров новых государств Средней Азии, которые первыми взяли в свои руки политическую власть после распада СССР. Эти руководители (первое поколение) приобрели опыт политической работы, будучи номенклатурными служащими в системе КПСС. Н. А. Назарбаев (Казахстан), И. А. Каримов (Узбекистан) и С. А. Ниязов (Киргизия) являлись выходцами именно из партийной номенклатуры. Членом Центрального Комитета КПСС был также А. А. Акаев (первый президент Киргизии). Исследователи отмечают, что в Казахстане 1990-х гг. 63,8% государственной элиты представляли собой бывших функционеров КПСС и ВЛКСМ¹.

Естественно, что на первоначальном этапе такие элиты проводили политику, во многом определяемую их прежним опытом номенклатурной работы. Тогда выделялись три основных вектора, которые оказывали влияние на формирование политических элит: ренессанс традиционализма, инерция советской номенклатуры и инновации реформ. Казахские исследователи считали, что начальные процессы элитообразования в постсоветских государствах имели сходные черты, обусловленные общим историческим прошлым и схожестью политических систем. Консервативный настрой таких элит обеспечил относительную стабильность государств, позволил, с одной стороны, избежать проведения в них радикальных реформ, а с другой — предотвратить рост экстремистских настроений. Вместе с тем эксперты отмечали чрезвычайно широкое распространение коррупции и nepотизма, что значительно снижало эффективность управления. Тогдашнее руководство не обладало способностью быстро адаптироваться к новым условиям и препятствовало вливанию «свежей крови» в состав правящей элиты. Это затрудняло успешное развитие новых республик. Обычно приводят пример Туркменистана: в 1990–2000-е гг. руководство страны не провело своевременную модернизацию промышленности, в результате чего возникли трудности при противостоянии рецессии 2014–2016 гг.²

Важным фактором в эволюции элит является проблема формирования кадрового резерва управленцев. 1990-е гг. оказались сложным и тяжелым временем для большинства жителей среднеазиатских республик. Произведенная в тот период резкая смена формации имела результатом изменения в настроенности молодежи. В их понимании главными чертами человека постепенно становились практическая оборотистость, а не наличие знаний. Вследствие этого изменилась ориентация молодежи: получение традиционного профессионального обучения потеряло свою привлекательность. Среди управленцев получил распространение своего рода профессиональный нигилизм. Повлияла также и проводимая иноагентами пропаганда либеральных псевдоценностей. Молодые менеджеры не желали нести ответственность за свои действия, многие из них рассматривали государственную службу как предварительный этап, своего рода трамплин перед уходом в бизнес или эмиграцией в другие страны.

В последние десять лет эксперты отмечают мирный транзит политической власти в Туркмении и Узбекистане³ [3; 6]. Президентами в этих республиках стали представители поколения 1950-х гг., для них характерно наличие иного «советского» опыта. Так, Гурбангулы Бердымухаммедов сделал карьеру в системе советского и постсоветского здравоохранения, он профессиональный врач. Шавкат Мирзиёев в прошлом инженер и научный работник, позднее стал депутатом парламента. Сегодняшний президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев работал еще в МИД СССР, являясь профессиональным дипломатом.

¹ Мендкович Н. Политические поколения Центральной Азии [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр МГУ (IA-CENTR. RU). 25.04.2019. URL: <https://ia-centr.ru/experts/nikita-mendkovich/politicheskie-pokoleniya-tsentralnoy-azii/?ysclid=lcj0yvhnw736544915> (дата обращения: 30.04.2019).

² Там же.

³ Сейдахметов Б. Транзит власти в Центральной Азии: варианты, возможности, проекты [Электронный ресурс] // Аналитический сайт Spik.kz. 17.11.2020. URL: <https://spik.kz/tranzit-vlasti-v-tsentralnoy-azii-varianti-vozmozhnosti-proekti/?ysclid=ldcxmk7eg0129223782> (дата обращения: 05.12.2020).

Отдельно следует обратить внимание на тот факт, что представители элит первого поколения провели ряд мер по формированию будущих управленцев. Так, эффективной оказалась политика Ш. Мирзиёева, осуществившего значительное омоложение состава правительства, многие из его членов родились в 1960–1980-х гг. В этой связи необходимо отметить и деятельность Н. А. Назарбаева. В его исполнении смена поколений казахстанской элиты (он первым приступил к ней) приобрела характер полномасштабной ротации. По инициативе Назарбаева Казахстан смог начать осуществление стипендиальной программы «Болашак». Финансовая база образовалась благодаря наличию доходов от торговли нефтью, газом, другими минеральными ресурсами. Программа ставила главной целью профессиональную подготовку кадров и проведение стажировок за рубежом. За десятилетия осуществления программы в ней приняли участие десятки тысяч молодых людей из Казахстана. Более 74% из них продолжили трудиться на государственной службе внутри республики. Таким образом, в Казахстане сформировали обученный кадровый резерв для работы в органах власти. Подобная образовательная политика позволила сделать правящую элиту более молодой, «осовременить» ее. На текущий момент примерно 11% представителей политической элиты Казахстана относится к поколению 1950-х, 37% — 1960-х, 38% — 1970-х гг. В последние годы на уровне правительства стали появляться даже представители поколения 1980-х гг.

С течением времени представители именно этого поколения станут исполнять обязанности главных и высших управленцев. В качестве примера можно назвать передачу высшей власти в Туркмении (в марте 2022 г.) от Гурбангулы Бердымухамедова его сыну Сердару, занимавшему ранее пост заместителя министра иностранных дел Туркменистана.

Процесс инкорпорации представителей поколения 1980-х гг. в ту или иную элиту проводится в рамках политики по ее омоложению. Эксперты отмечают, что представителям этого поколения присущи большой прагматизм и временами даже цинизм. Довольно часто акторы последнего поколения являются выходцами из семей предыдущих поколений политической элиты. В их формировании значительную роль сыграло получение высшего профессионального образования в зарубежных университетах. Обратим внимание на то, что и сейчас многие ведущие управленцы жалуются, что молодым чиновникам, даже учившимся за рубежом, не хватает системных знаний об окружающем мире, а их эрудиция зачастую имеет «твиттерный»¹ характер. Здесь уместно упомянуть социологические исследования еще ленинградских социологов о формировании у молодежи в конце XX в. т. н. «осколочного мышления» (работы В. Т. Лисовского и его сотрудников).

Необходимо также учитывать дополнительные факторы, например, естественный демографический процесс смены поколений: представители поколения советских людей на всех уровнях замещаются теми, кто родился уже в суверенных государствах. По этой причине, как отмечают эксперты, полагаться на воспоминания и ментальную память о советском взаимопонимании и добрососедстве уже, видимо, не приходится [13]. Не следует забывать, что многие представители молодежи воспринимают коррупцию в качестве естественной модели поведения. Вспомним, что К. В. Бишимбаев, один из первых участников программы «Болашак», учившийся в США и занявший пост министра национальной экономики в Республике Казахстан, 14 марта 2018 г. за неоднократное получение взяток в особо крупном размере был приговорен к десяти годам лишения свободы с пожизненным лишением права занимать руководящие должности на государственной службе.

Государства могут обеспечивать эффективное формирование новых политических элит посредством своего культурно-образовательного потенциала, в том числе образования. Повышение значения образования как инструмента мягкой силы на международной арене происходит в связи с изменяющимся мироустройством, в котором конкуренция приобретает ментальное, культурно-цивилизационное измерение, с акцентом на культурное влияние. В таких случаях культурно-образовательные программы становятся наиболее часто применяемыми и эффективными. Образование выступает необходимостью не только для подготовки кадрового резерва в собственной стране, оно дает возможность воздействовать на формирование ценностей и мировосприятие граждан других государств, то есть вести борьбу за умы

¹ 4 марта 2022 г. Роскомнадзор заявил о блокировке Twitter на территории Российской Федерации на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. (распространение незаконной информации).

будущих элит иных стран. Получение образования за рубежом оказывает формирующее воздействие на жизненные принципы обучающихся, именно вследствие этого в среднеазиатских государствах стали формироваться проамериканские, протурецкие и т. п. группировки управленцев.

При профессиональной подготовке кадрового резерва нового поколения и России, и других евразийских государств рекомендуется использовать опыт советской высшей школы. Очень многие представители политической и бизнес-элиты евразийских государств проходили профессиональное обучение в вузах России (и Российской империи, и Советского Союза). Российское образование сохраняет свою привлекательность для молодежи евразийских государств и сегодня. По этой причине многие семьи направляют своих потомков обучаться в школы, где преподавание ведется на русском языке.

Заключение

Подавляющее большинство политических деятелей из числа современных евразийских элит получили образование за пределами своих государств, вследствие этого особую актуальность приобретает образовательная деятельность учреждений высшей школы на евразийском пространстве. Этот процесс включает теперь и развитие широкой международной кооперации в сфере образования и науки, предусматривающей организацию международных университетов и исследовательских центров; программирование и развитие интенсивного взаимодействия в разных областях экономики, исследований и технологических работ евразийских государств. Важным событием в международной образовательной интеграции стало формирование научно-образовательного консорциума «Евразийский сетевой университет» [7].

Мы уже писали, что эволюция регионального интеграционного процесса показала: государствам — участникам евразийской интеграции необходима научно разработанная система взглядов на проблему, которая впоследствии должна претвориться в программу практических действий. Государства — члены ЕАЭС должны иметь научно обоснованную интернациональную идею, реализация которой позволила бы реально объединить национальные ресурсы в целом, а затем и едином экономическом пространстве в целях социально-экономического развития и повышения конкурентоспособности каждого из национальных хозяйств. При этом особое внимание следует уделить ориентации на традиционные ценности евроазиатских народов. Такой идеей следует вооружить новые политические элиты, определяющие векторность интеграционного развития [9].

Сегодня национальные элиты новых государственных образований ищут варианты исторического и политического развития, ориентированные либо на Европу и США, либо на Китай или Турцию. Политическая элита последнего поколения формируется теперь не из выпускников советской высшей школы, а из тех, кто получал образование в высших учебных заведениях Великобритании, Германии, КНР, США, Турции, Франции, Японии, др. Следствием явилась переориентация подобных работников с традиционных ценностей евроазиатских народов на либеральные псевдотрадиции, характерные для реалий трансатлантических государств. Это создает дополнительную напряженность в процессах интеграции. По этим причинам сформировалась потребность обратить особое внимание на развитие единого научно-образовательного евразийского пространства.

Для многих теоретиков и практиков стало ясным, что активизация межстрановой академической мобильности будет способствовать реализации третьей «свободы» интеграционного строительства — свободы движения трудовых ресурсов. Образованные, квалифицированные, обогащенные знаниями культурно-исторических особенностей государств ЕАЭС кадры образуют ключевой ресурс дружбы и согласия между интегрируемыми странами, залог укрепления авторитета и привлекательности союза для других государств, заинтересованных в расширении экономического сотрудничества с Россией [4].

Новые технологический и мирохозяйственный уклады обуславливают изменение требований, предъявляемых к выпускникам высшей школы. Их должно характеризовать наличие «системно организованных интеллектуальных, коммуникативных, рефлексивных, моральных начал, позволяющих успешно организовать деятельность в широком социальном, экономическом, культурном контекстах». Подобные формулировки теоретиков болонского процесса необходимо наполнить новым содержанием.

На современном этапе формирование новых элит в евразийских государствах следует вести, противодействуя работе различных неправительственных организаций США и европейских стран (таких, например, как фонд Карнеги, Национальный демократический институт международных отношений, фонд Эберта, фонд Аденауэра и т. п.), использующих предоставление грантов, организующих обучение западным политическим технологиям, т. е. всему тому, что создает серьезную угрозу политической и культурной консолидации на евразийском континентальном пространстве. Собственные интересы элит, формируемых в американских, турецких, японских университетах, часто не совпадают с задачами, которые стремится решить государство, включая и интеграционные. Подобные элитные группировки пребывают в перманентной борьбе за властные и экономические ресурсы, и в таком противостоянии национально-государственные интересы чаще всего отходят на второй план. По этой причине содержание образовательной деятельности Евразийского сетевого университета будет базироваться на традиционных ценностях евроазиатских народов с использованием древнейших гуманитарных технологий, изучаемых этнопедагогикой, и нацелено на профессиональную подготовку национально ориентированных кадров.

Реальный процесс интеграции евразийского пространства может быть осуществлен при условии объединения мощи национальных экономик и воли политических лидеров. Евразийская интеграция способна обеспечить новый образ жизни в государственных образованиях при соблюдении законности и выгоды инвестиций, предоставлении свободы творчества для представителей бизнеса и науки, обеспечении населению стабильного настоящего и уверенности в завтрашнем дне.

Особая перспектива видится в воспитании национальных интеллектуальных и экономических элит на основе сообщества молодежных лидеров стран Евразии. Для этого под эгидой Евразийской экономической комиссии и создается Евразийский сетевой университет с высочайшими стандартами обучения. Таким образом будет стимулирована эффективность евразийского интеграционного процесса, активность новых политических элит в его осуществлении и дальнейшей эволюции с целью обеспечения устойчивого развития новых государственных образований Евразии.

Литература

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М. : Международные отношения, 1998.
2. *Васильев Л. С.* Древний Китай. Часть I. М. : Восточная литература, 1995.
3. *Васильева О. В.* Политические элиты Туркменистана и проблемы национальной идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 200–207.
4. *Глазьев С. Ю.* Интеграция науки и образования как основа эволюции Евразийского союза // Интеграция науки и образования как основа эволюции Евразийского экономического союза: сб. ст. материалов Евразийского научного форума 08 декабря 2017 г. / общ. научн. ред. М. Ю. Спирина. Часть II. СПб. : Университет при МПА ЕвразЭС, 2018. С. 3–9.
5. *Гумилёв Л. Н.* Древние тюрки. М. : Наука, 1967.
6. *Завершинский К. Ф.* «Поколения элит» vs «элита поколений»: коммуникативные измерения социализации политических элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 1. С. 123–147.
7. *Искаков И. Ж., Ланина Е. Е.* Евразийский сетевой университет: истоки, проект, воплощение // Большая Евразия: ежегодник. М. : ИНИОН РАН, 2022 (в печати).
8. *Искаков И. Ж.* Звезда на небосклоне русской науки. К 175-летию Чокана Валиханова : монография. Часть I. Изд-е второе. СПб. : Нестор-история, 2012. 286 с.
9. *Искаков И. Ж.* Региональный интеграционный процесс и образование // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Девятой Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 21–22 июня 2018 г. / под ред. М. А. Широковой, А. В. Иванова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 27–35.
10. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. : сборник документов и материалов. Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1961.

11. Салливан Ч. Преемственность власти в Центральной Азии и ее будущее в периоды неопределенности [Электронный ресурс] // CABAR.asia. 04.12.2020. URL: <https://cabar.asia/ru/preemstvennost-vlasti-v-tsentralnoj-azii-i-ee-budushhee-v-periody-neopredelennosti?ysclid=lcjey7j180258651874> (дата обращения: 30.12.2022).
12. Столетов О. В. Сравнительный анализ стратегий трансформации евразийского политического пространства // Политическая наука. 2015. № 4. С. 81–98.
13. Таксубаев А. Россия и Центральная Азия // Международная жизнь. 1999. № 3. С. 94–101.

Об авторе:

Искаков Ирлан Жангазыевич, ректор АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доцент, кандидат юридических наук;
e-mail: iiel2002@mail.ru

References

1. Brzezinski Z. The Grand Chessboard (The dominance of America and its geostrategic imperatives). Moscow : International relations, 1998. (In Rus.)
2. Vasiliev L. S. Ancient China. Part I. Moscow : Eastern Literature, 1995. (In Rus.)
3. Vasilyeva O. V. Political Elites of Turkmenistan and Problems of National Identity. *Caspian region: Politics, Economics, Culture* [Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura]. 2018; 57 (4): 200–207. (In Rus.)
4. Glazyev S. Yu. Integration of Science and Education as the Basis for the Evolution of the Eurasian Union. Integration of science and education as the basis for the evolution of the Eurasian Economic Union: Sat. Art. materials of the Eurasian Scientific Forum December 08, 2017. Ed. by M. Yu. Spirina. Part II. St. Petersburg : University at the IPA EurAsEC. 2018: 3–9. (In Rus.)
5. Gumilyov L. N. Ancient Turks. Moscow : Nauka, 1967. (In Rus.)
6. Zavershinskiy K. F. “Generations of Elites” vs “Elite of Generations”: Communicative Dimensions of Socialization of Political Elites. *Power and Elites* [Vlast' i elity]. 2021; 8 (1): 123–147. (In Rus.)
7. Iskakov I. Zh., Lanina E. E. Eurasian Network University: Origins, Project, Implementation. *Big Eurasia: Yearbook* [Bol'shaya Yevraziya: yezhegodnik]. Moscow : INION RAN, 2022 (in press). (In Rus.)
8. Iskakov I. Zh. A Star in the Sky of Russian Science. To the 175th Anniversary of Chokan Valikhanov : monograph. Part I. Second ed. St. Petersburg : Nestor-history, 2012. 286 p. (In Rus.)
9. Iskakov I. Zh. Regional Integration Process and Education. Eurasianism: Theoretical Potential and Practical Applications : materials of the Ninth All-Russian (with international participation) scientific and practical conference. Barnaul, June 21–22, 2018. Ed. by M. A. Shirokova, A. V. Ivanova. Barnaul : Altai University Press, 2018: 27–35. (In Rus.)
10. Kazakh-Russian relations in the XVI–XVIII centuries : collection of documents and materials. Alma-Ata : Acad. Sciences of KazSSR, 1961. (In Rus.)
11. Sullivan C. Continuity of Power in Central Asia and its Future in Times of Uncertainty [Electronic resource]. CABAR.asia. 04.12.2020. URL: <https://cabar.asia/ru/preemstvennost-vlasti-v-tsentralnoj-azii-i-ee-budushhee-v-periody-neopredelennosti?ysclid=lcjey7j180258651874> (accessed: 12.30.2022). (In Rus.)
12. Stoletov O. V. Comparative Analysis of Strategies for the Transformation of the Eurasian Political Space. *Political Science* [Politicheskaya nauka]. 2015; (4): 81–98. (In Rus.)
13. Taksubaev A. Russia and Central Asia. *International Life* [Mezhdunarodnaya zhizn']. 1999; (3): 94–101. (In Rus.)

About the author:

Irlan Zh. Iskakov, Rector of ANO HE “University Associated with the IPA of EurAsEC” (Saint Petersburg, Russian Federation), Associate Professor, PhD in Jurisprudence;
e-mail: iiel2002@mail.ru

Роль ЕАЭС и ШОС в формировании пространства экологической безопасности в Евразии

Ефремова М. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: mefremova-14-01@edu.ranepa.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9628-1545>

РЕФЕРАТ

В последнее время большинство существующих экологических проблем не только не решены, но и обострились. В общественном сознании растет понимание того, что инструменты, которые до сих пор использовались в решении этих вопросов, не справляются с задачами, сформулированными в том числе в Целях устойчивого развития ООН. Соответственно, интерес к анализу существующих экологических проблем и поиску путей их решения занимает все большее место в процессе определения и реализации политики большинства государств и их взаимодействия с активистами экологических общественных движений.

Цель. Разработка новых идей и направлений совершенствования экологической политики, в том числе в рамках повышения интенсивности интеграционных процессов в евразийском пространстве, охватывающем страны ЕАЭС и ШОС.

Задачи. В статье анализируются существующие проблемы, а также опыт стран — членов ЕАЭС и ШОС в формировании экологически безопасного пространства.

Методология. В процессе написания работы были использованы элементы сравнительного и системного подходов, в рамках которых применялись общенаучные методы анализа, синтеза, дедукции и индукции.

Результаты. В результате исследования выявлена необходимость рассматривать новые тенденции экологической политики РФ в процессе развития интеграционных процессов в рамках евразийского пространства с позиции политической экологии.

Выводы. На основе анализа были выделены следующие основные экологические проблемы, которые существуют в РФ: вопросы обращения с отходами, загрязнение вод, уничтожение лесного массива, скептическое отношение к «альтернативной» и «зеленой» энергии. Однако экологические проблемы, как правило, затрагивают не одну страну, поэтому решать их необходимо в интеграционной связке с другими государствами. В настоящий момент развитие «зеленой» экономики является перспективным направлением в рамках евразийского пространства.

Ключевые слова: экология, политическая экология, экологическая политика, ЕАЭС, ШОС, РФ, ЕП, экологическая идеология, экологическое сознание

Для цитирования: Ефремова М. С. Роль ЕАЭС и ШОС в формировании пространства экологической безопасности в Евразии. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023; 17 (1): 110-118. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-110-118>

The Role of the EAEU and the SCO in the Eurasia Environmental Safety Space Formation

Maria S. Efremova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: mefremova-14-01@edu.ranepa.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9628-1545>

ABSTRACT

Recently, most of the existing environmental problems have not only not been solved but have also worsened. There is a growing understanding in the public consciousness that the tools that have been used so far in solving these problems do not cope with the tasks formulated, among other things, in the UN Sustainable Development Goals. Accordingly, the interest in analyzing existing environmental problems and finding ways to solve them is taking an increasing place in the process of defining and implementing the policies of most states and their interaction with activists of environmental social movements.

Aim. Development of new ideas and directions for improving environmental policy, including within the framework of increasing the intensity of integration processes in the Eurasian space covering the EAC and SCO countries.

Tasks. In the article are analyzed the experience of EAC and SCO countries in the process of ecological safe space creation.

Methods. In the article were used elements of comparative and systematic approaches and general scientific methods of analysis, synthesis, deduction, and induction.

Results. The study revealed the need to consider new trends in the environmental policy of the Russian Federation also under development of integration processes within the Eurasian space from the perspective of political ecology.

Conclusion. Based on the analysis, the following main environmental problems that exist in the Russian Federation were identified: waste management issues, water pollution, destruction of forests, skepticism about “alternative” and “green” energy. However, environmental problems, as a rule, affect more than one country, so they need to be solved through integration with other states. Now the development of a “green” economy is a promising direction within the Eurasian space.

Keywords: ecology, political ecology, environmental policy, Russia, EAC, SCO, EPI, environmental ideology, environmental awareness

For citing: Efremova M. S. The Role of the EAEU and the SCO in the Eurasia Environmental Safety Space Formation. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 110-118. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-110-118>

Введение

В настоящий момент весь мир находится в непростой геополитической ситуации, но не стоит забывать и о существующих экологических проблемах, нерешение которых создаст угрозу будущему существованию людей на Земле. Стоит отметить основные риски, которые возникают перед РФ в случае игнорирования существующих экологических проблем и угроз¹.

1. Экономические риски. При игнорировании РФ современных направлений развития, связанных с альтернативными источниками энергии, а также «зеленых» технологий, возникает риск неконкурентоспособности российских компаний, которые занимаются добычей ископаемого топлива и последующей его реализацией [8, с. 650].

2. Внешнеполитические риски. РФ не только не всегда рассматривается как страна, способная решить мировые экологические проблемы, но и как страна, не ставящая их в приоритет. Это сильно подбивает имидж государства. Более того, РФ имеет возможности в недалеком будущем приобрести статус экологического вредителя [10, с. 50].

3. Внутривнутриполитические риски. Недовольство населения страны по причине ухудшения окружающей среды в государстве и нарастающих вследствие этого социальных проблем приведет к дополнительным внутренним рискам [9, с. 50].

¹ Эксперты назвали основные риски экологической политики России [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/04/2021/606dbe8e9a7947bf5d5e8ed6> (дата обращения: 10.07.2022).

Оценка экологичности государств

Одним из способов оценки экологического состояния государства является рейтинговый метод. Наиболее популярным является рейтинг экологически чистых стран мира (EPI). Данный рейтинг оценивает не только состояние окружающей среды в конкретной стране, но и качество проводимой государственной экологической политики, нагрузку экономики на экологию, здоровье населения и прочее¹.

Индекс EPI включает в себя две большие группы критериев: экологическое здоровье и жизнеспособность экосистемы. Цель первой группы критериев — определить, насколько хорошо страны защищают свое население от рисков здоровью, связанных с окружающей средой. Она состоит из следующих категорий: оценка качества воздуха, доступ к питьевой воде, прямое воздействие загрязнения тяжелыми металлами на здоровье человека и вопросы обращения с отходами.

Говоря о РФ, стоит отметить, что она занимает 112-е место в данном рейтинге из 180 стран по результатам 2022 г. (в 2020 г. Россия занимала 58-е место). Значение EPI у РФ 37,50 (максимальное возможное — 100). Отметим, что в 2020 г. у страны было 50,5 пункта по данному рейтингу.

Общее значение рейтинга EPI за последние два года серьезно понизилось, даже у ведущих стран. Немногочисленные изменения EPI для Российской Федерации за последнее десятилетие показывают, что РФ есть куда стремиться, особенно учитывая, что в данном рейтинге государство опережают даже ряд стран бывшего СССР: Эстония (14-е место), Латвия (15-е место), Литва (31-е место), Украина (52-е место), Беларусь (55-е место), Армения (56-е место), Молдова (84-е место), Казахстан (93-е место), Грузия (103-е место), Азербайджан (104-е место), Узбекистан (107-е место). Ниже Российской Федерации по рейтингу находятся только Таджикистан (117-е место), Туркменистан (118-е место), Киргизия (126-е место).



Рис. Соотношение рейтинга EPI за 2022 г. у стран бывшего СССР

Fig. The Ratio of the EPI Rating for 2022 for the Countries of the Former USSR

Источник: составлено автором по: 2022 EPI Results [Электронный ресурс] // Environmental Performance Index. URL: <https://epi.yale.edu/epi-results/2022/component/epi> (дата обращения: 10.11.2022).

Современные экологические проблемы Российской Федерации

Исходя из анализа рейтинга EPI можно выделить и оценить ряд проблем. Первая большая группа критериев оценивания — это показатели здоровья. По данному рейтингу РФ занимает 53-е место среди других стран (57-е место было в 2020 г.). Значение критерия — 50,6, в то время как в 2020 г. данное зна-

¹ 2022 EPI Results [Электронный ресурс] // Environmental Performance Index. URL: <https://epi.yale.edu/epi-results/2022/component/epi> (дата обращения: 10.11.2022).

чение равнялось 53. Значение данного показателя увеличилось на 9,1 пункта за последние десять лет (на 8 пунктов по сравнению с 2020 г.).

Данная группа критериев делится на четыре показателя.

1. Качество воздуха. По данному критерию РФ занимает 49-е место (в 2020 г. было 47-е место среди других стран).

2. Качество питьевой воды. По данному критерию РФ занимает 65-е место (в 2020 г. это было 64-е место среди других стран).

3. Воздействие тяжелых металлов. По данному критерию РФ занимает 37-е место среди других стран.

4. Управление твердыми бытовыми отходами. По данному критерию Россия занимает 104-е место. Данный показатель улучшил свое значение, так как в 2020 г. Россия занимала 122-е место среди других стран.

Вторую часть показателя EPI составляют, соответственно, показатели экосистемы. По данному рейтингу РФ занимает 117-е место (в 2020 г. это было 72-е место среди других стран). Значение критерия — 39 (в 2020 г. это было 48,8 пункта). Значение данного показателя изменилось всего на 0,4 пункта за последние десять лет (1,1 по сравнению с 2020 г.).

Данная группа критериев делится на следующие показатели.

1. Биоразнообразие. В данной категории оцениваются действия стран по сохранению природных экосистем и защите всего спектра биоразнообразия. РФ занимает 123-е место (в 2020 г. это было 111-е место среди других стран по данному рейтингу).

2. Экосистемные услуги. Данный показатель включает анализ благ, которые люди бесплатно получают из окружающей среды при правильно функционирующих экосистемах. По данному рейтингу РФ занимает 130-е место (в 2020 г. это было 113-е место среди других стран).

3. Рыболовство. Данный показатель включает в том числе анализ состояния рыбных запасов. По данному рейтингу РФ занимает 106-е место (в 2020 г. данный показатель был в разы хуже — 133-е место среди других стран).

4. Выбросы загрязняющих веществ. Данный показатель включает также анализ выбросов основных загрязнителей воздуха (оксида серы и оксида азота). По данному рейтингу РФ занимает 45-е место (50-е место среди других стран в 2020 г.).

5. Минимизация угроз от сельского хозяйства (выбросов азота) для окружающей среды. По данному рейтингу РФ занимает 42-е место (в 2020 г. это было 26-е место среди других стран).

6. Очистка сточных вод. По данному рейтингу РФ занимает 64-е место (в 2020 г. это было 58-е место среди других стран).

В 2020 г. такой показатель, как изменение климата, тоже входил в данную группу критериев. В настоящий момент его выделяют в самостоятельную группу, которая называется «Климатическая политика». Данный показатель включает анализ выбросов парниковых газов (например, углекислый газ). По данному критерию Россия занимает 137-е место (57-е место среди других стран было в 2020 г.). Значение критерия — 29,1 пункта (в 2020 г. значение было 59,9 пункта). Значение данного показателя уменьшилось на 0,90 пункта за последние десять лет.

Таким образом, в 2022 г. можно отметить резкое падение значения EPI у Российской Федерации по сравнению с другими странами, которое было в 2020 г. В основном падение произошло за счет следующих показателей: биоразнообразие, экосистемные услуги, минимизация угроз от сельского хозяйства, очистка сточных вод. Еще более значительным было снижение такого показателя, как оценка климатической политики.

В настоящий момент можно выделять следующие основные экологические проблемы, которые существуют в РФ.

1. Обращение с отходами. В стране накопились миллиарды тонн отходов, часть из которых можно использовать повторно. Другая часть отходов не подвергается разложению или разлагается достаточно медленно, выбрасывая отравляющие вещества в атмосферу, а также отравляя почву и сточные воды, что является серьезной проблемой.

2. Загрязнение вод. Под угрозой находятся в том числе грунтовые воды, которые загрязняются промышленными выбросами, а также нитратами, отходами животноводства и другими вредными веществами.

3. Уничтожение лесного массива. Леса играют важную роль в сохранении углеродного баланса и характера климата. Тем не менее в РФ зафиксировано множество случаев незаконной вырубке лесов.

4. Скептическое отношение к «альтернативной» энергии. Имея большие запасы природных ресурсов (газа, нефти), РФ консервативно относится к иным источникам энергии, в то время как именно используемые виды энергии при сжигании выбрасывают огромную долю углекислого газа, что пагубно сказывается на окружающей среде.

Основные актуальные направления экологической политики РФ

Одним из основных документов, на котором основана современная экологическая политика в РФ, является национальный проект «Экология».

Среди его целей можно выделить следующие.

1. Урегулирование вопроса в обращении с твердыми бытовыми отходами, ликвидация незаконных свалок.

2. Снижение выбросов в атмосферу.

3. Повышение качества питьевой воды.

4. Сохранение уникальных водных систем, биоразнообразия, баланса между вырубкой и воспроизводством лесного массива¹.

Другим важным документом является Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года, который содержит целевые показатели экологического развития РФ². Анализируя данные показатели, можно сделать вывод, что основное внимание уделяется уменьшению количества выбросов в атмосферу и объема отходов.

Кроме того, стоит упомянуть программы политических партий, которые оказывают значительное влияние на проводимую политику. В первую очередь это относится к программным документам партии «Единая Россия», имеющей большинство в парламенте по итогам выборов 2021 г. (49,82%). В ее предвыборной программе основное внимание уделяется решению проблем вредных выбросов в атмосферу, нехватки чистой воды, наличия отходов и свалок³.

Однако экологические проблемы, как правило, затрагивают не одну страну, поэтому решать их необходимо в интеграционной связке с другими странами.

Экологическая ситуация в странах ЕАЭС

В настоящий момент развитие «зеленой» экономики является перспективным направлением в рамках ЕАЭС. Именно экологическая ситуация влияет во многом на происходящие политические и экономические процессы в отдельных странах, а также в интеграционных объединениях [6, с. 426].

Существующие экологические проблемы в одной стране — участнице ЕАЭС чаще всего имеют трансграничный характер и не могут не влиять на экологическую обстановку в других. Именно совместный поиск решений существующих проблем является необходимостью и одной из основных целей в настоящее время [7, с. 191].

Необходимость интеграционных процессов в рамках ЕАЭС подчеркнута в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития

¹ Паспорт национального проекта «Экология» [Электронный ресурс] // Сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/ (дата обращения: 10.07.2022).

² Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/de41f44efafe564e84fda0848109adff35a42658/ (дата обращения: 10.07.2022).

³ Народная программа «Единой России» [Электронный ресурс] // Единая Россия. URL: <https://er.ru/party/program/> (дата обращения: 10.07.2022).

евразийской экономической интеграции до 2025 года», согласно которому «одним из интеграционных приоритетов является повышение энергосбережения и энергоэффективности, разрешение существующих экологических проблем и обеспечение устойчивого развития. В этой сфере предполагается объединение усилий по созданию и использованию новых технологий и инноваций, в том числе «зеленых» технологий, возобновляемых источников энергии, моделей циркулярной экономики, биоинженерии и нанотехнологий»¹.

Помимо прочего стоит отметить «Проект Программы развития интеграции в сфере статистики ЕАЭС на 2021–2025 годы», в котором отмечается, что «интеграционные процессы оказывают возрастающее влияние на статистику: появляются новые разделы, такие как «зеленая» экономика и охрана окружающей среды»².

В настоящее время в рамках ЕАЭС выделены следующие цели и задачи «зеленой» политики³:

- декарбонизация и регулирование выбросов парниковых газов;
- «зеленые» технологии в сфере транспорта;
- «зеленая» энергетика;
- «зеленое» финансирование и ESG-стандарты.

Наиболее активные действия ведутся в рамках двух направлений: промышленность и сельское хозяйство. Относительно первого подчеркивается важность ограничения использования пластика, значимость зеленой металлургии, водородной энергетики и развития электротранспорта.

Например, согласно Решению Совета Евразийской экономической комиссии от 17.03.2022 № 39 до конца 2023 г. продлена нулевая ставка на ввоз средств с электрическими двигателями⁴.

Согласно стратегии, страны ЕАЭС в 2022 г. обязуются подвергнуть вопрос относительно пластика научному изучению, провести анализ, собрать необходимые данные, подготовить обоснование. В 2023 г. страны ЕАЭС планируют дать прогноз относительно запрета на ввоз отдельных видов пластика, в том числе и о последствиях такого решения.

Второе направление, где ведутся активные действия, имеет целью адаптацию сельского хозяйства к изменениям климата. Среди основных проектов можно отметить: органическое сельское хозяйство, развитие рыболовства и земледелия, сохранение и восстановление плодородия почв.

Экологическая обстановка в странах ШОС

Для Российской Федерации достаточно важным также является сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Во многих документах ШОС экология обозначена как одна из важных задач организации. Например, в Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов ШОС зафиксировано, что «стороны развивают сотрудничество в сфере охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности, рационального природопользования, принимают необходимые меры по разработке и реализации специальных программ и проектов в этих сферах»⁵.

Помимо этого, ведется и практическая работа в данном направлении. Так, например, в 2014 г. был создан Центр сотрудничества в области охраны окружающей среды ШОС. А в 2019 г. была принята специальная Программа развития экологического благополучия городов ШОС.

¹ Решение Высшего совета ЕАЭС от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375194/ (дата обращения: 10.11.2022).

² Решение Совета ЕЭК от 23.11.2020 № 116 «О Программе развития интеграции в сфере статистики Евразийского экономического союза на 2021–2025 годы» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573046318> (дата обращения: 10.11.2022).

³ Перспективы зеленой экономики [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://ria.ru/20220614/eec-green-1792361578.html> (дата обращения: 10.11.2022).

⁴ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 17.03.2022 № 39 «О внесении изменений в некоторые решения Комиссии Таможенного союза и Совета Евразийской экономической комиссии в отношении отдельных видов моторных транспортных средств с электрическими двигателями» [Электронный ресурс] // «Альта-Софт». Таможенные документы. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22sr0039/> (дата обращения: 10.11.2022).

⁵ Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902086025> (дата обращения: 10.11.2022).

В перспективе планируется:

- разработка соглашения о сотрудничестве в области охраны окружающей среды;
- создание рабочей группы по экологическим стартапам;
- создание института экологического развития;
- создание и разработка программы «Зеленый пояс»;
- создание платформы по обмену информацией и базы экологических инноваций;
- составление реестра экологических проблем стран — членов ШОС;
- разработка экосистемной цифровой карты ШОС;
- развитие экологического туризма и прочие направления.

Таким образом, видно, что ШОС достаточно активно продвигается в экологическом направлении.

Перспективы экологического развития в рамках ЕАЭС

В настоящее время в ЕАЭС до сих пор не разработан правовой акт, регулирующий процессы, влияющие на экологическую обстановку, хотя в странах — участницах ЕАЭС приняты и действуют соответствующие государственные экологические программы, направленные на процессы энергосбережения, использования альтернативных источников энергии и так далее.

Однако этого может быть недостаточно, так как законодательство одной страны может пагубно влиять на экологическую ситуацию в другой. Введено новое понятие экологической ответственности — обязательство соблюдать определенные нормы взаимодействия природы и общества [2, с. 167]. При этом нельзя отрицать, что трансграничный экологический ущерб по-прежнему представляет собой серьезную проблему.

Решением этой проблемы может стать создание в рамках ЕАЭС экологического кодекса или экологической конституции. Отметим, что аналогичный документ разработан в рамках СНГ, поэтому он мог бы послужить образцом: можно использовать ряд включенных в него принципов (приоритетности, равенства, гласности, доступности и прочих)¹.

Экологический кодекс ЕАЭС может содержать следующие положения и основываться на следующих принципах:

- принцип первостепенности над другими решениями и актами ЕАЭС. Данный принцип означает, что даже если в какой-то деятельности учитываются нормы одного законодательства, но при этом оно затрагивает окружающую среду, то первостепенно будут применяться нормы экологического кодекса ЕАЭС [3, с. 8];
- принцип первостепенности над национальными законодательствами. То есть если национальное законодательство будет противоречить экологическому кодексу ЕАЭС, то применяются нормы последнего [5, с. 18];
- принцип разумности. Согласно данному принципу, никакой экономический эффект не может быть оправдан, если он несет ущерб для окружающей среды [4, с. 660].

Также данным актом необходимо предусмотреть создание специальных судов или органов по экологическим вопросам в рамках ЕАЭС [1, с. 27].

Выводы

Одним из наиболее популярных способов оценки экологичности государства является рейтинг экологических чистых стран мира (EPI)². РФ занимает 112-е место из 180 стран в данном рейтинге по результатам 2022 г. Отметим, что данное значение резко понизилось по сравнению с показателем 2020 г., когда Россия занимала 58-е место в данном рейтинге. В основном падение произошло за счет следующих

¹ Модельный экологический кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902050869> (дата обращения: 10.11.2022).

² 2022 EPI Results [Электронный ресурс] // Environmental Performance Index. URL: <https://epi.yale.edu/epi-results/2022/component/epi> (дата обращения: 10.11.2022).

показателей: биоразнообразие, экосистемные услуги, минимизация угроз от сельского хозяйства, очистка сточных вод. Еще более значительным было снижение такого показателя, как оценка климатической политики. Однако экологические проблемы, как правило, затрагивают не одну страну, поэтому решать их необходимо в интеграционной связке с другими странами. В настоящий момент развитие «зеленой» экономики является перспективным направлением в рамках ЕАЭС и ШОС, поэтому решать данные проблемы возможно именно с посредством международного сотрудничества.

Литература

1. Борисов Н. А., Волков В. А. Понятие экологического государства в контексте формирования политической экологии // Управленческое консультирование. 2014. № 2. С. 27–35.
2. Борисов Н. А., Волков В. А. Экологическая парадигма как основание политической экологии // Власть. 2013. № 2. С. 167–170.
3. Глушенкова Е. И. Экополитология как направление научных исследований: возникновение и эволюция // Политическая наука. 2010. № 2. С. 8–32.
4. Посталовская О. А. Экополитический процесс: понятие, структура, стадии // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. 2021. С. 659–665. <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/88581>
5. Пястолов С. М. Политическая экология: новая парадигма на основе старой идеи // Terra Economicus. 2015. № 4 (13). С. 17–30. DOI: 10.18522/2073-6606-2015-4-17-30
6. Якуцени С. П., Буrowsкий А. М. Политическая экология. Москва — Берлин: Директ-Медиа, 2015. 426 с.
7. Acheampong M. “Critical Ecosystem” As a Concept in Political Ecology — Developing a Comprehensive Analytical Framework // Journal of Political Ecology. 2020. No. 27 (1). P. 190–212. DOI: 10.2458/v27i1.22909
8. Huber R. A., Wicki M. L., Bernauer T. Public Support for Environmental Policy Depends on Beliefs Concerning Effectiveness, Intrusiveness, and Fairness // Environmental Politics. 2020. Vol. 29. Issue 4. P. 649–673. <https://doi.org/10.1080/09644016.2019.1629171>
9. Hughes C. It’s Not Easy Being Green, White, Red, and Blue: Constituency Representations Versus Electoral Competition in the Wisconsin Green Party // International Journal of Politics Culture and Society. 2020. P. 49–63. DOI: 10.1007/s10767-020-09365-5
10. Karlsson B. Political Ecology: Anthropological Perspectives. International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / [ed] James D. Wright, Amsterdam : Elsevier. 2015. No. 5. P. 350–355. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.12215-9

Об авторе:

Ефремова Мария Сергеевна, аспирант второго года обучения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: mefremova-14-01@edu.ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9628-1545>

References

1. Borisov N. A., Volkov V. A. Concept of the Ecological State in a Context of Political Ecology Formation. *Administrative Consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014; (2): 27–35. (In Russ.)
2. Borisov N. A., Volkov V. A. Ecological Paradigm as the Basis of Political Ecology. *The Authority* [Vlast']. 2013; (2): 167–170. (In Russ.)
3. Glushenkova E. I. Environmental Politics as a Scientific Research Field: Origin and Evolution. *Political Science* [Politicheskaya nauka]. 2010; (2): 8–32. (In Russ.)
4. Postalovskaya O. A. Ecopolitical Process: Concept, Structure, Stages. Scientific Works of the Belarusian State University of Economics. 2021: 659–665. (In Russ.) <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/88581>

5. Pyastolov S. M. Political Ecology: A New Paradigm on the Basis of Old Idea. *Terra Economicus* [Terra Economicus]. 2015; 13 (4): 17–30 (In Russ.). DOI: 10.18522/2073-6606-2015-4-17-30
6. Yakutseni S. P., Burovsky A. M. Political Ecology. Moscow — Berlin: Direct-Media, 2015. 426 p. (In Russ.)
7. Acheampong M. “Critical Ecosystem” as a Concept in Political Ecology — Developing a Comprehensive Analytical Framework. *Journal of Political Ecology*. 2020; 1 (27): 190–212. DOI: 10.2458/v27i1.22909
8. Huber R. A., Wicki M. L., Bernauer T. Public Support for Environmental Policy Depends on Beliefs Concerning Effectiveness, Intrusiveness, and Fairness. *Environmental Politics*. 2020; 29 (4): 649–673. <https://doi.org/10.1080/09644016.2019.1629171>
9. Hughes C. It’s Not Easy Being Green, White, Red, and Blue: Constituency Representations Versus Electoral Competition in the Wisconsin Green Party. *International Journal of Politics Culture and Society*. 2020: 49–63. DOI: 10.1007/s10767-020-09365-5
10. Karlsson B. Political Ecology: Anthropological Perspectives. International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / [ed] James D. Wright, Amsterdam : Elsevier. 2015; (5): 350–355. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.12215-9

About the author:

Maria S. Efremova, Postgraduate Student of the North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: mefremova-14-01@edu.ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9628-1545>

Сопряжение интеграционных потенциалов договорно-правовой базы ЕАЭС и СНГ: современное состояние и перспективы совершенствования

Марышев А. А.

Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация

e-mail: MaryshevAA@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1663-3932>

РЕФЕРАТ

Цель. Дать аргументированную оценку перспективам интеграционного взаимодействия Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического союза.

Задачи. Рассказать о начале функционирования Содружества Независимых Государств и привести структуру реально функционирующих органов Содружества, обосновать правомерность выбора Евразийского экономического союза в качестве «твердого ядра» постсоветской интеграции, дать оценку перспективности идеи сопряжения интеграционных потенциалов СНГ и ЕАЭС, рассказать о совместно проводимой работе СНГ и ЕАЭС по устранению коллизий в их нормативно-правовых актах, обосновать необходимость дальнейшей работы СНГ и ЕАЭС в рамках формируемого Большого Евразийского партнерства.

Методология. Для создания авторской версии системы органов СНГ применен институциональный в совокупности со структурно-функциональным подходом. Методом моделирования построена «интеграционная матрешка» СНГ — ЗСТ — ЕАЭС. Методом сравнительного анализа проанализирована работа рабочей группы по сопряжению права ЕАЭС и договорно-правовой базы СНГ. Метод прогнозирования был использован при обоснования дальнейшей работы СНГ и ЕАЭС в рамках формирующегося Большого Евразийского партнерства.

Результаты. На основе конкретных примеров приводятся рекомендации сочетания мягкого и жесткого подходов для развития ЕАЭС и СНГ с перспективой построения в дальнейшем Большого Евразийского партнерства. Так, ЕАЭС следует обратить внимание на усиление наднациональной структуры объединения, а также на практику диалоговых механизмов АСЕАН. При этом не следует по примеру ЕС создавать излишний бюрократический аппарат и оказывать чрезмерное давление на страны, вмешиваясь в их внутренние дела.

Выводы. Противоречие между национальными и наднациональными интересами является наиболее глубокой проблемой в любом интеграционном объединении, в том числе в ЕАЭС и СНГ. Однако не существует универсального метода разрешения данной проблемы. ЕАЭС и СНГ следует сочетать в своей практике опыт ЕС и АСЕАН как жесткий и мягкий подход к балансированию национальных и наднациональных интересов.

Ключевые слова: разноскоростная интеграция, СНГ, ЕАЭС, Большое Евразийское партнерство, рабочая группа по сопряжению права ЕАЭС и договорно-правовой базы СНГ, зона свободной торговли, Таможенный союз

Для цитирования: *Марышев А. А. Сопряжение интеграционных потенциалов договорно-правовой базы ЕАЭС и СНГ: современное состояние и перспективы совершенствования. Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023; 17 (1): 119–125.*

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-119-125>

Conjugation of the Integration Potentials of the Legal Framework of the EAEU and the CIS: Current State and Prospects for Improvement

Alexander A. Maryshev

Eurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation

e-mail: MaryshevAA@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1663-3932>

ABSTRACT

Aim. Give a reasoned assessment of the prospects for integration interaction between the Commonwealth of Independent States and the Eurasian Economic Union.

Tasks. Tell about the beginning of the functioning of the Commonwealth of Independent States and give the structure of actually functioning bodies of the Commonwealth, substantiate the legitimacy of choosing the Eurasian Economic Union as a “hard core” of post-Soviet integration, assess the prospects of the idea of conjugation of the integration potentials of the CIS and the EAEU, tell about the joint work of the CIS and the EAEU to eliminate conflicts in their legal acts, substantiate the need for further work of the CIS and the EAEU within the framework of the emerging Greater Eurasian Partnership.

Methods. To create the author’s version of the system of CIS bodies, institutional approaches were used in conjunction with structural and functional approaches. The “integration matryoshka” of the CIS — FTA — EAEU was built by the modeling method. Using the method of comparative analysis, the work of the working group on conjugation of the EAEU law and the legal framework of the CIS was analyzed. The forecasting method was used to justify the further work of the CIS and the EAEU within the framework of the emerging Greater Eurasian Partnership.

Results. On the basis of specific examples, recommendations are given for combining soft and hard approaches for the development of the EAEU and the CIS with the prospect of building a Greater Eurasian Partnership in the future. Thus, the EAEU should pay attention to strengthening the supranational structure of the association, as well as to the practice of ASEAN dialogue mechanisms. At the same time, following the example of the EU, one should not create an excessive bureaucracy and exert excessive pressure on countries by interfering in their internal affairs.

Conclusions. The contradiction between national and supranational interests is the most profound problem in any integration association, including the EAEU and the CIS. However, there is no universal method for solving this problem. The EAEU and the CIS should combine in their practice the experience of the EU and ASEAN as a hard and soft approach to balancing national and supranational interests.

Keywords: multi-speed integration, CIS, EAEU, Greater Eurasian Partnership, group for unification of the rights of the EAEU and the contractual legal CIS, free trade zone, customs union

For citing: Maryshev A. A. Conjugation of the Integration Potentials of the Legal Framework of the EAEU and the CIS: Current State and Prospects for Improvement. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 119–125. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-119-125>

Введение

Датой рождения Содружества Независимых Государств (далее — Содружество) является 8 декабря 1991 г. в связи с подписанием соответствующего Соглашения между Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР) и Украиной¹. Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан присоединились к СНГ 21 декабря 1991 г., подписав соответствующую Алма-

¹ Соглашение о создании Содружества Независимых Государств : заключено 8 декабря 1991 г. // Содружество: информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. М., 1992. Вып. 1. С. 6–8.

Атинскую декларацию¹. 24 сентября 1993 г. к Содружеству присоединился Азербайджан². Грузия была членом Содружества с 3 декабря 1993 г. по 18 августа 2009 г. С 26 августа 2005 г. Туркменистан участвует в деятельности Содружества Независимых Государств на правах ассоциированного члена³. С 19 мая 2018 г. Украина приостановила свою деятельность в Содружестве⁴. Таким образом, в настоящее время в деятельности Содружества Независимых Государств принимают участие 10 государств: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Молдова, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

С 1991 г. началось формирование органов Содружества. Так, 21 декабря 1991 г. был создан высший орган СНГ — Совет глав государств и Совет глав правительств⁵. 27 марта 1992 г. было принято решение о парламентском органе СНГ — Межпарламентской Ассамблее⁶. 6 июля 1992 г. учреждается Экономический Суд СНГ⁷. 24 января 1994 г. создан Совет министров иностранных дел⁸. 2 апреля 1999 г. основан единый постоянно действующий исполнительный, административный и координирующий орган Содружества — Исполнительный комитет⁹. 6 апреля 1999 г. принято решение о создании Экономического совета¹⁰. 20 июня 2000 г. создается Совет постоянных полномочных представителей¹¹.

Структура органов Содружества Независимых Государств представлена на рисунке 1.



Рис. 1. Система органов Содружества Независимых Государств

Fig. 1. The System of Organs of the Commonwealth of Independent States

Источник: Составлено на основе истории создания уставных органов СНГ

¹ Алма-Атинская декларация: принята 21 декабря 1991 г. // Дипломатический вестник. 1992. № 1. С. 7.

² Решение о вступлении Азербайджанской Республики в Содружество Независимых Государств: принято Советом глав государств — участников Содружества Независимых Государств 24 сентября 1993 г. // Содружество: информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1993. № 4.

³ Решение об основных принципах участия нейтрального Туркменистана в Содружестве Независимых Государств: принято Советом глав государств — участников Содружества Независимых Государств 26 августа 2005 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/#reestr/view/text?doc=1813> (дата обращения: 12.10.2021).

⁴ О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 2 мая 2018 г. «О приостановлении действия для Украины отдельных международных договоров, заключенных в рамках Содружества Независимых Государств»: Указ Президента Украины от 19 мая 2018 г. № 139/2018 // Официальный вестник Президента Украины. 2018. 19 мая. № 13.

⁵ Соглашение о координирующих институтах Содружества Независимых Государств: принято постановлением Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2014-I // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 19 декабря 1991 г. № 51. Ст. 1798.

⁶ Соглашение о Межпарламентской Ассамблее государств — участников Содружества Независимых Государств: заключено 27 марта 1992 г. // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 1993. № 2. С. 121–123.

⁷ Соглашение о статусе Экономического суда Содружества Независимых Государств: заключено 6 июля 1992 г. // Содружество: информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1992. № 6.

⁸ Решение об утверждении Положения о Совете министров иностранных дел государств — членов Содружества Независимых Государств: принято Советом глав государств — участников Содружества Независимых Государств 24 сентября 1993 г. // Содружество: информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1993. № 4.

⁹ О совершенствовании и реформировании структуры органов Содружества Независимых Государств: решение Совета глав государств — участников Содружества Независимых Государств от 2 апреля 1999 г. // Содружество: информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1999. № 1 (31). С. 68–72.

¹⁰ О Положении об Экономическом совете Содружества Независимых Государств: решение Совета глав правительств государств — участников Содружества Независимых Государств от 4 июня 1999 г. // Содружество: информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1999. № 2 (32). С. 25.

¹¹ О Положении о Совете постоянных полномочных представителей государств — участников Содружества при уставных и других органах Содружества: решение Совета министров иностранных дел государств — участников Содружества Независимых Государств от 20 июня 2000 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/#reestr/view/text?doc=1041> (дата обращения: 02.08.2022).

Анализ деятельности Содружества за тридцать лет его существования говорит о том, что бывшим государствам Союза ССР удалось в новых условиях сохранить не только экономические, но и культурные связи между народами [1, с. 7].

Несмотря на то, что первоначально Содружество создано скорее для цивилизованного развода, тем не менее в настоящее время все главы государств СНГ предпринимают все усилия не только для сохранения, но развития Содружества.

«Интеграционная матрешка» СНГ — ЗСТ — ЕАЭС

Важнейшим итогом работы СНГ является реализация первого этапа интеграционного взаимодействия [4, с. 5] — зоны свободной торговли (ЗСТ). К настоящему времени ЗСТ [3, с. 52] в рамках СНГ действуют для девяти государств Содружества.

Следующим этапом интеграционного взаимодействия [2, с. 43–45] после зоны свободной торговли является построение Таможенного союза [7, с. 304]. В рамках разноскоростной интеграции в рамках СНГ¹ Таможенный союз удалось построить пятью государствами Содружества в рамках Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) [6, с. 10].

В настоящее время интеграционное взаимодействие Содружества Независимых Государств, зоны свободной торговли и Евразийского экономического союза [8, с. 34] можно представить в виде «интеграционной матрешки» (см. рисунок 2).



Рис. 2. «Интеграционная матрешка» СНГ — ЗСТ — ЕАЭС

Fig. 2. Integration Cooperation in the CIS — FTA — EAEU Format

Источник: Составлено на основе объединения этапов интеграционного взаимодействия и интеграционных объединений, успешно реализовавших эти этапы

Интеграционное взаимодействие СНГ и ЕАЭС в рамках работы совместной рабочей группы

Дальнейшее развитие интеграционного взаимодействия приводит нас к необходимости сопряжения интеграционных потенциалов СНГ и ЕАЭС в рамках формируемого Большого Евразийского партнерства (БЕП) [5, с. 53]. В состав БЕП, помимо СНГ и ЕАЭС, также входят Шанхайская организация сотрудничества и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии [10, с. 194]. По мнению Президента России В. В. Путина, Большое Евразийское партнерство является цивилизационным проектом, способным изменить политическую и экономическую архитектуру в мире².

Прекрасным примером реализации интеграционного взаимодействия [9, с. 18] СНГ и ЕАЭС служит созданная рабочая группа по сопряжению права Евразийского экономического союза и договорно-правовой базы Содружества Независимых Государств — под председательством члена Коллегии (министра) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) С. Ю. Глазьева. Данная

¹ О Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года : решение Совета глав правительств государств — участников Содружества Независимых Государств: принято 29 мая 2020 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/#reestr/view/text?doc=6229> (дата обращения: 02.08.2022).

² Путин заявил, что Большое Евразийское партнерство может стать цивилизационным проектом [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14737439> (дата обращения: 26.08.2022).

рабочая группа создана приказом Председателя ЕЭК М. В. Мясникова от 13 апреля 2021 г. № 111. Этим же приказом утвержден состав рабочей группы, в которую от ЕЭК входят должностные лица Комиссии, от Исполнительного комитета СНГ список участников открытый. Настоящая рабочая группа создана в целях реализации абзаца 5 пункта 3 Меморандума об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств¹.

9 июня 2021 г. в Москве, в штаб-квартире ЕЭК, было проведено первое заседание упомянутой рабочей группы и решено ежегодно запрашивать у Исполнительного комитета СНГ перечень актов, планируемых к разработке в предстоящем календарном году, и формировать перечень действующих нормативно-правовых актов СНГ, входящих в противоречие с правом ЕАЭС. По итогам работы подготавливаются материалы для государств — членов ЕАЭС с обозначением проблемных вопросов. При необходимости обсуждение таких вопросов может проходить на заседании вспомогательного органа ЕЭК — Консультативного комитета по развитию интеграции и международной деятельности.

В настоящее время в Исполнительный комитет СНГ направлена обобщенная заявка Евразийской экономической комиссии для участия ее представителей в обсуждении разрабатываемых проектов правовых актов СНГ по вопросам торговли, развития железнодорожного транспорта, виноградарству и виноделию, охране и защите авторского права, в области ветеринарии.

Все разрабатываемые проекты правовых актов СНГ проанализированы на предмет соответствия, при необходимости давались соответствующие рекомендации. Так, предложено международное соглашение в сфере электронной торговли в рамках СНГ заключить после установления необходимых норм в рамках ЕАЭС. Работу над проектом Соглашения об обмене биологическим материалом предложено проводить совместно Исполнительному комитету СНГ и Евразийской экономической комиссии. Положения модельного закона «Об оценочной деятельности» могут быть использованы при формировании единого рынка услуг в рамках ЕАЭС.

На предмет возможных коллизий с правом ЕАЭС рабочей группой также проанализированы действующие документы СНГ о зоне свободной торговли, о правилах определения страны происхождения товаров, о санитарной охране территорий.

Данные вопросы планируется обсудить на заседаниях Консультативного комитета по развитию интеграции и международной деятельности ЕЭК.

Кроме того, рабочей группой определены 215 проектов правовых актов ЕАЭС, которые планировались к разработке еще в 2021 г. Проекты были сгруппированы по сферам деятельности:

- 159 в сфере технического регулирования;
- 17 в сфере финансовой политики;
- 10 в сфере электроэнергетики;
- 7 в сфере санитарных, фитосанитарных и ветеринарных мер;
- по 5 в газовой сфере, в сфере конкуренции, в сфере таможенной политики;
- по 3 в нефтяной сфере и в сфере трудовой миграции и социальной защиты;
- по 2 в сфере транспорта и инфраструктуры и в сфере макроэкономической политики;
- по 1 в сфере государственных (муниципальных) закупок и в сфере функционирования внутренних рынков.

Заключение

Итак, интеграционные процессы на постсоветском пространстве начались созданием 8 декабря 1991 г. Содружества Независимых Государств, в деятельности которого в настоящее время принимают участие десять стран. Важнейшим достижением СНГ стало формирование в 2011 г. зоны свободной торговли. Более высокий уровень интеграционного взаимодействия — Таможенный союз — удалось

¹ Меморандум об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств : подписан в г. Минске 27.11.2018 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420290/ms_20122018 (дата обращения: 02.08.2022).

обеспечить Евразийскому экономическому союзу, куда с 2015 г. входят пять государств. Дальнейшее развитие интеграции на постсоветском пространстве требует координации интеграционных процессов в СНГ и ЕАЭС. Важную задачу в этой плоскости решает совместная рабочая группа исполнительных органов СНГ и ЕАЭС — Исполнительного комитета СНГ и Евразийской экономической комиссии. Первые итоги работы рабочей группы: предлагается внести изменения в ст. 4 Договора СНГ о зоне свободной торговли. Государствам — членам ЕАЭС рекомендовано прекратить участие в Соглашении СНГ о правилах определения страны происхождения товаров. Выявлено, что все соглашения СНГ, затрагивающие вопросы таможенного регулирования, не соответствуют праву ЕАЭС. Дальнейшая работа по гармонизации законодательства СНГ и ЕАЭС будет рассматриваться как в рамках настоящей рабочей группы, так и на отраслевых органах СНГ, куда на постоянной основе приглашаются представители Евразийской экономической комиссии. Первые итоги совместной деятельности СНГ и ЕАЭС позволяют с оптимизмом смотреть на возможность гармонизации правовых актов СНГ и Евразийского экономического союза.

В заключение следует напомнить, что еще 27 ноября 2018 г. был подписан Меморандум об углублении взаимодействия между ЕЭК и Исполнительным комитетом СНГ, в котором предусматривалось сотрудничество в сферах таможенного регулирования, прослеживаемости и маркировки товаров средствами идентификации, государственных закупок, защиты прав потребителей, цифровой экономики, налоговой политики и администрирования, внешней торговли, конкурентной политики и антимонопольного регулирования, а также санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер. Меморандум предоставлял возможность представителям рабочих органов ЕАЭС и СНГ участвовать в заседаниях экспертных групп, проводимых на площадках ЕЭК и органов Содружества, а также в заседаниях консультативных органов при Коллегии Комиссии и органов отраслевого сотрудничества СНГ.

3 февраля 2023 г., с целью укрепления сотрудничества и конкретизируя перспективы взаимодействия, в Алматы состоялось подписание Плана мероприятий на 2023–2025 гг. по реализации Меморандума об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств Председателем Коллегии ЕЭК Михаилом Мясниковичем и Генеральным секретарем СНГ Сергеем Лебедевым. Данный план предполагает реализацию совместных проектов и проведение большой серии мероприятий. Особое внимание в нем уделено вопросам устранения существующих барьеров во взаимной торговле, развитию сотрудничества по реализации масштабных совместных проектов и цифровизации экономики. Намечены консультации для выработки совместных подходов в части сопряжения проектов нормативных правовых актов ЕАЭС и СНГ на стадии их согласования и устранения противоречий между ними. В подписанном документе предусмотрено содействие вовлечению в процессы функционирования ЕАЭС и СНГ молодежи, общественных объединений и бизнес-сообществ, а также представлены конкретные формы сотрудничества между ЕЭК и Исполкомом СНГ.

Литература

1. *Байдурин М. С.* Обеспечение экономической безопасности ЕАЭС на основе развития экономической интеграции стран СНГ: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством: экономическая безопасность»: автореферат диссертации на соискание степени доктора политических наук. Москва, 2017. 56 с.
2. *Икромов Д. З.* Международная экономическая интеграция: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. 99 с.
3. *Кротов М. И.* Политико-экономические проблемы модернизации: опыт России и СНГ (очерки) . СПб., 2011. 292 с.
4. *Лученок А. И.* Влияние институциональной политики на экономический рост // Экономический вестник университета: сборник научных трудов ученых и аспирантов. 2017. № 32–1.
5. *Наумов А. О.* Международные неправительственные организации: учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. 186 с.
6. *Панов П. В.* Регионализм и многоуровневая политика: участие региональных акторов в европейских проектах // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2021. № 2.

7. Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood, Illinois: Richard D. Irwin, 1961. P. 304.
8. Engels D. Le declin: La crise de l'Union européenne et la chute de la République romaine, Analogies historiques. L'artilleur, 2019. 378 p.
9. Krapohl S., Van Huut S. A Missed Opportunity for Regionalism: The Disparate Behavior of African Countries in the EPA-negotiations with the EU // Journal of European Integration. 2019. P. 1–19.
10. Subrt J. Individualism, Holism and the Central Dilemma of Sociological Theory. Bingley; 2019. 199 p.

Об авторе:

Марышев Александр Анатольевич, главный специалист-эксперт отдела таможенных информационных технологий Департамента таможенной инфраструктуры Евразийской экономической комиссии (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: MaryshevAA@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1663-3932>

References

1. Baidurin M. S. Ensuring the Economic Security of the EAEU on the Basis of the Development of Economic Integration of the CIS Countries: specialty 08.00.05 "Economics and Management of the National Economy: Economic Security": abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences. Moscow, 2017. 56 p. (In Rus.)
2. Ikromov D. Z. International Economic Integration : a textbook for universities. 2nd ed., reprint. and add. Moscow : Yurayt, 2022. 99 p. (In Rus.)
3. Krotov M. I. Political and Economic Problems of Modernization: The Experience of Russia and the CIS (essays). St. Petersburg, 2011. 292 p. (In Rus.)
4. Luchenok A. I. The Impact of Institutional Policy on Economic Growth. *Economic Bulletin of the University: Collection of Scientific Papers of Scientists and Postgraduates* [Ekonomicheskii vestnik universiteta : sbornik nauchnykh trudov uchenykh i aspirantov]. 2017; (32–1). (In Rus.)
5. Naumov A. O. International Non-Governmental Organizations: a textbook for universities. Moscow : Yurayt, 2022. 186 p. (In Rus.)
6. Panov P. V. Regionalism and Multilevel Politics: Participation of Regional Actors in European Projects. *Bulletin of the Perm Federal Research Center* [Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra]. 2021; (2). (In Rus.)
7. Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood, Illinois : Richard D. Irwin, 1961. P. 304.
8. Engels D. Le declin: La crise de l'Union européenne et la chute de la République romaine, Analogies historiques. L'artilleur, 2019. 378 p. (In French)
9. Krapohl S., Van Huut S. A Missed Opportunity for Regionalism: The Disparate Behavior of African Countries in the EPA-negotiations with the EU. *Journal of European Integration*. 2019: 1–19.
10. Subrt J. Individualism, Holism and the Central Dilemma of Sociological Theory. Bingley, 2019. 199 p.

About the author:

Alexander A. Maryshev, Chief Expert of the Department of Customs Information Technologies of the Department of Customs Infrastructure of the Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation), PhD in Political Sciences;
e-mail: MaryshevAA@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1663-3932>

Проблемы формирования инвестиционного климата в Республике Дагестан

Кугай А. И.* , Джамалов М. Ш.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: kugay-ai@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Сформулировать предложения по совершенствованию государственной политики развития предпринимательства и инвестиционного климата в Республике Дагестан.

Задачи. Исследовать современное состояние инвестиционного климата и предпринимательской активности в Республике Дагестан. Рассмотреть международный опыт взаимодействия бизнеса и органов государственной власти. Определить основное направление в деятельности органов государственного и муниципального управления, институтов гражданского общества и бизнес-сообщества Республики Дагестан по формированию благоприятного инвестиционного климата в республике.

Методология. В работе использованы методы социального конструктивизма, институциональный, структурно-функциональный и сравнительного анализа, статистический, также формально-логический методы исследования.

Результаты. Согласно полученным данным, инвестиционный сектор экономики региона нуждается в определенном совершенствовании. Наблюдается отрицательная динамика инвестиций в основной капитал республики, а также снижение объема инвестиций на душу населения за последние годы. Данные за 2019–2021 гг. демонстрируют увеличение объема государственных инвестиций, в то время как объем частных инвестиций в основной капитал республики существенно снижается.

Выводы. Авторы предлагают органам, уполномоченным в сфере предпринимательства и инвестиций, сосредоточиться на информационно-технологическом направлении развития инвестиционной деятельности. Рекомендуется усовершенствовать и активнее продвигать недавно созданную в республике инвестиционную карту Республики Дагестан, обеспечить создание механизмов ее обновления и наполнения новым содержанием, что позволит существенно модернизировать инвестиционную деятельность и вывести ее на качественно новый уровень. Самый большой капитал на фондовом рынке делается в периоды спада, благодаря инвестиционно-навигационной карте. Просто в условиях кризиса люди этого не замечают.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, инвестиции, предпринимательство, малый и средний бизнес, бизнес, инвестиционная карта, Республика Дагестан

Для цитирования: Кугай А. И., Джамалов М. Ш. Проблемы формирования инвестиционного климата в Республике Дагестан. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023; 17 (1): 126–138.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-126-138>

Problems of Formation of the Investment Climate in the Republic of Dagestan

Alexander I. Kugai*, Magomed Sh. Jamalov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: kugay-ai@ranepa.ru

ABSTRACT

Aim. Formulate proposals to improve the state policy of entrepreneurship development and investment climate in the Republic of Dagestan.

Tasks. To study the current state of the investment climate and entrepreneurial activity in the Republic of Dagestan. Consider international experience of interaction between business and public authorities. Determine the main direction in the activities of state and municipal authorities, civil society institutions and the business community of the Republic of Dagestan to create a favorable investment climate in the republic.

Methods. The work uses the methods of social constructivism, institutional, structural-functional and comparative analysis, statistical, as well as formal-logical research methods.

Results. According to the data obtained, the investment sector of the region's economy needs some improvement. There is a negative dynamics of investments in the fixed capital of the republic, as well as a decrease in the volume of investments per capita in recent years. Data for 2019–2021 show an increase in the volume of public investment, while the volume of private investment in the fixed capital of the republic is significantly decreasing.

Conclusions. The authors suggest that the authorities authorized in the field of entrepreneurship and investment focus on the information technology direction of investment activity development. It is recommended to improve and actively promote the recently created investment map of the Republic of Dagestan, to ensure the creation of mechanisms for updating it and filling it with new content, which will significantly modernize investment activities and bring it to a qualitatively new level. The largest capital in the stock market is made during periods of recession, thanks to the investment and navigation map. It's just that people don't notice it in a crisis.

Keywords: state and municipal administration, investments, entrepreneurship, small and medium business, business, investment map, Republic of Dagestan

For citing: Kugai A. I., Jamalov M. Sh. Problems of Formation of the Investment Climate in the Republic of Dagestan. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 126–138. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-126-138>

Введение

Государственное и муниципальное управление развитием инвестиционной деятельности — это система методов и мероприятий по стимулированию инвестиционного климата и поддержки субъектов и объектов инвестиций для формирования благоприятной экономической среды в регионе.

Многие часто путают понятия «предпринимательство» и «инвестирование». Предприниматель — это субъект, ведущий бизнес-деятельность с целью получения прибыли, а инвестор — субъект, вкладывающий средства с целью получения прибыли.

Развитие инвестиционной деятельности и предпринимательства является одной из стратегических целей не только государства, но и его регионов. Главным стратегическим документом Республики Дагестан (РД) в сфере инвестиционной деятельности — Государственной программой Республики Дагестан «Экономическое развитие и инновационная экономика» развитие малого и среднего предпринимательства в РД и создание благоприятных условий для осуществления инвестиционной деятельности обозначены как основная цель.

В условиях сложной геополитической обстановки и огромного количества санкций сектор малого и среднего предпринимательства (МСП), выступающий главным стимулятором инвестиционной деятельности республики, наиболее подвержен влиянию внешних факторов. Опираясь на данные Дагестана за первое полугодие 2022 г., дагестанские предприниматели суммарно заработали 4383,7 млрд руб., при этом убытки дагестанского бизнеса составили 12 048,4 млрд руб.¹ Данные показатели свидетельствуют об

¹ Территориальный орган Федеральной статистики по Республике Дагестан [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики по РД. URL: <https://dagstat.gks.ru/finans> (дата обращения: 10.01.2023).

отрицательной динамике доходов и убытков дагестанского сектора МСП, что подтверждает актуальность внедрения новых механизмов развития инвестиционного сектора республики.

На сегодняшний день мы наблюдаем, как негосударственный сегмент инвестиций развивается семимильными шагами, примером чему могут послужить онлайн-банкинг, акционерные биржи, перешедшие в цифровой формат, лизинговые компании, консалтинговые организации, венчурные фонды — весь этот инвестиционный конгломерат меняет вектор своего развития в сторону информационно-технологического направления.

В то же время развитие государственного сегмента поддержки инвесторов отстает от сегодняшних трендов и не отвечает современным запросам. На данный момент государство не может предложить потенциальным инвесторам качественно новые и технологические инструменты для инвестиций в сектор предпринимательства.

Государство и регионы, по большей части сосредоточились на развитии малого и среднего предпринимательства, в то время как инвестиционному сегменту уделяется меньше внимания.

Международная практика

Инструменты поощрения и регулирования инвестиций являются одним из ключевых направлений деятельности для правительств многих стран мира. Благодаря инвестициям развиваются многие компании, отрасли, национальные экономики в целом.

Исследования ЮНКТАД (конференция ООН по торговле и развитию) показывают, что как минимум 108 стран имеют инвестиционное законодательство в качестве основного инструмента регулирования инвестиций¹. Вместе с тем, несмотря на то что законы об инвестициях обычно преследуют одни и те же цели, их содержание и общие подходы существенно различаются в разных государствах.

Если говорить о Китае, то в этой социалистической стране сложились специфические подходы к регламентированию рыночных процессов, к которым относится и инвестиционная деятельность. Регуляторами инвестиционной политики КНР являются не только нормативные акты, но и политические директивы.

В Китае инвестиционная деятельность регулируется двумя органами — Государственным комитетом по развитию и реформам КНР и Министерством коммерции КНР. Они разрабатывают стратегии, определяют ключевые цели, анализируют ситуацию в китайской и глобальной экономике, координируют уровень цен, разрабатывают законодательные акты, регламентирующие инвестиции и т. д.

Власти КНР серьезно заинтересованы в поддержке технологического направления для инвестирования. На национальном уровне разрабатываются различные меры для поддержки развития технологических компаний. Одна из таких мер направлена на снижение налогового бремени. Например, если компания классифицируется как «высокотехнологичное предприятие», ставка налога на прибыль автоматически снижается с 25% до 15%.

Если же говорить про иностранные инвестиции, то в последние годы в законодательстве Китая произошли значительные изменения [10]. Важной вехой стало принятие в 2019 г. Закона об иностранных инвестициях (FIL). Ожидается, что FIL откроет новую эру иностранных инвестиций в Китае

С принятием и внедрением FIL многие законы и постановления, которые регулировали инвестиционную политику Китая в течение последних четырех десятилетий, теряют свою актуальность. Теперь все регламентируется одним законопроектом.

FIL станет краеугольным камнем ускоренной нормативно-правовой реформы Китая в области законодательства об иностранных инвестициях и системы управления иностранными инвестициями, что позволит Китаю создать прозрачную, легализованную и равную деловую среду.

Данная законодательная реформа сочетает в себе ряд положительных факторов для развития инвестиционного климата КНР [9]:

¹ Investment Policy Monitor: Special Issue [Электронный ресурс] // United Nations Conference on Trade and Development (сайт). URL: <https://unctad.org/news/investment-laws-widespread-tool-promotion-and-regulation-foreign-investment> (дата обращения: 10.01.2023).

- упрощается административный контроль за иностранными инвесторами, поскольку устанавливается менее обременительный механизм отчетности, а иностранные инвестиции компаний, не включенных в отрицательные списки государственных органов, освобождаются от процедуры согласования с властями;
- создается новая информационная система для усиления посттаможенного контроля за иностранными инвестициями;
- уравниваются права иностранных и китайских инвесторов в вопросах предоставления субсидий и других мер поддержки от государства;
- законодательные и другие нормативно-правовые акты, регулирующие инвестиционную деятельность, стали более понятными и прозрачными.

Предполагаемый объем входящих инвестиций вследствие принятия закона в течение следующих десяти лет составит 1,5 трлн долл. США.

Пандемия COVID-19 побудила страны всего мира изменить свои экономические приоритеты, и Китай не стал исключением. Столкнувшись с пандемией и ростом напряженности в торговле, правительство Китая приняло в 2020 г. «Стратегию двойной циркуляции». В качестве новой модели экономического развития эта стратегия использует потенциал внутреннего рынка в качестве главной инвестиционной опоры в процессе долгосрочного экономического развития. Тем самым власти Китая намерены отдать приоритет государственной поддержке отечественным проектам.

Понятно, что Стратегия двойного обращения не означает, что Китай закроет свои двери для иностранных инвесторов. Об этом также свидетельствуют планы властей КНР сделать Хайнаньский порт свободной торговли крупнейшей особой экономической зоной страны.

Еще одним интересным примером регулирования инвестиционной деятельности является Франция. В отличие от Китая, это страна относится к категории рыночных экономик открытого типа. Это означает, что строгих требований и регламентов к ведению бизнеса и инвестициям в стране нет.

Французское законодательство предусматривает множество налоговых льгот для привлечения новых предприятий и инвесторов. Меры поддержки для потенциальных инвесторов как на национальном, так и на региональном уровне включают:

1) освобождение или снижение корпоративного налога в течение первых четырех лет инвестиций;

2) в некоторых районах Франции, таких как городские предпринимательские зоны (*zones franches urbaines*), местные органы власти могут предоставлять полное или частичное освобождение от местного экономического взноса (*contribution économique Territoire — CET*) начинающим компаниям либо организациям, испытывающим определенные экономические трудности;

3) налоговая льгота (*crédit d'impôt recherche*) при расходах на НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы);

4) кинематографические и аудиовизуальные производственные компании, которые платят корпоративный налог, могут получить налоговый кредит на свои производственные расходы и т. д.

Если говорить про сферу иностранных инвестиций, то во Франции этому аспекту уделяется особенное внимание. Причем в последние годы, как и в Китае, наблюдается существенное реформирование данной области¹. Франция недавно усилила контроль за иностранными инвестициями, приняв Закон № 2019–486 от 22 мая 2019 г. о развитии и трансформации бизнеса (Закон РАСТЕ). Этот Закон усилил полномочия в случае нарушения требований о предварительном разрешении на инвестиционную деятельность иностранными компаниями.

Кроме того, Указ № 2019–1590 от 31 декабря 2019 г., касающийся иностранных инвестиций, реформировал французский режим контроля за иностранными инвестициями. Эта реформа внедрила законодательные изменения, внесенные Законом РАСТЕ, и адаптировала французскую правовую базу к системе координации, введенной в ЕС.

¹ France: Foreign Direct Investment Regulations [Электронный ресурс] // Global Competition Review (GCR). URL: <https://globalcompetitionreview.com/guide/foreign-direct-investment-regulation-guide/second-edition/article/france> (дата обращения: 10.01.2023).

Также Постановление № 2020–892 от 22 июля 2020 г. временно снизило пороговое значение, инициирующее проверку Министерством экономики инвестиций, не входящих в ЕС.

В результате реформирования были предприняты следующие шаги.

1. Сокращено количество административных барьеров для учреждения иностранных компаний.
2. Создана программа налоговых кредитов на сумму 20 млрд евро (налоговый кредит на конкурентоспособность), произведена отмена налога на солидарность, а также реализовано создание налогового кредита на исследования для молодых инновационных компаний.
3. Реализован проект по созданию нового трудового законодательства для поддержки профессионального обучения и повышения гибкости рынка труда.
4. Иностранные компании получили доступ к тем же субсидиям, что и французские компании (поддержка инвестиций в инновационной сфере, НИОКР, профессионального обучения, создания рабочих мест и т. д.)¹.
5. Также был введен ряд мер по упрощению административных процедур, например, теперь компания может регистрироваться всего за шесть дней, как, например, ускоренная регистрация компании (всего за шесть дней) [6].

Рассматривая специфику регулирования инвестиций в разных странах, остановимся на некоторых вопросах регулирования отношений в сфере инвестиций и предпринимательства в США. Затрагивая американскую практику управления, нельзя не упомянуть о системе показателей развития предпринимательства и инвестиционной деятельности, внедренной Администрацией малого бизнеса (Small business administration) — главным органом, уполномоченным в сфере поддержки развития предпринимательства США. Данная система показателей позволяет отслеживать не только динамику развития предпринимательства в отдельно взятом штате, но и отслеживать степень востребованности той или иной меры государственной поддержки, что существенно повышает эффективность их внедрения в будущем [8].

Еще одним примером прогрессивной поддержки малого предпринимательства является внедрение властями США механизма развития экономически неблагополучных регионов страны путем реализации программы HUBZone, что позволяет создать новые рабочие места и привлекать дополнительные инвестиции [7].

Инструментом реализации данной программы является обеспечение доступа предпринимателей к федеральным государственным заказам на приоритетных условиях. В частности, американское законодательство требует, чтобы заинтересованные правительственные структуры заключали 3% государственных контрактов с малыми предприятиями, зарегистрированными в HUBZone [4, p. 67–71].

США являются крупнейшим в мире получателем прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Существует четыре федеральных закона, регулирующих иностранные инвестиции в Соединенных Штатах, причем некоторые из них были приняты несколько десятилетий назад. В США нет ограничений на валютные операции, движение капитала и т. д. Однако даже в США, стране с либеральной рыночной экономикой, возрастают масштабы контроля за инвестициями. К примеру, нельзя не отметить принятый закон «О модернизации оценки рисков иностранных инвестиций» (Foreign Investment Risk Review Modernization Act — FIRREA). Он затронул многие аспекты деятельности иностранных инвесторов.

Кроме того, многочисленные комиссии и государственные органы в США регулируют иностранные инвестиции, исходя из геополитических интересов США. Примером является торговая война с Китаем, которая существенно осложнила для китайских инвесторов деятельность на американском рынке.

Безусловно, иностранные инвестиции являются существенным фактором в развитии экономики. Однако на фоне пандемии и геополитической неопределенности (включая усиление конфронтации между многими участниками мирового сообщества, что приводит к ухудшению состояния развития

¹ The Big Investment Plan 2018–2022 [Электронный ресурс] // Gouvernement (сайт). URL: <https://www.gouvernement.fr/action/le-grand-plan-d-investissement-2018-2022> (дата обращения: 10.01.2023).

всей глобальной экономики в целом) все больше стран мира стремятся более тщательно подходить к проверке иностранных инвестиций и реализуют усилия по блокированию инвестиций в чувствительные сектора¹.

В целом, в качестве итогов, можно отметить следующее. Сфера инвестиций является важным аспектом государственного регулирования в самых разных странах мира. Вместе с тем в условиях пандемии и геополитических кризисов в последние годы возрастает степень регулирования ПИИ особенно в тех сферах, которые являются стратегически важными для национальной безопасности.

Развитие инвестиционного климата в Республике Дагестан

Республика Дагестан состоит из 760 муниципальных образований (40 муниципальных районов, 9 городских округов, 700 сельских поселений, 7 городских поселений) и является субъектом Российской Федерации, который входит в состав Северо-Кавказского федерального округа [2].

На сегодняшний день в Республике Дагестан реализуется множество перспективных и уникальных инвестиционных проектов [3].

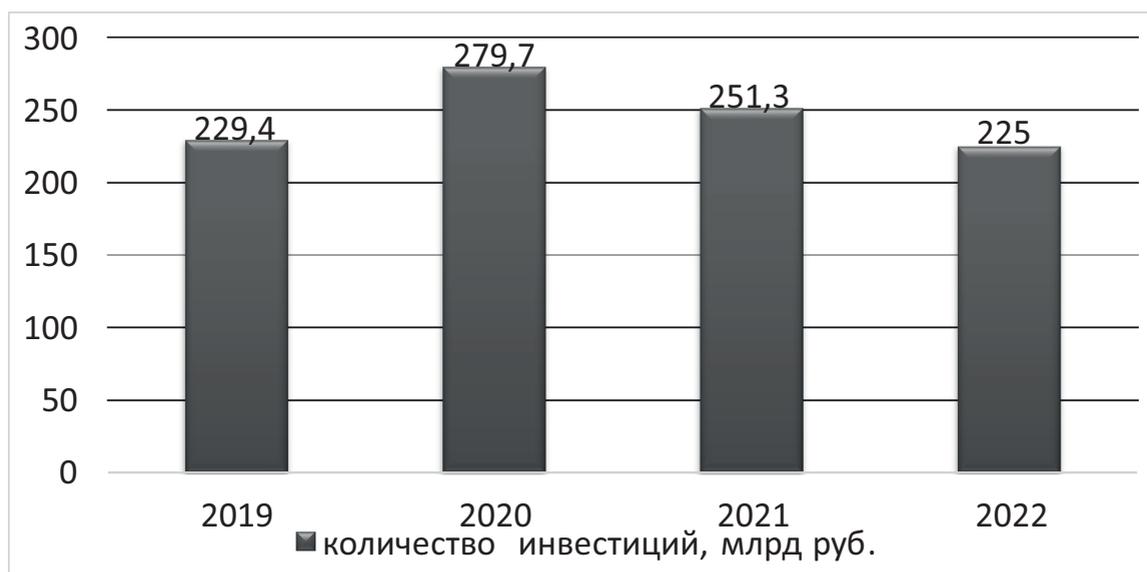


Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал Республики Дагестан
Fig. 1. Dynamics of investments in fixed capital of the Republic of Dagestan

Растущий рейтинг инвестиционной привлекательности региона способствовал увеличению суммарного объема инвестиций до рекордных 273,4 млрд руб. в 2020 г. (прим. данные за 2022 г. взяты за девять мес.)² (рис. 1).

Вместе с тем данные за 2020 и 2021 гг. указывают на существенное снижение объема инвестиций в основной капитал (на 22,1 млрд руб. или 8,8%).

Если спроецировать указанные показатели на душу населения, диаграмма будет выглядеть следующим образом³ (рис. 2).

¹ How Countries Can Regulate Investment Screening [Электронный ресурс] // Chatham House (сайт). URL: <https://www.chathamhouse.org/2022/04/how-countries-can-regulate-investment-screening> (дата обращения: 10.01.2023).

² Территориальный орган Федеральной статистики по Республике Дагестан [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики по РД. URL: <https://dagstat.gks.ru/finansi> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Там же.

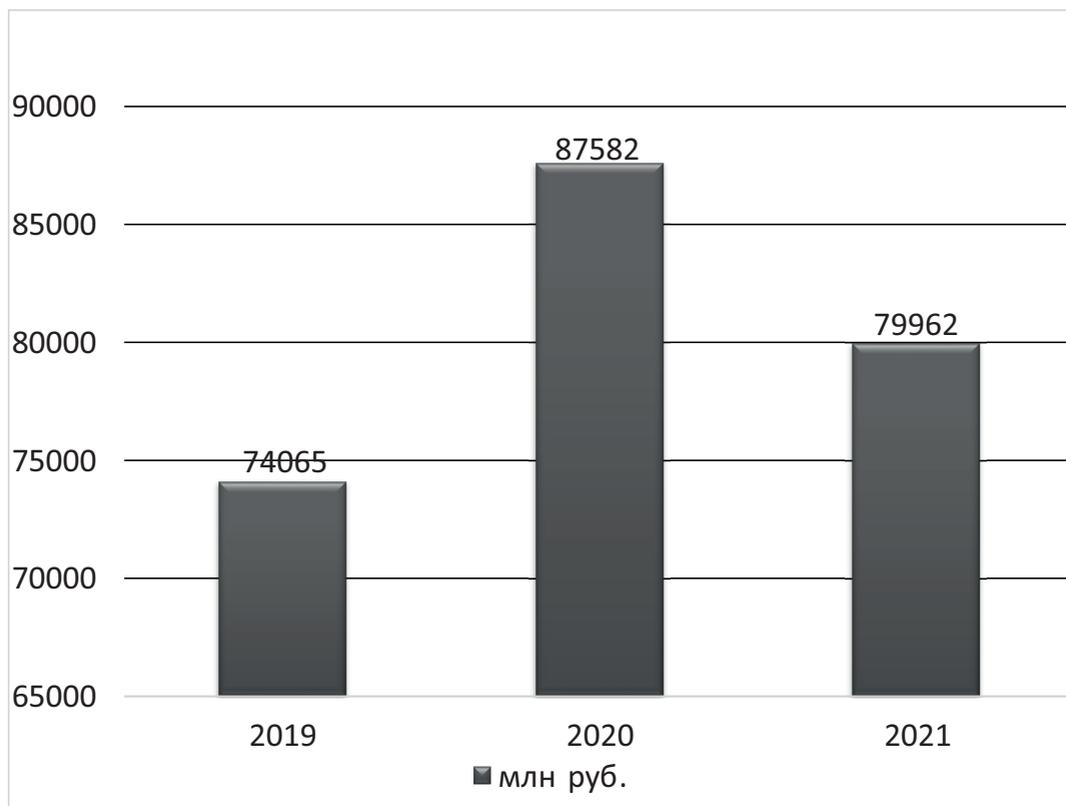


Рис. 2. Объем инвестиций на душу населения РД

Fig. 2. Volume of investments per capita RD

Основными факторами, предшествовавшими отрицательной динамике указанных показателей, явились, на наш взгляд:

- введение ограничений в связи с эпидемией коронавирусной инфекции;
- давление контролирующих и надзорных органов, в том числе правоохранительных;
- труднодоступность услуг кредитования на длительные сроки по льготным ставкам.

Помимо вышеупомянутых факторов нельзя не упомянуть о снижении динамики инвестирования со стороны частных инвесторов [1].

Значительная доля инвестиций в основной капитал в 2021 г. в Республике Дагестан (70,8%) приходится на бюджеты разных уровней, в том числе:

- 45,6% — средства федерального бюджета;
- 21,5% — средства республиканского бюджета;
- 3,7% — средства муниципальных бюджетов.

При этом объем частных инвестиций в общей структуре затрат составляет всего 18,9%¹ (рис. 3).

Приведенные показатели демонстрируют сохраняющуюся тенденцию значительной доли объема инвестиций в основной капитал со стороны бюджетов всех уровней при относительно небольших значениях объемов частных инвестиций.

Приведем сравнительный анализ объема инвестиций в разрезе государственного и частного секторов за 2019–2021 гг.⁸(рис. 4).

¹ Территориальный орган Федеральной статистики по Республике Дагестан [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики по РД. URL: <https://dagstat.gks.ru/finansi> (дата обращения: 10.01.2023).



Рис. 3. Структура инвестиций в основной капитал РД по источникам
Fig. 3. Structure of Investments in Fixed Capital of EP by Sources

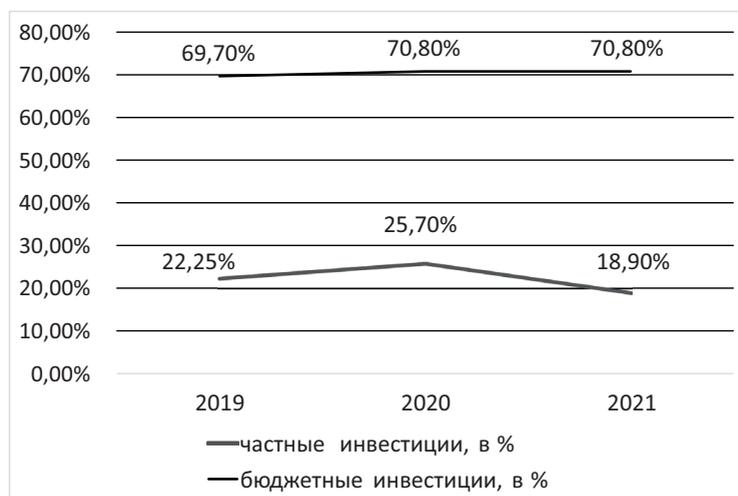


Рис. 4. Показатели инвестирования собственных средств компаний от общего числа инвестирования в основной капитал республики, %
Fig. 4. Indicators of Investment of Own Funds of Companies from the Total Number of Investments in the Fixed Capital of the Republic, %

Данные графика демонстрируют отрицательную динамику инвестирования собственных средств компаний в основной капитал республики за 2020 и 2021 гг. (снижение на 6,8%), тогда как неизменным остается объем инвестиций за счет государственных средств, что не соответствует общероссийской и мировой практике, а также свидетельствуют о снижении инвестиционной активности в частном секторе экономики республики [1].

Для примера рассмотрим аналогичные показатели одного из наиболее успешных в экономическом плане регионов СКФО, Ставропольского края, которые демонстрируют обратную разницу показателей бюджетных и частных инвестиций в основной капитал¹ (рис. 5).

¹ Территориальный орган Федеральной статистики по Ставропольскому краю [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу (Северо-Кавказстат). URL: <https://stavstat.gks.ru/> (дата обращения: 10.01.2023).

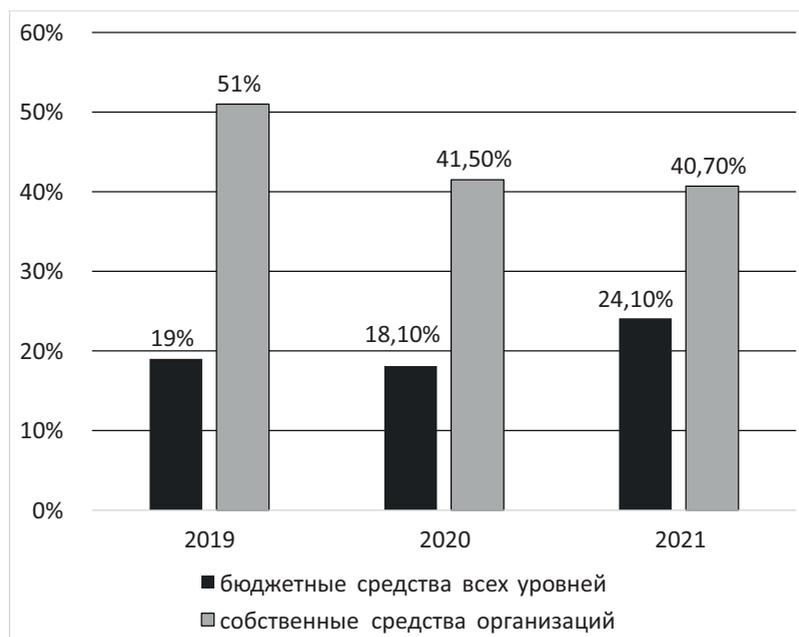


Рис. 5. Соотношение показателей бюджетных и частных инвестиций в Ставропольском крае, %

Fig. 5. The Ratio of Indicators of Budgetary and Private Investments in the Stavropol Territory, %

Динамика Ставрополя демонстрирует многократное превосходство частных инвестиций над бюджетными, что является весомым фактором при оценке развития инвестиционного климата в данном регионе и указывает на относительно благоприятный инвестиционный климат в регионе.

Безусловно, в современных условиях только существенный рост объема частных инвестиций может способствовать обеспечению роста уровня жизни населения, созданию необходимого количества рабочих мест и пространственному развитию территорий.

Достижение задач и целей, поставленных в Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, невозможно без развития частного сектора инвестирования.

На сегодняшний день в республике создана вся необходимая нормативно-правовая база для осуществления инвестиционной и предпринимательской деятельности, однако, на наш взгляд, недостаточно развиты механизмы и инструменты привлечения инвесторов [2].

Анализируя сегодняшние мировые тренды инвестиционной индустрии и предпринимательства, можно прийти к выводу, что перспективы развития отрасли связаны с ускоренным информационно-технологическим развитием.

Инвестиционная карта Республики Дагестан как механизм совершенствования инвестиционного климата в регионе

Руководством Агентства по предпринимательству и инвестициям Республики Дагестан (далее — Агентство) — уполномоченного органа правительства РД в указанной сфере автору данной статьи была предоставлена возможность разработки и внедрения инвестиционной карты Республики Дагестан во исполнение приказа Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591.

Данный приказ подразумевает внедрение регионального инвестиционного стандарта, состоящего из следующих этапов:

- 1) разработка инвестиционной декларации субъекта;

- 2) создание агентства развития субъекта;
- 3) создание инвестиционного комитета субъекта;
- 4) формирование инвестиционной карты субъекта;
- 5) внедрение свода инвестиционных правил субъекта Российской Федерации¹.

Инвестиционная карта (далее — Инвесткарта) — это интернет-портал для подбора площадок и других объектов для инвесторов.

По сути, это аналог геосервиса типа 2ГИС, Яндекс.Карт и других, но для конкретного региона и работает для того, чтобы проекты и инвесторы находили друг друга.

Инвесткарта — неотъемлемая часть инвестиционного портала региона и органа власти, т. к. она связана с каталогом проектов региона, на карте отображается информация о территориальном планировании, ресурсной базе, коммуникациях, мерах поддержки и тарифах, свободных площадках для реализации инвестиционных проектов².

В соответствии с методическими рекомендациями инвестиционная карта состоит из определенных разделов (слоев):

- инженерная инфраструктура инвестиционной площадки;
- транспортная инфраструктура субъекта РФ;
- территориальные и земельные ресурсы перспективного развития;
- инвестиционные площадки и преференциальные режимы;
- полезные ископаемые³.

Инвестиционная карта, очевидно, является уникальным, наиболее продвинутым цифровым механизмом привлечения инвестиций, внедренным Минэкономразвития РФ за последние пять лет. Благодаря простому и понятному механизму взаимодействия с пользователем, Инвесткарта выступает связующим звеном в процессе сотрудничества государства, предпринимателя и потенциального инвестора.

В процессе создания Инвесткарты РД, по согласованию с Минэкономразвития РФ, автором были добавлены еще два слоя — «Земли» и «Помещения», свободные от обременения третьих лиц, на которых инвесторы смогут вести практически любую предпринимательскую деятельность, начиная от сельскохозяйственной, заканчивая военным направлением. В результате проведенной работы в Инвесткарту РД дополнительно добавлены более восьмидесяти земельных участков общей площадью 30 256 га и десять помещений общей площадью 3397 кв. м.

Благодаря Инвесткарте на сегодняшний день любой инвестор, проживающий в Российской Федерации и желающий начать вести предпринимательскую деятельность в регионе, может напрямую связаться с властями муниципалитета и предложить свой проект для реализации, что существенно улучшает и ускоряет процесс инвестирования в республике.

Пути совершенствования инвестиционной карты

Вместе с тем инвестиционная карта сочетает в себе несколько особенностей, препятствующих полномасштабному взаимодействию с инвесторами в республике.

1. Направленность на средний бизнес, в то время как малый остается в тени. На карту попадают проекты, состоящие в реестре инвестиционных проектов РФ и субъекта, то есть это проекты, уже имеющие определенные ресурсы (фабрики, рабочий персонал, оборудование и т. д.). В первый день

¹ Приказ Минэкономразвития РФ от 30.09.2021 № 159 «О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/608913625?marker=7EC0KF> (дата обращения: 10.01.2023).

² Агентство по предпринимательству и инвестициям Республики Дагестан [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Дагестан. URL: <http://dagestaninvest.ru/map/> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Приказ Минэкономразвития РФ от 30.09.2021 № 159 «О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/608913625?marker=7EC0KF> (дата обращения: 10.01.2023).

публикации инвестиционной карты в агентство поступило более десяти обращений от субъектов малого предпринимательства с просьбой опубликовать их проект, однако удовлетворить их просьбу не представилось возможным, так как положение Инвесткарты этого не подразумевает.

Минэкономразвитию РФ следует пересмотреть направленность карты и расширить ее функционал в сторону малого предпринимательства.

2. Инвесткарта — это платформа для размещения. В положении указано, что Инвесткарта размещается на информационном портале ответственного органа, но, как показывает практика, сайты органов власти не пользуются популярностью у населения республики, о чем свидетельствуют данные по посещению сайта — пятьдесят посещений в сутки.

В день, когда Инвесткарта была официально представлена и были сделаны соответствующие публикации в СМИ, количество посещений достигло рекордных 750 посещений за сутки, что демонстрирует повышенный интерес к инвестированию у общества, однако с каждым днем показатели приближались к привычным для портала.

Очевидно, необходимо пересмотреть положение по формированию карты и дать возможность регионам разрабатывать отдельный софт для приложения, позволяющий быстро и через любое устройство просмотреть Инвесткарту. Создание отдельного приложения поможет потенциальным инвесторам поинтересоваться на масштаб и уровень оказываемых услуг государством.

Недостатки государственного управления инвестиционной картой

Вместе с тем основным источником развития потенциала любой Инвесткарты является именно PR-составляющая — завлечь потенциальных инвесторов можно только с помощью рекламы. Как говорил Генри Форд: «Если бы у меня было четыре доллара, три из них я отдал бы на рекламу». Большинство предпринимателей в республике даже не осведомлены о существовании инвестиционной карты, и большая часть информации, опубликованной на ней, лежит «мертвым грузом».

Власти республики не продвигают данную платформу, отсутствуют какие-либо публикации в СМИ, лишь в день релиза карты были сделаны официальные заявления исполнительных органов и приглашены журналисты.

Органам республиканской власти следовало бы всесторонне рекламировать данную платформу, используя региональные СМИ, организовывать дискуссионные площадки для обсуждения механизмов наполнения инвестиционной карты новым содержанием, привлекая к сотрудничеству известных предпринимателей и общественных деятелей. Только посредством популяризации данного проекта можно достичь ощутимых показателей в реализации инвестиционной карты.

Заключение

Инвестиционная сфера РД стремительно развивается, в том числе благодаря экономическим реформам, проводимым властями региона, и грамотно выстроенному инновационному курсу, определенному Министерством экономического развития РФ, но современная геополитическая обстановка диктует новые правила для развития инвестиционного сектора республики.

Республиканским властям не стоит недооценивать потенциал развития инвестиционной карты, примеры успешно реализованных инвестиционных карт имеются — это Москва, Республика Башкортостан, Ленинградская область.

Развитие инвестиционной карты может стать началом успешного информационно-технологического курса, проводимого властями региона самостоятельно и вывести республику в лидеры по уровню инвестиционного потенциала в СКФО.

И наконец, самый большой капитал на фондовом рынке делается в периоды спада, благодаря инвестиционно-навигационной карте. Просто в условиях кризиса люди на это, зачастую неоправданно, не обращают внимание.

Литература

1. Арсланов Ш. Д. Проблемы формирования и развития инвестиционной сферы в Республике Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 4 (42). С. 122–127.
2. Курбанова У. А. Анализ современного состояния инвестиционных процессов в Республике Дагестан // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. № 4. С. 27–37.
3. Хасбулатова Б. М. Инвестиционный потенциал Дагестана: возможности и их использование // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2018. № 3.
4. Bradley Powers, Kyle Simons. Small Business Administration HUBZone Program: Discussion and Debate. New York : Novinka / Nova Science Publishers, Inc., 2012. 108 p.
5. Emily Xueref-Poviac, Katrin Schallenberg. France: Foreign Direct Investment Regulations // The Journal of GCR. 2022.
6. Governing Regional Development Policy: The Use of Performance Indicators. OECD : Paris, 2009. 198 p.
7. Janikowski W. Small Business Administration Programs: Overview and Considerations. Nova Science Publishers, Inc., 2013. P. 245–258.
8. Pavone S. The Small Business Administration 504 Loan Program. Nova Science Publishers, Inc., 2014.
9. Zhang S. Protection of Foreign Investment in China: The Foreign Investment Law and the Changing Landscape. Eur Bus Org Law Rev (2022). P. 17–20.
10. Yawen Zheng. China's New Foreign Investment Law and Its Contribution Towards the Country's Development Goals // The Journal of World Investment & Trade. 2021. Vol. 22. Issue 3. P. 388–428.

Об авторах:

Кугай Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор;
e-mail: kugay-ai@ranepa.ru

Джамалов Магомед Шамилович, студент факультета государственного и муниципального управления Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: goretz1890@gmail.com

References

1. Arslanov Sh. D. Problems of Formation and Development of the Investment Sphere in the Republic of Dagestan. *Regional Problems of Transformation of the Economy* [Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki]. 2014; (4): 122–127. (In Rus.)
2. Kurbanova U. A. Analysis of the Current State of Investment Processes in the Republic of Dagestan. *Bulletin of the Dagestan State University* [Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta]. Series 3: Social Sciences. 2019; (4): 27–37. (In Rus.)
3. Khasbulatova B. M. Investment Potential of Dagestan: Opportunities and Their Use. *A-factor: Scientific Research and Development (Humanitarian Sciences)* [A-faktor: nauchnye issledovaniya i razrabotki (gumanitarnye nauki)]. 2018; (3). (In Rus.)
4. Bradley Powers, Kyle Simons. Small Business Administration HUBZone Program: Discussion and Debate. Novinka; 2012. 108 p.
5. Emily Xueref-Poviac, Katrin Schallenberg. France: Foreign Direct Investment Regulations. *The Journal of GCR*. 2022.
6. Governing Regional Development Policy: The Use of Performance Indicators. OECD : Paris, 2009. 198 p.

7. Janikowski W. Small Business Administration Programs: Overview and Considerations. Nova Science Publishers, Inc., 2013: 245–258.
8. Pavone S. The Small Business Administration 504 Loan Program. Nova Science Publishers, Inc., 2014.
9. Zhang S. Protection of Foreign Investment in China: The Foreign Investment Law and the Changing Landscape. *Eur Bus Org Law Rev.* 2022: 17–20.
10. Yawen Zheng. China's New Foreign Investment Law and Its Contribution Towards the Country's Development Goals. *The Journal of World Investment & Trade.* 2021; (22) 3: 388–42.

About the authors:

Alexander I. Kugai, Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management, RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor;
e-mail: kugay-ai@ranepa.ru; kugay3@yandex.ru

Magomed Sh. Jamalov, student of the Faculty of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: goretz1890@gmail.com

Роль «Пяти принципов мирного сосуществования» Китая в установлении многополярного мироустройства

Нечай А. А.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: aleksandranechai@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7068-0185>

РЕФЕРАТ

В XXI в. с появлением на мировой арене нового сильного актора международных отношений — Китайской Народной Республики — стало очевидно, что западная модель глобального управления должна быть пересмотрена или ей, по крайней мере, должна быть предложена альтернатива. Китай последовательно выступает за формирование многополярного мирового порядка, построенного на принципах плюрализма интересов и цивилизационного разнообразия, которые нашли отражение в концепции «Пяти принципов мирного сосуществования». Идея мирного сосуществования сейчас звучит как никогда актуально.

Цель. Цель данного исследования — рассмотреть использование «Пяти принципов мирного сосуществования» во внешнеполитической стратегии КНР.

Задачи. Проанализировать содержание «Пяти принципов мирного сосуществования», проследить их отражение во внешнеполитической деятельности КНР на примере действий государства по отношению к проведению РФ специальной военной операции (СВО).

Методология. В ходе исследования автор пользовался методом исторической ретроспективы, а также методом анализа документов.

Результаты. Раскрыта суть концепции «Пяти принципов мирного сосуществования» во внешнеполитической деятельности Китая; охарактеризован каждый принцип, выявлены особенности их применения по отношению к проведению СВО.

Выводы. Истоки пяти принципов мирного сосуществования можно увидеть в конфуцианстве, которое предполагает гармонию без унификации. В XXI в. Китай активно выступает с инициативами по формированию нового миропорядка, беря за основу «Пять принципов мирного сосуществования», работает над созданием позитивного образа страны. Принципы мирного сосуществования находят свое отражение в позиции государства по отношению к проведению специальной военной операции на Украине: КНР призывает уважать национальный суверенитет, соблюдая принципы Устава ООН, поддерживает проведение мирного диалога между двумя государствами, в котором будут учтены интересы обеих сторон, а также следует принципу невмешательства во внутренние дела РФ, воздерживаясь от голосования в Совбезе ООН по украинскому вопросу, осуждает санкции как неприемлемый инструмент оказания влияния в мировой политике и международных отношениях. Официальные лица КНР убеждены, что конфликт был спровоцирован расширением НАТО на восток и что он является частью оборонительной политики РФ, так как расширение НАТО представляет прямую угрозу национальной безопасности России. Защита мира и противодействие вооруженным столкновениям — это историческая и культурная традиция Китая, которой он придерживается в ходе конфликта.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Си Цзиньпин, Пять принципов мирного сосуществования, суверенитет, международные отношения, специальная военная операция

Для цитирования: Нечай А. А. Роль «Пяти принципов мирного сосуществования» Китая в установлении многополярного мироустройства. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023; 17 (1): 139–147.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-139-147>

The Role of China's "Five Principles of Peaceful Coexistence" in Establishing a Multipolar World Order

Aleksandra A. Nechai

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: aleksandranechai@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7068-0185>

ABSTRACT

In the 21st century, with the emergence on the world stage of a new strong actor in international relations — the People's Republic of China — it became obvious that the Western model of global governance must be revised or at least an alternative must be proposed to it. China has consistently advocated the formation of a multipolar world order built on the principles of pluralism of interests and civilizational diversity, which are reflected in the concept of the Five Principles of Peaceful Coexistence. The idea of peaceful coexistence is more relevant than ever.

Aim. The purpose of this study is to determine the use of the Five Principles of Peaceful Coexistence in China's foreign policy strategy.

Tasks. Analyze the content of the "Five Principles of Peaceful Coexistence" and trace their reflection in the PRC's foreign policy activities by the example of the state's actions in relation to conducting a Special military operation.

Methods. During the study, the author used the method of historical retrospective, as well as the method of analyzing documents.

Results. The relevance of the application of the concept of "Five Principles of Peaceful Coexistence" in the foreign policy of China was substantiated; each principle was characterized, the peculiarities of their application in relation to the conduct of Special military operation were revealed.

Conclusions. The origins of the Five Principles of Peaceful Coexistence can be seen in Confucianism, which implies harmony without unification. In the 21st century, China is actively taking initiatives to form a new world order, taking the "Five Principles of Peaceful Coexistence" as a basis, working to create a positive image of the country. The principles of peaceful coexistence are reflected in the state's position on the special military operation in Ukraine: China calls to respect national sovereignty, observing the principles of the UN Charter, supports a peaceful dialogue between the two countries, which will take into account the interests of both sides, and follows the principle of non-interference in the internal affairs of Russia, abstaining from voting in the UN Security Council on the Ukrainian issue, condemns sanctions as an unacceptable instrument of influence in world politics. PRC officials are convinced that the conflict was provoked by NATO's eastward expansion and that it is part of Russia's defense policy, as NATO expansion poses a direct threat to Russian national security. Defending peace and opposing armed clashes is a historical and cultural tradition China has maintained during the conflict.

Keywords: People's Republic of China, Xi Jinping, Five principles of Peaceful Coexistence, sovereignty, international relations, special military operation

For citation: Nechai A. A. The Role of China's "Five Principles of Peaceful Coexistence" in Establishing a Multipolar World Order. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 139–147. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-139-147>

Введение

«Пять принципов мирного сосуществования» включают в себя взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга,

равенство и взаимную выгоду, мирное сосуществование¹. Данная концепция, предложенная Чжоу Эньлаем (周恩来, 1898–1976) в 1953 г., получила всеобщее признание. Используя эту концепцию, Китайская Народная Республика стремилась наладить отношения со странами Азии для пропаганды своих идей и убедить руководителей этих стран в том, что Китай не ставит своей задачей вмешательство в их внутренние дела. Уже в 1982 г. концепция вошла в Конституцию Китайской Народной Республики, после чего «Пять принципов» стали официально являться основополагающими принципами, которыми руководствуется Китай в своей внешней политике и международных отношениях.

Для нынешнего Китая «Пять принципов мирного сосуществования» — это концепция, которая способствует формированию позитивного, миролюбивого образа страны с целью развенчания мифа о так называемой «китайской угрозе» (中国威胁, Чжунго вэйсе).

Рассмотрим подробнее содержание и значение «Пяти принципов мирного сосуществования».

Взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета

Данный принцип изначально предусматривал отказ от прямого военного вмешательства одного актора во внутреннюю территорию другого. В современных условиях этот принцип получил более актуальное и широкое содержание. Он подразумевает уважение территориальной целостности и суверенитета государства, проявляющегося в дипломатическом взаимодействии, в двусторонних отношениях. По мнению российских исследователей Т. Колгушкина и Е. Паймаковой, этот принцип направлен на «устранение “критических” вопросов во внутренней политике, связанных с проблемой территориальной принадлежности (например, вопрос Тайваня)» [15, р. 97].

Выступая на Международном симпозиуме по пяти принципам мирного сосуществования в 2004 г., бывший министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь (钱其琛, 1928–2017) заявил: «Конфликты внутри страны по-прежнему остаются внутренним делом суверенной страны. Международное сообщество может протянуть руку помощи, когда это необходимо, но это должно быть сделано в соответствии с признанными нормами международного права, при уважении национального суверенитета и с четкой санкции Совета Безопасности ООН»².

Взаимное уважение принципа территориального суверенитета и принципа ненападения — два принципа, не только защищающие независимость и целостность суверенитета страны, но и гарантирующие общую безопасность региона.

Ненападение

Принцип ненападения изначально предполагает отказ от нападения стран друг на друга, отказ от военных действий между государствами. Позиция Китайской Народной Республики по этому принципу заключается в следующем: страна ориентирована в военном отношении на проведение только оборонительной политики, а также на неучастие в гонке вооружения. Китайская Народная Республика активно выступает против распространяющего мифа со стороны западных стран о так называемой «китайской угрозе». Свою внешнюю политику Китай осуществляет только дипломатическими мерами, избегая прямых столкновений с другими государствами. Таким образом реализуя так называемое «мягкое балансирование» [3, с. 111].

¹ 在和平共处五项原则的基础上建立国际新秩序 [Building a New International Order Based on the Five Principles of Peaceful Coexistence = Построение нового международного порядка на основе Пяти принципов мирного сосуществования] [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики (сайт). URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/wjs_674919/200011/t20001107_10251031.shtml (дата обращения: 12.07.2022).

² 钱其琛: 和平共处五项原则与新世纪的国际关系. 在“和平共处五项原则国际研讨会”上的主旨发言 [Qian Qichen: The Five Principles of Peaceful Coexistence and International Relations in the New Century. Keynote Speech at the «International Symposium on the Five Principles of Peaceful Coexistence» = Цянь Цичэнь: Пять принципов мирного сосуществования и международные отношения в новом веке. Основной доклад на «Международном симпозиуме по пяти принципам мирного сосуществования»] [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/zt2004_675921/hpgcwxzyzjyth_675945/200406/t20040614_9289418.shtml (дата обращения: 13.07.2022).

Данный «мирный» подход реализуется во внешнеполитической практике. Китайская Народная Республика выступает как активный сторонник разрешения конфликтов и споров между государствами исключительно мирным путем, путем переговоров. В Организации Объединенных Наций Китай при голосовании по резолюциям о принятии санкций или гуманитарному вмешательству часто занимает нейтральную позицию.

Невмешательство во внутренние дела друг друга

Невмешательство во внутренние дела друг друга является одним из ключевых требований для урегулирования международных отношений. Внутренние дела — это, по сути, осуществление государством верховной власти над территорией, находящейся под его юрисдикцией. Однако мы должны также учитывать, что «внутренние дела» — это отнюдь не чисто территориальное понятие, определенные действия страны в пределах своей собственной территории также могут нарушать международное право.

Если западные эксперты иногда оправдывают вмешательство и считают, что «гуманитарное вмешательство» является законным, то, с китайской точки зрения это является неприемлемым: если страна произвольно судит о нарушении другой страной «основных прав человека» по ее собственным стандартам, а затем производит вмешательство, то это неизбежно приведет к хаосу в международных отношениях.

В современных условиях принцип невмешательства во внутренние дела друг друга следует трактовать как основной для Китайской Народной Республики. По этому принципу исключается любая риторика, касающаяся принятия внутренних политических решений в Китае, а также происходит исключение ее из обсуждения с другими странами и включение ее в международную повестку дня.

Равенство и взаимная выгода

Характерное для руководства США и их союзников понимание геополитики как Игры с нулевой суммой несовместимо с выдвинутой председателем КНР концепцией Сообщества единой судьбы человечества [4, с. 13], которая является продолжением концепции «Пяти принципов мирного сосуществования». Игра с нулевой суммой — это, согласно теории игр, антагонистическая игра, в которой выигрыш одного игрока равен проигрышу другого [Там же, с. 11].

Принцип «равенство и взаимная выгода» предполагает ориентацию Китайской Народной Республики на равные партнерские отношения со всеми государствами мира, независимо от экономического, социального, политического уровня развития, роли в международной системе, положения на мировой арене.

Мирное сосуществование

Принцип мирного сосуществования является основополагающим для Китайской Народной Республики и включает в себя все четыре принципа, рассмотренные выше. В его основу положена идея существования мира в условиях конкуренции, но без военных действий. Мир — это основа развития, а развитие — это основа мира.

Мирное сосуществование должно включать в себя следующее:

- страны должны жить в мире друг с другом, включая мирное сосуществование между странами, принимающими различные социальные системы и идеологии;
- мирное развитие взаимоотношений между странами и содействие сотрудничеству;
- решение международных споров мирным путем.

В основе «Пяти принципов» лежит одна из ключевых идей конфуцианского учения — «дорожить миром». В свою очередь, «Пять принципов мирного сосуществования» полностью ориентированы на строительство новых отношений в международной политике. Эти отношения основаны на принципах взаимного уважения и равенстве в мировом сообществе и направлены на строительство новой модели мира — «гармоничного мира».

«Гармония», «согласие» (和谐 — хэсе, 和睦 — хэму, 和平 — хэпин) являются основополагающими ценностями традиционной философии и культуры. Конфуцианство утверждает, что гармония — это самое важное в управлении страной и в межличностных отношениях. Гармония представляет собой наивысшую ценность (礼之用, 和为贵 — ли чжи юн, хэ вэй гуй), однако следует отметить специфическое понимание этого понятия в конфуцианстве. Под гармонией понимается «гармония, но не единообразие» [16]. В «Аналектах Конфуция» высказывается мысль о том, что благородный муж [человек] находится в согласии с другими людьми, при этом имея разные взгляды. Низкий человек подстраивается [под других], но не в гармонии [с ними]. (君子和而不同, 小人同而不和 — цзюньцзы хэ эр бутун, сяожэнь тун эр бухэ), что служит призывом к «гармонированию» при сохранении собственной уникальности. Благородный муж (цзюнь-цзы) является в конфуцианстве нормативной личностью, совершенным (прежде всего с моральной точки зрения), гуманным человеком. Качествами такой личности, согласно взглядам конфуцианства, должен прежде всего обладать государь. Поэтому понятия «благородный муж» и «государь», «правитель» у Конфуция часто совпадают. Противоположность «благородного мужа» — «низкий человек» (сяо жэнь), человек, лишенный высоких моральных качеств, как правило, синоним простолюдина [7, с. 2].

«Пять принципов» и специальная военная операция

Прежде чем мы рассмотрим позицию Китайской Народной Республики в отношении событий на Украине, чтобы лучше понять суть кризиса, обратимся к классификации, предложенной М. Л. Титаренко. Согласно ей, в настоящее время существует две модели глобализации. Одна из них базируется на укреплении господства транснациональных компаний при доминирующей роли США во всех направлениях [...], военно-политической базой является НАТО [13, с. 54]. Ее отличительными чертами является утверждение однополярности и унификация через проведение вестернизации. Вторая модель основана на взаимодействии культур на базе многообразия, в утверждении многополярности политических центров влияния, равноправном сотрудничестве и соразвитии. Из этой классификации очевидно, что представителями первой модели являются США со своими союзниками, второй — РФ и КНР. Исторически у цивилизаций было две альтернативы: мирный диалог либо конфликт. В настоящий момент мы стали свидетелями «столкновения цивилизаций». Ситуация усугубляется тем, что некоторые участники столкновения заинтересованы в его обострении, с тем чтобы оправдать утверждение своего доминирования в мире и обосновать использование военных, насильственных методов ликвидации своих оппонентов, конкурентов, не согласных с их взглядами и с их системой ценностей, социумов и цивилизаций [Там же, с. 55].

Российско-украинский конфликт является одним из самых сложных международных событий, с которыми столкнулась современная китайская дипломатия. Он не только проверяет на прочность стратегическое партнерство между Китаем и Россией, но и отношения Китая со всем внешним миром.

Председатель КНР Си Цзиньпин (习近平) в ходе телеконференции с лидерами Франции и Германии в марте 2022 г. отметил, что необходимо уважать суверенитет и территориальную целостность всех стран, соблюдать цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций, учитывать законные интересы всех стран в области безопасности и поддерживать все усилия, способствующие мирному урегулированию кризиса. Крайне важно избегать эскалации кризиса или даже выхода напряженности из-под контроля¹. Однако некоторые американские и европейские представители власти, а также СМИ считают, что нынешняя позиция КНР по украинскому вопросу противоречит принципу уважения национального суверенитета и территориальной целостности, которого придерживается Китай. В интервью немецкой газете Der Spiegel в ответ на эти обвинения посол Китая в Германии У Кэнь (吴恳) заявил следующее: «Китай считает, что суверенитет и территориальная целостность всех стран должны уважаться. Соблюдение целей и принципов Устава ООН и поддержка сторон конфликта в проведении диалога

¹ 习近平同法国德国领导人举行视频峰会 [Xi Jinping Holds Video Summit with Leaders of France and Germany] // Государственный совет Китайской Народной Республики (сайт). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-03/08/content_5677987.htm (дата обращения: 29.01.2023).

и переговоров — это путь к урегулированию кризиса. В то же время мы должны также понимать, что украинский вопрос имеет сложный исторический контекст. Есть китайская поговорка, которая наиболее ярко иллюстрирует суть кризиса: 一个巴掌拍不响 «Одной рукой в ладоши не хлопнешь»¹ (смысл поговорки: «В конфликте всегда виноваты обе стороны». — Прим. авт.). «После распада Советского Союза НАТО расширилась на восток в пять раз, и многие страны бывшего Варшавского договора вошли в состав Организации. Не может быть долгосрочного мира без учета законных интересов безопасности всех сторон. Безопасность одной стороны не может строиться на основе компрометации безопасности другой. [...] В течение многих лет многие европейские политики предупреждали о возможном риске войны от расширения НАТО на восток, но эти предупреждения не были услышаны»², — добавил он. Китайской дипломатии характерна принципиальность, но в то же время она адаптивна: Китай рассматривает специальную военную операцию как часть оборонительной политики РФ, что не идет вразрез с принципами мирного сосуществования. На украинском направлении, как и повсюду вокруг своих границ, Россия ведет борьбу не за навязывание идеальной общественной системы, а за чисто геополитические цели, связанные с выживанием. Она стремится не быть окруженной, не подпасть под политический контроль США и их союзников, сохранить дружественные или хотя бы нейтральные по отношению к себе режимы у соседей [6, с. 22]. Еще в 1996 г. угроза, которая исходит от расширения НАТО на восток, была озвучена Е. М. Примаковым: «Мы твердо исходим из того, что приближение военной инфраструктуры НАТО к территории России, несомненно, осложнит для нас геополитическую обстановку, в том числе и в чисто военном плане» [10, с. 4]. Отметим, что во время украинского кризиса 2014 г. «Пекин, трезво оценивая происходящее, призывал власти Украины не дать превратить себя в пешку в антироссийской игре Запада и не сжигать мосты в отношениях с Россией: “Сколь бы сильно ни обиделась Украина на Россию, они остаются соседями. Украине следует проявлять бдительность, чтобы не быть разменной фигурой в попытках Запада вытеснить российское влияние”» [9, с. 156].

В украинском вопросе Китай занимает независимую позицию, своими дипломатическими действиями старается не мешать России в достижении своих геополитических целей. Это напрямую связано с соблюдением КНР условий Заявления о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, согласно которому стороны обязались обеспечивать поддержку друг другу в вопросах защиты ключевых национальных интересов, обеспечения безопасности, суверенитета и территориальной целостности [12]. 25 февраля 2022 г., на следующий день после начала спецоперации на Украине, на заседании Совета Безопасности Организации Объединенных Наций во время голосования по резолюции западных стран, которая призывала Россию немедленно вывести войска, Китайская Народная Республика воздержалась от голосования³. 30 сентября Китай также воздержался от голосования о непризнании итогов референдумов о вхождении в состав Российской Федерации Донецкой и Луганской народных республик, а также Запорожской и Херсонской областей⁴. Более того, Китай отказался отвечать на призывы Запада осудить действия России и присоединиться к международным санкциям против Москвы. Этот подход демонстрирует принцип «Ненападение», суть которого была раскрыта в первой части исследования. Официальную позицию государства по урегулированию конфликта мирным путем озвучил в своем интервью посол Китая в Германии У Кэнь: «Чтобы разрешить нынешний кризис, мы не будем подливать масла в огонь. Мы не будем инициировать санкции и поставлять оружие одновременно с другой страной по ту сторону Атлантики. Китай готов играть конструктивную роль в продвижении мирных переговоров. Подчеркнем, что Китай является не только приверженцем “Принципов мирного сосуществования”, но также выполняет условия Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудни-

¹ 驻德国大使吴恳接受德国《明镜》周刊专访 [Ambassador Wu Ken accepts an exclusive interview with Der Spiegel = Посол Ву Кен дал эксклюзивное интервью Der Spiegel] // Embassy of the People's Republic of China in the Federal Republic. URL: http://de.china-embassy.gov.cn/sgyw/202204/t20220401_10663338.htm (дата обращения: 29.01.2023).

² Там же.

³ Громова А. Вето и воздержание. Как голосовали в ООН по Украине с начала спецоперации [Электронный ресурс] // Газета.Ру. 24.03.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/03/24/14661517.shtml> (дата обращения: 21.04.2022).

⁴ Россия заблокировала в Совбезе ООН резолюцию о непризнании референдумов [Электронный ресурс] // РосБизнесКонсалтинг (сайт РБК). 30.08.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2022/633744d19a79470ca5ebda2c> (дата обращения: 29.01.2023).

честве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, согласно которому стороны обязались не использовать друг против друга экономические и иные способы давления» [5].

На саммите G20, проходившем 15–16 ноября 2022 г., министр иностранных дел КНР Ван И (王毅) заявил, что Китай продолжит усердно работать над продвижением мирных переговоров между двумя сторонами: «Китай всегда придерживался “Пяти принципов мирного сосуществования” в международных делах и выступает за разрешение конфликтов и разногласий путем мирного диалога». По мнению министра иностранных дел КНР, вооруженное противостояние не решит проблемы, а только усилит напряженность в регионе и принесет бедствие и российскому, и украинскому народам. Однако в своем выступлении он подчеркнул, что НАТО провоцировали конфликт уже давно и корень проблемы лежит в политической паранойе Америки: «Хотя биполярный мир уже давно распался, Соединенные Штаты просто не могут осознать реальность и принять многополярный мир». На опасения Соединенных Штатов относительно того, что Китай займет российскую сторону для достижения китайско-российского «альянса», Ван И ответил, что «КНР является стратегическим партнером России. Однако если США по-прежнему продолжают защищать свою так называемую «гегемонию», то для сохранения мира и стабильности в регионе Китай и Россия неизбежно объединят силы для сопротивления»¹. Пекин, как и Москва, не признает однополярную гегемонию США и открыто выражает намерение развивать многополярный мир.

Выводы

В последние годы внешняя политика Китайской Народной Республики направлена на реформирование действующего миропорядка и системы глобального управления. Особое внимание уделяется формированию позитивного, миролюбивого образа Китая, целью которого является развенчание западного мифа о так называемой «китайской угрозе». Поэтому основу внешней политики Китайской Народной Республики составляют «Пять принципов мирного сосуществования». Эти принципы направлены, во-первых, на формирование альтернативной западной модели мирового порядка и развития, основанной на универсальных ценностях незыблемости территориальной целостности и суверенитета, ненападении, взаимном уважении и равенстве, мирном характере международных взаимодействий. Во-вторых, — на превращение Китайской Народной Республики в мирового лидера. Приверженность пути мирного развития является для Китая путем к достижению национального процветания.

Литература

1. Белая книга. Мирное развитие Китая [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации (сайт). 09.06.2011. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/jbwzlm/sxw/201109/t20110906_3153447.htm (дата обращения: 03.02.2023).
2. Белая книга. Национальная оборона Китая [Электронный ресурс] // 31.12.2002. МИД КНР (сайт) URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zt/ce_ceml_chn/zfbps/200212/t20021231_878957.html (дата обращения: 03.02.2023).
3. Будаев А. В. Светлые и темные стороны «Мягкой силы» Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 54. С. 106–129.
4. Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф. К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 10–21.
5. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой 2001 г. [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 16.07.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 03.02.2023).

¹ 王毅同乌克兰外长通话: 在乌克兰问题上, 中方真诚期待的目标只有一个, 就是和平 [Wang Yi spoke with Ukrainian Foreign Minister: On the Ukrainian issue, China sincerely expects only one goal, which is peace = Ван И в беседе с министром иностранных дел Украины: «В отношении Украины Китай искренне ожидает только одной цели — достижения мира»] [Электронный ресурс] // Baidu (Китайская сеть новостей — сайт). 04.04.2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1729187985670480552&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 28.01.2023).

6. Лукин А. Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 1. С. 17–29.
7. *Переломов Л. С.* Конфуций. Лунь Юй. М. : Восточная литература. 2001. 327 с.
8. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК [Электронный ресурс] // 04.11.2017. Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации (сайт). URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztbd/19sjd/201711/t20171104_3112907.htm (дата обращения: 04.02.2023).
9. *Портяков В. Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии : монография. М. : ИДВ РАН, 2015. 280 с.
10. *Примаков Е. М.* Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы. На горизонте многополюсный мир // *Международная жизнь*. 1996. № 10. С. 3–13.
11. *Си Цзиньпин*. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического. Доклад на XX Всекитайском съезде КПК 16 октября 2022 года [Электронный ресурс] // МВД КНР (сайт). 25.10.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 04.02.2023).
12. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 05.06.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 03.02.2023).
13. *Титаренко М. Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М. : Памятники исторической мысли. 2008. 624 с.
14. *Ху Цзиньтао*. Неуклонно идти по пути социализма с китайской спецификой и стремиться к всестороннему построению среднезажиточного общества. Доклад на XVIII съезде Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://ua.china-embassy.gov.cn/rus/zggk/18dzt/201212/P020210710201386789054.pdf> (дата обращения: 04.02.2023).
15. *Kolgushkin T. Ya., Paymakova Ye.* Five Principles of Peaceful Coexistence within the Framework of the PRC's Soft Power Policy // Researchgate. Nov. 2019. P. 95–102.
16. *Zhang L.* China's Traditional Values and Modern Foreign Policy // Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy. January 15, 2013.
17. 中国独立自主的和平外交政策 [China's independent foreign policy of peace = Китайская независимая внешняя политика мира] [Электронный ресурс] // Chinese Consulate General in Los Angeles. URL: http://losangeles.china-consulate.gov.cn/chn/jbwzlm/zt/zgwj/jbzc/200311/t20031120_5435875.htm (дата обращения: 04.02.2023). (На китайском яз.)

Об авторе:

Нечай Александра Александровна, старший преподаватель Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического Университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: aleksandranechai@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7068-0185>

References

1. White Paper. Peaceful Development of China [Electronic resource]. Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation (website). 06.09.2011. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/jbwzlm/sgxw/201109/t20110906_3153447.htm (accessed: 02.03.2023). (In Rus.)
2. White Paper. National Defense of China [Electronic resource]. 31.12.2002. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China (website). URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zt/ce_ceml_chn/zfbps/200212/t20021231_878957.html (accessed: 02.03.2023). (In Rus.)

3. Budaev A. V. Light and Dark Sides of China's "Soft Power". Public Administration. Electronic Bulletin [Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik]. 2016; (54): 106–129. (In Rus.)
4. Glazyev S. Yu., Kefeli I. F. On the Issue of the Ideology of the Eurasian Economic Union. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022; 16 (1): 10–21. (In Rus.)
5. Treaty on Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China 2001 [Electronic resource]. President of Russia (website). 07.16.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (accessed: 02.03.2023). (In Rus.)
6. Lukin A. Post-bipolar World: Peaceful Coexistence or Chaos? World Economy and International Relations. 2016; 60 (1): 17–29. (In Rus.)
7. Perelomov L. S. Confucius. Lun Yu. Moscow : Oriental literature. 2001. 327 p. (In Rus.)
8. Full Text of the Report Delivered by Xi Jinping at the 19th Congress of the CPC [Electronic resource]. 04.11.2017. Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation (website). URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztbd/19sjd/201711/t20171104_3112907.htm (accessed: 02.04.2023). (In Rus.)
9. Portyakov V. Ya. Foreign Policy of the People's Republic of China in the XXI Century : monograph. Moscow : IDV RAN, 2015. 280 p. (In Rus.)
10. Primakov E. M. International Relations on the Eve of the XXI Century: Problems, Prospects. A multipolar World is on the Horizon. International life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 1996; (10): 3–13. (In Rus.)
11. Xi Jinping. Carrying High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics, and Unitedly Fight for the All-round Construction of a Modernized Socialist. Report at the XX National Congress of the Communist Party of China on October 16, 2022 [Electronic resource]. Ministry of Internal Affairs of the PRC (website). 10.25.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (accessed: 02.04.2023). (In Rus.)
12. Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Interaction Entering a New Era [Electronic resource]. President of Russia (website). 06.05.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed: 02.03.2023). (In Rus.)
13. Titarenko M. L. Geopolitical Significance of the Far East. Russia, China and other Asian countries. Moscow : Monuments of Historical Thought. 2008. 624 p. (In Rus.)
14. Hu Jintao. Steadfastly Follow the Path of Socialism with Chinese Characteristics and Strive to Build a Moderately Prosperous Society in All Respects. Report at the XVIII Congress of the Communist Party of China [Electronic resource]. URL: <http://ua.china-embassy.gov.cn/rus/zggk/18dzt/201212/PO20210710201386789054.pdf> (accessed: 04.02.2023). (In Rus.)
15. Kolgushkin T. Ya., Paymakova Ye. Five Principles of Peaceful Coexistence within the Framework of the PRC's Soft Power Policy. Researchgate. Nov. 2019: 95–102.
16. Zhang L. China's Traditional Values and Modern Foreign Policy. Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy. January 15, 2013.
17. China's Independent Foreign Policy of Peace [Electronic resource]. Chinese Consulate General in Los Angeles. 20.11.2003. URL: http://losangeles.china-consulate.gov.cn/chn/jbwzlm/zt/zgwj/jbzc/200311/t20031120_5435875.htm (accessed: 04.02.2023). (In Chin.)

About the author:

Aleksandra A. Nechai, Senior Lecturer of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: aleksandranechai@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7068-0185>

Политико-экономическое положение китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии

Ван Юнхао

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: 406065267@qq.com

РЕФЕРАТ

Актуальность исследования обусловлена ориентиром правительства Китая на развитие культурного, экономического партнерства с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно хуацяо (представители китайской диаспоры) внесли вклад в этот процесс, например, среди них много инвесторов, которые устанавливают равновесие денежных потоков между Китаем и другими странами, а также ученых, которые делятся научными знаниями с гражданами Китая.

Цель. Исходя из вышесказанного целью исследования является анализ текущего положения китайской диаспоры в экономической и политической сферах жизни стран Юго-Восточной Азии.

Задачи. Для успешной реализации цели необходимо решить исследовательские задачи.

1. Описать суть понятия «диаспоры» в научной литературе, а также его специфичные черты.
2. Рассмотреть роль хуацяо в становлении внешнего имиджа Китая.
3. Оценить степень деловой активности китайцев в сфере торговли рассматриваемых стран.
4. Изучить степень участия китайских диаспор в политической жизни государств проживания.

Методология. В качестве основных методов исследования были использованы анализ и синтез литературных источников (при изучении понятия «диаспора»), исторический метод (при описании трех основных волн миграции китайской диаспоры и изучении расселения китайцев в разных частях Юго-Восточной Азии), описательный метод (при изучении места китайской диаспоры в политической и экономической жизни стран Юго-Восточной Азии).

Результаты. Результаты исследования были обобщены в соответствии с уровнем представления положительного образа китайцев в результате действий хуацяо в области экономики и политики.

Выводы. Во-первых, в современных странах Юго-Восточной Азии проживает около 75% зарубежных китайцев или 28 млн чел.

Во-вторых, в рамках деловой активности китайской диаспоры наиболее значимым фактором влияния являются объединения китайских предприятий в «бамбуковую сеть» и расширение направлений сотрудничества друг с другом.

В-третьих, в современные дни представители китайской диаспоры имеют разные права в зависимости от формы правления и государственного устройства страны.

Ключевые слова: хуацяо, Китай, страны Юго-Восточной Азии, китайская диаспора, интеграция

Для цитирования: Ван Юнхао. Политико-экономическое положение китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023; 17 (1): 148–155.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-148-155>

The Political and Economic Status of the Chinese Diaspora in Southeast Asia

Wang Yonghao

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: 406065267@qq.com

ABSTRACT

The relevance of the study stems from the Chinese government's focus on developing cultural, economic partnerships with Asia-Pacific states. It is the Huaqiao who have contributed to this process, for example, there are many investors who balance the flow of money between China and other countries, as well as scholars who share scientific knowledge with Chinese citizens.

Aim. Based on the above, the aim of the study is to analyse the current position of the Chinese diaspora in the economic and political spheres of life in Southeast Asia.

Tasks. In order to successfully realise the objective, it is necessary to solve the research tasks:

- 1) to describe the essence of the concept of "diaspora" in the academic literature, as well as its specific features;
- 2) to consider the role of huaqiao in the formation of China's external image;
- 3) to evaluate the degree of Chinese business activity in trade of the countries under consideration;
- 4) to study the degree of Chinese diasporas' participation in political life of the states of residence.

Methods. Analysis and synthesis of literary sources (while studying the concept of "diaspora"), historical method (while describing three main waves of Chinese diaspora migration and studying Chinese settlement in different parts of South-East Asia), descriptive method (while studying the place of Chinese diaspora in political and economic life of South-East Asia) were used as main research methods.

Results. The research results have been summarised according to the level of representation of the positive image of the Chinese as a result of the Huaqiao's economic and political actions.

Conclusions. Firstly, about 75% of overseas Chinese, or 28 million people, live in modern Southeast Asian countries.

Secondly, within the framework of the business activities of the Chinese diaspora, the most significant factor of influence is the association of Chinese enterprises in the "bamboo network" and expansion of areas of cooperation with each other.

Third, the Chinese diaspora has different rights these days depending on the form of government and state structure of the country.

Keywords: Huaqiao, China, Southeast Asian countries, Chinese diaspora, integration

For citing: Wang Yonghao. The Political and Economic Status of the Chinese Diaspora in Southeast Asia.

Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023; 17 (1): 148–155. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-148-155>

Введение

Диаспора представляет собой часть народа (этнической общности), которая постоянно проживает вне страны своего происхождения, образует сплоченные этнические группы в стране проживания, а также имеет определенные социальные институты для поддержания и развития собственной этнической идентичности и национальной общности. Яркими примерами современной диаспоры являются греческая, армянская и еврейская [1, с. 108].

Американский исследователь Робин Коэн выделяет следующие характеристики.

1. Переезд в другую страну, часто в результате травматического опыта, иногда в результате экономических потребностей.
2. Общая память членов диаспоры о родине в сочетании с ее идеализацией и необходимостью действовать для ее дальнейшего существования.
3. Воспитание этнической идентичности среди граждан, которая основывается на их чувстве общности судьбы.
4. Чувство солидарности с членами диаспоры в других странах [8, с. 130].

Противоположным понятием диаспоры является гибридизация, означающая возникновение «неоднозначных идентичностей» под влиянием смешения культур, и детерриторизация [10]. Оба эти процесса, то есть гибридизация и диаспорообразование, происходят одновременно.

Однако недостаточно просто проживать человеку в другой стране, чтобы принадлежать к определенной этнической диаспоре. Члены диаспоры обладают следующими характеристиками, которые объединяют их в единое целое: 1) удаленность от своего этнического центра, 2) определенное видение родины, 3) отсутствие полной интеграции в принимающем обществе, 4) рассмотрение возвращения в страну исхода как возможного варианта жизненной траектории, 5) приверженность восстановлению родины и 6) обладание этнонациональным сознанием, которое, так или иначе, связано с любовью к родине.

В настоящее время Китай проводит внешнюю политику, основанную на концепции сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, при этом особенно подчеркиваются принципы равенства и невмешательства во внешние дела. Большую роль в формировании внешнего имиджа Китая в отношении других стран играет китайская диаспора, которая называется «хуацяо». Большинство исследователей отмечают, что под данным термином подразумеваются все люди, которые живут за пределами Китая, но имеют китайские корни [5].

Хотя китайцы и проявляли международную мобильность в течение долгого времени развития человеческого общества, все равно можно выделить три основные и наиболее значительные волны миграции:

1) с начала XIX в. по 1949 г., где объектом миграции были группы крестьян из южных китайских провинций Гунагдун и Фуцзянь, направившихся в Юго-Восточную Азию на поиски новой работы в качестве рабочих, торговцев и фермеров;

2) 1950-е — начало 90-х гг. Многие китайцы покинули Большой Китай и Юго-Восточную Азию, направляясь в Северную Америку, Европу и страны Океании;

3) этнические китайцы стали частью глобальных моделей миграции в результате технологических, политических и экономических изменений во всем мире [9].

В настоящее время китайская эмиграция не является попыткой улучшения экономического положения семей. Разные провинции Китая, откуда она родом, как правило, наиболее экономически развиты. Волны миграции стали особенно значительными после реформ, инициировавших открытие экономики КНР в 1978 г. и после принятия в 1985 г. закона об эмиграции, который позволял гражданам зарубежного государства получать паспорта при условии получения приглашения из-за рубежа и возможности покрытия расходов на проживание. Немаловажным фактором миграции является и возможность получения квалифицированного образования за рубежом.

1. Деловая активность китайцев в сфере торговли Юго-Восточной Азии

На всем протяжении развития некоторых стран Юго-Восточной Азии представители китайской диаспоры сталкивались с дискриминацией.

Например, в течение двух периодов правления Луанг Фибуна (1938–1944 гг., 1947–1957 гг.) местные предприятия пытались вытеснить хуацяо из основных секторов экономики при помощи государственной власти и законов. Так, правительство насильно заставляло продавать частную собственность государству, в результате чего пострадала рисовая и лесопильная промышленность. В апреле 1939 г. правительство обнародовало «Корабельные правила», в которых говорилось, что рыболовецкие и торговые суда, курсирующие в водах Таиланда, должны быть зарегистрированы как собственность тайских граждан или местных акционеров. Эта мера вынудила представителей китайской диаспоры регистрировать свои рыбацкие лодки и торговые суда как принадлежащие тайским женам и детям. Наконец, введение профессиональных ограничений для китайцев, живущих за границей. Правительство Таиланда обнародовало документ, в котором говорится, что для тайцев зарезервировано до 27 профессиональных должностей, и китайцам, живущим за границей, запрещено получать эти профессии в течение определенного времени.

В период правления Сукарно (1950–1965 гг.) Индонезия проводила политику исключения китайцев, которая лишала хуацяо их активов. Для этого были предприняты попытки разделения импортеров в зависимости от их национальности. Эта политика проводилась всего один год, и доля иностранных бизнес-

менов, в основном китайских, в объеме импорта снизилась с 59,2% до всего лишь 23,8%, что не мешало ей постепенно захватывать и другие области экономики.

Ситуация в Малайзии довольно специфична. После обретения Малайей независимости в 1957 г. были приняты относительно свободные условия натурализации: иммигранты, родившиеся или прожившие в стране десять лет, могут подать заявление на получение гражданства Малайзии. Также власть приняла политику поощрения частного капитала, позволив маленьким и средним предприятиям свободно развиваться. Но в 1969 г. бум межэтнических конфликтов изменил взгляды многих малайцев, которые связывали истоки конфликта с неравным экономическим положением местных жителей и хуацяо.

В современных странах Юго-Восточной Азии проживает около 75% зарубежных китайцев или 28 млн чел. [2, с. 65]. Самый большой процент этого сообщества находится в Сингапуре (76,8%), Малайзии (23,7%), Брунее (11,2%), Таиланде (14%) [7, с. 19]. На такие страны, как Таиланд, Филиппины, Малайзия и Сингапур, приходится около 65% инвестиций, совершенных китайской зарубежной диаспорой [4, с. 90].

Это связано с тем, что на данный момент популярны предприятия так называемой «бамбуковой сети», которые представляют собой объекты семейного бизнеса, возглавляемые представителями китайской диаспоры в странах Юго-Восточной Азии. Такие компании вносят вклад в развитие экономики перечисленных стран, демонстрируя высокую приспособляемость практически к любым условиям. В этих обстоятельствах очень важна конфуцианская этика, согласно которой семья является существенной единицей управления данным предприятием. Такие элементы, как гибкость, скорость принятия решений и низкие расходы, представляют собой силу семейного бизнеса, так как весь механизм основан на взаимном доверии между сотрудниками. Даже крупные сделки совершаются на основе консенсуса и общего соглашения между членами предприятия. На данный момент они реализуют диверсифицированные операции, уделяя больше внимания дистрибуции, банковскому делу и операциям с недвижимостью.

Более крупные китайские предприятия часто используют посредников, знающих широкую деловую среду в странах Юго-Восточной Азии. Члены китайской диаспоры очень хорошо справляются с этой ролью. Например, в Таиланде Чен Лунцзянь, руководитель компании Siam Group, является директором и акционером «Бангкокского банка», а Чен Бичен, президент «Бангкокского банка», является основным акционером Siam Group. Бангкокский банк также поддерживал многих китайских предпринимателей, таких как Куок Хеньян, самого богатого китайца в Малайзии, и Линь Шаолян, самого богатого китайца в Индонезии.

Однако такое положение дел было не всегда. В прошлом китайские предприятия в Юго-Восточной Азии, как правило, начинали с коммерческой деятельности и перерабатывающей промышленности. С конца 1970-х гг. экономическая мощь хуацяо в странах Юго-Восточной Азии быстро росла, и постепенно образовался ряд местных предприятий и финансовых групп, охватывающих все сферы жизни. Однако из-за политики стран Юго-Восточной Азии в отношении Китая и монополии государственного и иностранного капитала на технологическую отрасль крупные предприятия по-прежнему сосредоточены в финансовой сфере, сфере недвижимости, торговле и трудоемких отраслях обрабатывающей промышленности. Стоит отметить, что там находится мало высокотехнологичных предприятий в связи с отсутствием высоких технологий, слабыми возможностями в области исследований и разработок.

Об этом говорят и статистические данные. Например, согласно статистике «Списка 96 китайских миллиардеров мира», опубликованной журналом Forbes в 2020 г., секторы недвижимости и финансов являются столпами китайской экономики, из которых 64% в основном заняты в сфере недвижимости, 40% — в финансовой индустрии и высокотехнологических отраслях [6, с. 80].

Также стоит отметить, что зарубежные китайские бизнес-ассоциации все больше демонстрируют тенденцию к интернационализации и экономическому развитию. После 1960-х гг., с расширением распределения китайцев за границей и интернационализацией китайской экономики, всемирные китайские ассоциации были созданы одна за другой. В настоящее время существует более семидесяти таких ассоциаций, почти 70% из которых были созданы после 1980-х гг. В последнее время проводились различные международные конференции. Например, в ноябре 2000 г. в городе Лунъянь провинции

Фуцзянь состоялась 16-я Всемирная молитвенная конференция хакка, в которой приняли участие представители почти ста ассоциаций из восемнадцати стран и регионов. Эти собрания китайских этнических групп еще больше способствовали сплоченности китайских бизнесменов, укрепили их взаимные контакты и обмены, а также развили коммерческие и торговые отношения в различных регионах мира. Соответственно, в рамках деловой активности китайской диаспоры наиболее значимым фактором влияния являются объединения китайских предприятий в «бамбуковую сеть» и расширение направлений сотрудничества друг с другом.

Следующим фактором влияния является внешняя поддержка Китая. Важную роль в развитии отношений со странами Юго-Восточной Азии играет зона свободной торговли, которая была создана в 2001 г. премьер-министром Китая Чжу Жунцзи. Этот план предусматривал создание зоны свободной торговли между Китаем и шестью наиболее развитыми экономиками региона, куда входили к 2010 г. Бруней, Филиппины, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, а также с четырьмя другими (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам) в 2015 г. Создание свободной зоны привело к динамизации существующего торгового оборота, в результате чего Китай быстро стал основной целевой областью для экспорта продукции из Юго-Восточной Азии.

2. Участие китайских диаспор в политической жизни государств проживания

Прежде всего, стоит отметить, что в странах Юго-Восточной Азии этнический фактор повлиял на характер их самостоятельного внутриполитического развития, что особенно проявлялось в период после Второй мировой войны [3, с. 92]. Тогда рассматриваемые государства стали проходить через процессы деколонизации и приобретения независимого статуса, однако правовое положение зарубежных китайцев по-прежнему характеризовалось как нестабильное. Так, в некоторых странах Юго-Восточной Азии ограничивалось проведение китайских фестивалей, а многие жители ставили под сомнение лояльность и дружелюбие китайцев к принимающей стране. Их смущал тот факт, что иностранные китайцы по-прежнему поддерживают очень прочные связи со страной происхождения, несмотря на то, что они формально являются гражданами другого государства.

На данный момент страны Юго-Восточной Азии из-за больших различий в исторических условиях, культурном происхождении, политических системах и политическом развитии также демонстрируют разные характеристики с точки зрения содержания, формы, степени и масштаба политического участия китайской диаспоры. В современные дни представители китайской диаспоры имеют разные права в зависимости от формы правления и государственного устройства страны:

- Бруней — это страна, практикующая абсолютную монархию, где хуацяо почти не имеют влияния в политической жизни;
- Сингапур — парламентская республика, где хуацяо занимают доминирующее положение в политической жизни страны;
- Малайзия (монархия) и Индонезия (республика), где хуацяо активно участвуют в политической жизни страны.

Рассмотрим некоторые примеры подробнее. Общее число китайского населения в Брунее составляет около 11% от общей численности населения страны, т. е. около 46 тыс. чел. До сих пор китайцы в Брунее всегда были на периферии политической жизни страны. Лишь очень небольшое количество хуацяо служат в государственных органах, но большинство из них занимают низкоуровневые должности. В пример можно привести Лим Юйчен, который занимал пост министра канцелярии. К тому же в стране действуют крайне жесткие ограничения на национальную идентичность иностранных иммигрантов, и китайцам сложно стать гражданами страны, в которой они живут.

С момента основания Сингапура как независимой страны китайцы всегда составляли более 70% ее населения и являются доминирующей этнической группой. Поэтому главной политической партией в стране является «партия народного действия Сингапура», возглавляемая Ли Куан Ю. Политический статус китайцев в стране почти не оспаривался другими этническими меньшинствами. Чтобы заботиться

о национальной идентичности малайцев и индийцев, «Партия народного действия» иногда назначает выдающихся представителей некитайских этнических групп на важные посты, такие как президент.

В Малайзии и Индонезии китайская диаспора принадлежит к этническому меньшинству. Доля китайского населения в Малайзии относительно высока, но имеет тенденцию к снижению. На момент обретения независимости в 1957 г. малайцы составляли 50% населения Малайского полуострова, а китайцы и индийцы — 37% и 11% соответственно. За более чем полвека после обретения независимости в экономической и социальной структуре Малайзии произошло много серьезных изменений, что привело к серьезным изменениям в соотношении представителей разных наций. К концу 1998 г. доля малайского населения возросла до 59%, а доля китайского и индийского населения упала до 28% и 9% соответственно. К маю 2020 г. доля малайского населения еще больше увеличилась — до 69,1%, а доля китайского и индийского населения еще больше снизилась — до 23% и 6,9% [6, с. 30].

Реальное участие китайской диаспоры в политической жизни Индонезии началось только после краха режима Сухарто и проведения демократических реформ в 1998 г. Сначала китайцы также пытались формировать политические партии, состоящие исключительно из китайцев, для участия в выборах, такие как «Партия реформ» и т. д., но эта попытка не увенчалась успехом, и они просуществовали недолго. Позже индонезийские китайские элиты изменили свою стратегию и активно участвовали в политических партиях, в которых доминировали местные этнические группы, и играли в них важную роль.

В свою очередь, с момента образования Малайзии как независимой страны в ней всегда применялась одноэтническая партийно-политическая система, то есть основные этнические группы (малайзийцы, китайцы, индийцы) самостоятельно формируют политические партии на основе своей национальной принадлежности. Политические партии, состоящие в основном из китайцев, называются «хуаджи».

Китайцы являются этническими меньшинствами на Филиппинах и в Таиланде, но они нередко могут занимать посты президента (Филиппины) и премьер-министра (Таиланд). Поэтому можно сделать выводы о том, что в этих двух странах почти нет ограничений на участие китайцев в политике.

Можно выделить два основных фактора, благодаря которым представители китайской диаспоры могут успешно участвовать в национальной политической жизни на Филиппинах и в Таиланде: во-первых, китайцы чрезвычайно интегрированы в местные этнические группы. В ходе длительного процесса естественной ассимиляции они сознательно интегрировались в местное общество. В этих двух странах китайская идентичность и происхождение не только не будут подвергаться дискриминации, но и станут уважаться представителями других национальностей.

На политическое участие китайцев в Юго-Восточной Азии влияет множество факторов, однако в большей мере влияет степень интеграции китайцев и местных этносов. Чем лучше интеграция китайских и местных этнических групп, тем выше степень политического участия. В Юго-Восточной Азии китайцы составляют меньшинство с совершенно особым статусом и ролью (за исключением Сингапура). Поэтому возможность участия китайцев в Юго-Восточной Азии в политической жизни в значительной степени зависит от степени открытости и терпимости местного большинства. В Таиланде китайцы в основном интегрировались в местное основное общество и стали единым целым с местными этническими группами. Таким образом, политическая система Таиланда практически не создает препятствий для политического участия китайцев.

В других странах Юго-Восточной Азии местный национализм остается серьезным препятствием для участия китайцев в политической жизни страны, в которой они живут, особенно в Малайзии и Мьянме. В Малайзии концепция и политика малайского приоритета пронизывают все сферы политики, экономики, культуры и общества.

Иным фактором является процесс демократизации в стране проживания. Чем выше степень политической демократизации и модернизации в разных странах, тем свободнее каналы для участия китайцев в политической жизни. В таких странах, как Сингапур, Малайзия, Филиппины и Таиланд, процесс политической демократизации и модернизации продолжает развиваться, а каналы участия китайцев в политической жизни разнообразны и относительно беспрепятственны. Они имеют право избирать и быть избранными, они могут участвовать в выборах на всех уровнях и всех видов. В некоторых относительно

открытых странах у китайцев также есть свои газеты или телеканалы на китайском языке, которые контролируют правительство через общественное мнение и отражают мнения и требования китайской общины в пределах, разрешенных законом.

Меняется и отношение к хуацяо со стороны правительства Китая. Так, во время правления Мао Цзэдуна, которое длилось с 1949 по 1976 гг., китайцев, живущих за пределами страны, называли «буржуазными капиталистами», а их семьи в КНР подвергались преследованиям [6, с. 30]. За прошедшие годы Коммунистическая партия Китая (КПК) поняла, что стоит поддерживать членов китайской диаспоры в разных странах, так как они способствуют модернизации государства. Правительство приняло для этого соответствующие юридические акты, такие как закон 1991 г., который гарантировал вернувшимся на родину китайцам всю полноту прав, предоставляемых конституцией и законодательством, льготные налоговые ставки, защиту денежных переводов и свободу их обмена на иностранные валюты. Помимо административных мер, государство стремится поддерживать прочные связи с родиной среди китайцев по всему миру. Они изображаются как часть китайской семьи, неразрывно связанной с китайской землей, и это не зависит от даты и места эмиграции.

Заключение

Подводя итоги, в современных странах Юго-Восточной Азии проживает около 75% зарубежных китайцев или 28 млн чел. Огромное влияние китайской диаспоры можно отметить в Индонезии, Таиланде, Малайзии, Камбодже, на Филиппинах. Представители хуацяо взаимодействуют друг с другом во многих сферах, например, в социальной, политической и экономической деятельности, поддерживая уровень торговли и обмена инвестициями между страной своего пребывания и родиной. Они основывают множество малых и независимых коммерческих предприятий. Также сети этнических китайцев оказывают большое влияние на торговлю и механизмы рынка через сватовство партнеров.

Если говорить о положении хуацяо в политической сфере, то представители китайской диаспоры имеют разные права в зависимости от формы правления и государственного устройства страны. В странах Юго-Восточной Азии, где правительства имеют формы монархии или республики, как правило, хуацяо активно участвуют в политической жизни страны. Если в стране доминирует абсолютная монархия, то представители китайской диаспоры находятся в меньшинстве и почти не имеют прав.

Литература

1. *Авдашкин А. А.* Диаспора: происхождение и развитие понятия // Социум и власть. 2013. № 2. С. 107–111.
2. *Анохина Е. С.* Китайские диаспоры и «Новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 62–65.
3. *Золотухин И. Н.* Особенности национальной политики в странах Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 4. С. 91–100.
4. *Ренджи Ван, Бэйчжень Гу.* Китайская диаспора в странах Юго-Восточной Азии: особенности функционирования и ее влияние на государственную политику КНР // Юньнаньские социальные науки. 2020. № 184. С. 84–92. (Кит.) (王仁吉, 顾北辰. 散居在东南亚的华人: 运作的特殊性及其对中国国家政策的影响 // 云南社会科学. 2020. № 184. P. 84–92.)
5. *Слука Н. А., Коробков А. В., Иванов П. Н.* Китайская диаспора в странах ЕС // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 3. С. 80–95. DOI: 10.5922/2079-8555-2018-3-5
6. *Ху Ван.* Политическая социализация китайцев в Юго-Восточной Азии на примере Таиланда и Малайзии // Багуйский зарубежный китайский журнал. 2021. № 2. С. 29–35. (Кит.) (胡旺. 以泰国和马来西亚为例看东南亚华人的政治社会化 // 《八桂侨刊. 2021. № 2. P. 29–35.)
7. *Цзиньин Чжан.* Характеристики китайской культурной идентичности в Юго-Восточной Азии // Журнал Университета Хуацяо. 2021. № 3. P. 15–24. (Кит.) (张晶莹. 中国文化认同在东南亚的特点 // 《华侨大学学报. 2021. № 3. P. 15–24.)

8. Cohen R. *Global Diasporas: An Introduction*. London : Routledge, 2008. 240 p.
9. Kurlantzick J. *Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World Current History*. Yale University, 2007. 308 p.
10. Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 1991. Vol. 1. № 1. P. 83–99. <https://doi.org/10.3138/diaspora.1.1.83>

Об авторе:

Юнхао Ван, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: 406065267@qq.com

References

1. Avdashkin A. A. *Diaspora: Origin and Development of the Concept *Socium and Power* [Socium i vlast']*. 2013; 2: 107–111. (In Rus.)
2. Anokhina E. C. *Chinese Diasporas and the 'New' Chinese Migration in Southeast Asia. Tomsk State University Journal [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]*. 2012; (361): 62–65. (In Rus.)
3. Zolotukhin I. N. *Features of National Policy in the Countries of Southeast Asia after World War II. Ojkumena. Regional Researches [Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya]*. 2010; (4): 91–100. (In Rus.)
4. Renji Wang, Beichen Gu. *Chinese Diaspora in Southeast Asia: Peculiarities of Functioning and Its Impact on PRC State Policy. Yunnan Social Sciences [Yun'nan'skie sotsial'nye nauki]*. 2020; (184): 84–92. (In Chinese)
5. Sluka N. A., Korobkov A. V., Ivanov P. N. *Chinese Diaspora in EU Countries. Baltic Region [Baltiiskii region]*. 2018; 10 (3): 80–95. DOI: 10.5922/2079-8555-2018-3-5 (In Rus.)
6. Hu Wang. *Political Socialization of the Chinese in Southeast Asia, Using Thailand and Malaysia as Examples. Bahui Overseas Chinese Journal [Baguiskii zarubezhnyi kitaiskii zhurnal]*. 2021; (2): 29–35. (In Chinese)
7. Jingying Zhang. *Characteristics of Chinese Cultural Identity in Southeast Asia. Journal of Huaqiao University [Zhurnal Universiteta Khuatsyao]*. 2021; (3): 15–24. (In Chinese)
8. Cohen R. *Global Diasporas: An Introduction*. London : Routledge. 2008; 240.
9. Kurlantzick J. *Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World Current History*. Yale University. 2007; 308.
10. Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 1991; 1 (1): 83–99. <https://doi.org/10.3138/diaspora.1.1.83>

About the author:

Wang Yonghao, Postgraduate Student of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: 406065267@qq.com

Специфика внутреннего имиджа Китайской Народной Республики в новостных публикациях

Иванников Н. С.* , Правдина Е. Е.

Высшая школа международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: ivannikov.n78@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1244-1036

РЕФЕРАТ

Исследование направлено на изучение методов формирования внутреннего имиджа Китайской Народной Республики в рамках освещения изначально негативной темы — эпидемии коронавируса — во внутренних СМИ, а также характеристику стратегии КНР по позиционированию собственного имиджа.

Цель. Выявить специфику освещения эпидемии COVID-19, рассматривая ее как метод формирования внутреннего политического имиджа Китайской Народной Республики в новостных сетевых СМИ.

Задачи. Определить приемы, используемые внутренними новостными сетевыми СМИ для формирования государственного имиджа у аудитории, на основе контент-анализа корпуса китайских статей на тему эпидемии коронавируса.

Методология. Для определения специфики освещения эпидемии в китайских СМИ был проведен качественный и количественный контент-анализ по разработанному авторами комплексу параметров, включающих возможность формирования выборки, лексический анализ заголовков, анализ тональности и анализ фреймов.

Результаты. Правительство КНР способно формировать положительный дискурс в освещении изначально негативной ситуации, что в полной мере находит свое отражение как в заголовках, так и в тональности текстов и использовании определенных фреймов. Подобная возможность обеспечена факторами, такими как: способность государства на высоком уровне контролировать прессу, система фильтрации международной информации «Золотой щит», являющейся спецификой Китайской Народной Республики, цензура и табуирование освещения ряда тем, нежелательных с официальной точки зрения Коммунистической партии Китая.

Выводы. При анализе китайских корпусов выборки сделан вывод о проведении правительством Китая целенаправленной политики по созданию положительного имиджа путем высокого контроля над местными новостными изданиями. Линия формирования внутреннего имиджа соответствует концепции построения социалистического общества с китайской спецификой, содействию строительству сообщества единой судьбы человечества, борьбе с гегемонией и империализмом в мире, решительной защите национального суверенитета, безопасности и технологического развития, а также продвижению сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс — один путь».

Ключевые слова: имидж, Китайская Народная Республика, контент-анализ, новости, коронавирус

Для цитирования: Иванников Н. С., Правдина Е. Е. Специфика внутреннего имиджа Китайской Народной Республики в новостных публикациях. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2023; 17 (1): 156–165.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-156-165>

The Specifics of the Internal Image of the People's Republic of China in News Publications

Nikita S. Ivannikov*, Evgeniia E. Pravdina

Higher School of International Relations of Institute of Humanities of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation;

e-mail: ivannikov.n78@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1244-1036

ABSTRACT

This study is aimed to analyze the methods of forming the internal image of the People's Republic of China in the domestic media as part of the coverage of an initially negative topic — the coronavirus epidemic, as well as characterizing the PRC's strategy for positioning its own image.

Aim. Reveal the specifics of the coverage of the COVID-19 epidemic, considering it as a method of forming the internal political image of the People's Republic of China in the online news media.

Tasks. Determine the techniques used by domestic news network media to form the state image among the audience, based on a content analysis of a corpus of Chinese articles on the topic of the coronavirus epidemic.

Methods. In order to determine the specifics of the coverage of the epidemic in the Chinese media, a qualitative and quantitative content analysis was carried out using a set of parameters developed by the authors, which includes the possibility of sampling, lexical heading analysis, sentiment analysis, and frame analysis.

Results. The government of the PRC is able to form a positive discourse in covering an initially negative situation, such as the spread of the COVID-19 virus and the resulting pandemic, which is fully reflected both in the headlines and in the tone of the texts and the use of certain frames. Such an opportunity is provided by such factors as: the state's ability to control the press at a high level, the Golden Shield international information filtering system, which is specific to the People's Republic of China, censorship and taboo coverage of a number of topics that are undesirable from the official point of view of the Communist Party of China.

Conclusion. When analyzing the Chinese sample corpora, it was concluded that the Chinese government is pursuing a targeted policy to create a positive image through high control over local news publications. The internal image formation is in line with the concept of building a socialist society with Chinese characteristics, promoting the construction of a community of common destiny for mankind, fighting hegemony and imperialism in the world, resolutely defending national sovereignty, security and technological development, and promoting cooperation under the "One Belt, One Road" Initiative.

Keywords: image, People's Republic of China, content analysis, news, coronavirus

For citation: Ivannikov N. S., Pravdina E. E. The Specifics of the Internal Image of the People's Republic of China in News Publications. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 156–165. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-156-165>

Введение

В современных международных отношениях позитивный внешнеполитический имидж государства приобретает все большую важность на фоне усиливающейся глобализации и информатизации мирового сообщества, популяризации концепции «мягкой силы», увеличения влияния СМИ на политическую сферу жизни государства. Китайская Народная Республика (КНР) благодаря интенсивному экономическому росту и вовлеченности в международное сотрудничество привлекает к себе внимание мировой общественности, что обуславливает для нее важность формирования корректного внешнеполитического имиджа. При этом он неразрывно связан с внутривнутриполитическим имиджем и восприятием образа собственного государства гражданами.

Вспышка коронавируса COVID-19 в конце декабря 2019 г. в китайском городе Ухань (武汉) провинции Хубэй (湖北), рассматриваемая как изначально негативное событие, тесно связана с государственным имиджем КНР в связи как с местоположением первого очага заболевания, так и с интенсификацией освещения данной темы на протяжении достаточно длительного периода в новостных СМИ, которые формировали общественную точку зрения о влиянии эпидемии на социальную сферу, экономику и международные отношения.

Объектом исследования является государственный имидж Китайской Народной Республики во внутренних новостных сетевых СМИ.

Предметом исследования является выборка новостных статей из сетевых изданий «Жэньминь жибао» (人民日报) и «Гуанмин жибао» (光明日报) на тему пандемии COVID-19 за период с 01.01.2020 по 31.12.2021.

Цель исследования состоит в выявлении специфики освещения эпидемии COVID-19 как метода формирования внутреннего политического имиджа Китайской Народной Республики в новостных сетевых СМИ.

Методы исследования

В ходе исследования был проведен количественный и качественный контент-анализ выборки совокупным объемом в 166 новостных статей на китайском языке. Корпус издания «Жэньминь жибао», являющегося официальным печатным органом Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК), включает 75 статей¹, корпус «Гуанмин жибао» включает 91 статью². Выборка осуществлялась за период с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2021 г. (два года), где каждый месяц рассматривался как микропериод, а каждый год как макропериод в каждом отдельном издании.

Параметры формирования выборки

1. В заголовке статьи обязательно должны были быть представлены две категории ключевых слов или их производных (включая сокращенные варианты использования): первая категория, определяющая, что новость характеризует КНР в целом, а не концентрируется на отдельных регионах и событиях, происходящих в них. Это позволило значительно сузить выборку китайских статей и охарактеризовать процесс формирования внутреннего имиджа для государства — 中国 (Чжунго, Китай), 我国 (во го, наша страна), 全国 (цюаньго, вся страна; по всей стране); вторая категория, определяющая тему статьи, а именно связь с коронавирусной инфекцией, — 新冠病毒 (синьгуань бинду, коронавирус), 疫情 (ицин, эпидемия), 大流行 (далюсин, пандемия), 肺炎 (фэйянь, пневмония).
2. Каждый микропериод (календарный месяц) должен был быть представлен четырьмя статьями, кроме случаев, когда новостное издание не публиковало достаточное количество статей, подходящих под первый параметр. Таким образом, стандартная выборка за макропериод (год) составляет 48 статей.

Контент-анализ выборки включал в себя черты и качественного, и количественного анализа и проводился по ряду параметров.

1. Возможность сформировать выборку новостных статей по выдвинутым критериям за каждый микропериод в корпусе и стандартную выборку за макропериод (48 статей). Диапазон от 40 до 48 ста-

¹ 人民日报 [Жэньминь жибао] [Выборка по наличию категорий ключевых слов в заголовке: 1) Чжунго 中国 [Китай]; 2) синьгуань бинду 新冠病毒 [коронавирус] за период с 01.01.2020 по 31.01.2020 (39 статей)] [Электронный ресурс] // 人民网 [Жэньминь ван]. URL: <http://www.people.com.cn/> (дата обращения: 20.05.2022). (На китайском яз.); 人民日报 [Жэньминь жибао] [Выборка по наличию категорий ключевых слов в заголовке: 1) Чжунго 中国 [Китай]; 2) синьгуань бинду 新冠病毒 [коронавирус] за период с 01.01.2021 по 31.01.2021 (36 статей)] [Электронный ресурс] // 人民网 [Жэньминь ван]. URL: <http://www.people.com.cn/> (дата обращения: 20.05.2022). (На китайском яз.)

² 光明日报 [Гуанмин жибао] [Выборка по наличию категорий ключевых слов в заголовке: 1) Чжунго 中国 [Китай]; 2) синьгуань бинду 新冠病毒 [коронавирус] за период с 01.01.2020 по 31.01.2020 (47 статей)] [Электронный ресурс] // 光明网 [Гуанмин ван]. URL: <https://www.gmw.cn/> (дата обращения: 20.05.2022). (На китайском яз.); 光明日报 [Гуанмин жибао] [Выборка по наличию категорий ключевых слов в заголовке: 1) Чжунго 中国 [Китай]; 2) синьгуань бинду 新冠病毒 [коронавирус] за период с 01.01.2021 по 31.01.2021 (44 статьи)] [Электронный ресурс] // 光明网 [Гуанмин ван]. URL: <https://www.gmw.cn/> (дата обращения: 20.05.2022). (На китайском яз.)

тей является показателем высокой степени освещения событий по заданным параметрам, от 30 до 39 статей — средним, от 29 и ниже — низким.

2. Качественный лексический анализ заголовков новостных статей на наличие оценок событий и авторских эпитетов, связанных с Китайской Народной Республикой.
3. Классификация заголовков с выраженными оценочными суждениями на позитивные, негативные и смешанные (частично отражены позитивные черты, частично негативные).
4. На основании тематики выборки был сформирован список лексических фреймов трех категорий: положительные, нейтральные и отрицательные, которые могли быть использованы репортерами при освещении возникновения и распространения вируса COVID-19. Было выделено 30 фреймов моделирования восприятия публики, где группа положительных коннотаций делает упор на международный имидж КНР; нейтральные фреймы включают медицинскую лексику, связанную с темой новостей; отрицательные фреймы описывают экономические и социальные потери, эмоции и оценки. Список фреймов представлен в таблице 1. Иногда перевод фрейма использует второе лексическое значение слова в связи с частым использованием в данном контексте и в языке.

Таблица

Таблица фреймов контент-анализа

Table. Content Analysis Frames

Категория фрейма	№	На китайском	На русском
Положительные	1	增强 <i>цзэнцянь</i>	укрепить
	2	有效 <i>юсяо</i>	эффективный
	3	联合 <i>ляньхэ</i>	объединить
	4	统一 <i>тунъи</i>	единство
	5	助 <i>чжу</i>	помощь
	6	发展 <i>фацжань</i>	рост
	7	努力 <i>нули</i>	усилия
	8	协助 <i>сечжу</i>	содействие
	9	进步 <i>цзиньбу</i>	прогресс
	10	责任 <i>цзэжэнь</i>	ответственность
	11	信任 <i>синьжэнь</i>	доверие
Нейтральные	12	疫苗 <i>имяо</i>	вакцина
	13	病毒 <i>бинду</i>	вирус
	14	稳定 <i>вэньдин</i>	стабильность
	15	措施 <i>цоши</i>	меры
	16	防控 <i>фанкун</i>	профилактика и контроль
	17	几乎 <i>цзиху</i>	почти
	18	控制 <i>кунчжи</i>	контроль
	19	追求 <i>чжуйцю</i>	стремиться
Негативные	20	中国病毒 <i>Чжунго бинду</i>	Китайский вирус
	21	错 <i>цо</i>	ошибка
	22	担心 <i>даньсинь</i>	обеспокоенность
	23	危机 <i>вэйцзи</i>	кризис
	24	威胁 <i>вэйсе</i>	угроза
	25	难 <i>нань</i>	трудный
	26	危险 <i>вэйсянь</i>	опасность
	27	损失 <i>суньши</i>	ущерб
	28	严重 <i>яньчжун</i>	серьезный
	29	慌张 <i>хуанчжан</i>	паника
	30	失败 <i>шибай</i>	неудача

5. Статистический анализ тональности текстов проводился на основании словаря 台湾大学 NTUSD 简体中文情感词典 (Тайвань дасюэ NTUSD цзяньти чжунвэнь цингань цыдянь, Словарь настроений упрощенного китайского языка NTUSD национального тайваньского университета)¹. Словарь содержит 2810 положительных и 8276 отрицательных слов и словосочетаний. Сущность анализа тональности текстов заключается в машинном вычленении слов в тексте, имеющих положительные и негативные коннотации. Статистически рассматривается соотношение между положительной и негативной лексикой в каждом тексте, а также динамика за отдельный период.
6. Качественный анализ тональности корпуса текстов заключается в выделении наиболее часто встречающихся положительных и отрицательных слов за макропериод.

Возможность формирования выборки

Новостные онлайн-издания Китайской Народной Республики активно освещали события, связанные с COVID-19, но зачастую концентрировались на локальных новостях, в связи с чем новости не содержали обе категории ключевых слов в заголовке. Стоит отметить, что в новостях КНР редко используется латинское название заболевания «COVID-19». В китайских корпусах употребление названия страны 中国 (Чжунго, Китай) в заголовке в основном связано с отражением реакции международного сообщества на деятельность КНР.

В рассмотренных корпусах новостных изданий ни в одном макропериоде выборка не составила 48 статей, однако в обоих изданиях степень освещения была высокой. Следует отметить, что корпус статей «Жэньминь жибао» (人民日报) меньше по объему и за 2020 г., и за 2021 г., нежели корпус «Гуанмин жибао» (光明日报). Выдвигается предположение, что это связано с характером издания статей «Жэньминь жибао» (人民日报), которое является официальным печатным органом ЦК КПК, а следовательно, публикует более краткое отражение событий, концентрируясь на фактах и давая меньше пространства для творческой деятельности журналистов.

Обсуждение

В рамках формирования корпусов новостных статей были сделаны следующие наблюдения: в январе 2020 г. освещение событий, связанных с возникновением и распространением новой коронавирусной инфекции, относится ко второй половине месяца (после 15 января). Подобный тренд обосновывается рядом причин: во-первых, вирус был впервые зарегистрирован 31 декабря 2019 г., при этом данные о вспышке пневмонии были переданы Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) китайскими местными властями, и вплоть до 11 января 2020 г. случаев смерти зафиксировано не было, что подразумевало отсутствие сильного массового публичного беспокойства по поводу возникшего вируса²; во-вторых, 13 января коронавирус нового типа был зафиксирован вне КНР — в Таиланде, что вызвало повышенное внимание мировой общественности к проблеме, а соответственно и СМИ; в-третьих, первый режим изоляции в КНР был введен 23 января 2020 г., что стало поводом для усиления напряжения на международной арене в связи с возможностью дальнейшего распространения нового вируса [1, с. 214]; в-четвертых, в двадцатых числах января того же года были обнаружены зараженные в США и государствах Европы, что стало началом глобального распространения заболевания. Таким образом, вирус COVID-19 стал актуальной темой СМИ именно в период со второй половины января 2020 г., когда он перестал быть локальной эпидемией.

В рамках формирования корпуса «Жэньминь жибао» (人民日报) было отмечено, что в марте 2020 г. большое количество статей было посвящено недовольству китайского правительства клеймлением но-

¹ 台湾大学 NTUSD 简体中文情感词典 [Словарь настроений упрощенного китайского языка NTUSD национального тайваньского университета] [Электронный ресурс] // 自然语言处理实验室 [Лаборатория обработки естественного языка] (сайт). URL: <http://nlg.csie.ntu.edu.tw/> (дата обращения: 01.04.2022). (На китайском яз.)

² Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19 [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения (сайт). URL: <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline> (дата обращения: 20.05.2022).

вой коронавирусной инфекции «китайским вирусом» как со стороны Запада в частности, так и мирового сообщества в целом¹. Несмотря на то, что данные статьи не вошли в корпус в полном объеме, отмечается, что в данном микропериоде (март 2020 г.) они были преобладающими². Процент статей, содержащих данную тему в марте 2020 г. в издании «Гуанмин жибао» (光明日报), меньше, но они также присутствуют в рамках освещения COVID-19 за этот микропериод³. Это доказывает, что формирование позитивного образа государства на мировой арене, в том числе на основании популяризации положительных коннотаций и нивелирования отрицательных, имеет высокое значение для правительства КНР. Март 2020 г. является важной вехой в распространении заболевания и борьбе с COVID-19: 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила ситуацию пандемией⁴, также 29 марта официальный представитель КНР сделал заявление о взятии эпидемии под контроль на территории Китая, что интерпретировалось как победа над коронавирусом⁵. Подобный контраст между событиями — вирус становится глобальной проблемой, но внутренняя политика КНР позволяет эффективно справиться с ним, стал причиной международного напряжения, усиления критики со стороны США, охваченных пандемией.

В ходе анализа была выявлена характерная для внутренних новостных СМИ КНР тенденция — прямое порицание и отрицание обвинений со стороны Запада в сокрытии информации о вирусе на первых этапах распространения, разработке вируса искусственным образом, зачастую с ссылкой на внешние источники, поддерживающие политику КНР⁶. Преобладающее освещение исключительно положительной международной реакции на деятельность китайского правительства внутренними СМИ приводит к различию восприятия имиджа КНР внутри и вне Китая и противоположной интерпретации одних и тех же событий китайскими и иностранными читателями. При этом стоит отметить, что китайские читатели будут достаточно восприимчивы к приемам конструирования положительного имиджа со стороны центрального правительства методами избирательного освещения международной реакции, повышением положительных коннотаций при освещении различных тем, порицанием и категоричным отрицанием теорий и мнений западных СМИ в связи с реализацией системы фильтрации информации «Золотой щит» и высоким контролем правительства над внутренними СМИ.

Таким образом, степень освещения выбранными изданиями темы была охарактеризована как высокая, несмотря на узкую специфику критериев отбора новостных статей. Это говорит в том числе о важности темы в рассматриваемый период для китайского сообщества.

Анализ заголовков корпуса

Специфика заголовков китайских новостных СМИ на рассматриваемую тему заключается в высокой эмотивности, которая проявляется в частом использовании кратких восклицательных предложений, обильном применении положительных эпитетов, что используется для поддержания морального духа

¹ Например, см. [выборка Жэньминь жибао 人民日报 макропериод № 1 статья № 8] 外交部：称新冠病毒是“中国病毒”极不负责任 [МИД: Называть новый коронавирус «китайским вирусом» крайне безответственно]. 05.03.2020 [Электронный ресурс] // 人民网 [Жэньминь ван]. URL: <http://sc.people.com.cn/n2/2020/0305/c345460-33851424.html> (дата обращения: 25.04.2022). (На китайском яз.)

² См. прим.: 张田勘. 称“中国病毒”是绝对错误的 [Чжан Тянькань. Называть «китайским вирусом» абсолютно неправильно] [Электронный ресурс] // 人民网 [Жэньминь ван]. URL: <http://health.people.com.cn/n1/2020/0316/c14739-3163343.html> (дата обращения: 20.05.2022) (На китайском яз.); 外交部：个别媒体妄称“中国病毒”没有任何事实根据 [МИД: Некоторые СМИ безосновательно заявляют о «китайском вирусе»]. 04.03.2020 [Электронный ресурс] // 人民网 [Жэньминь ван]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2020/0304/c1002-31617245.html> (дата обращения: 20.05.2022) (На китайском яз.) и др.

³ См.: [Выборка Гуанмин жибао 光明日报 макропериод № 1 статья № 9] 陆克文批驳美政客给新冠病毒贴“中国”标签：幼稚！ [Кевин Радд порицает то, что американские политики называют новый коронавирус словом «Китай»: наивно!] [Электронный ресурс] // 光明网 [Гуанмин ван]. URL: https://world.gmw.cn/2020-03/12/content_33642570.htm (дата обращения: 20.05.2022). (На китайском яз.)

⁴ WHO Director-General's Opening Remarks at the Media Briefing on COVID-19. 11.03.2020 [Электронный ресурс] // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 20.05.2022).

⁵ Китайские власти заявили об окончании эпидемии коронавируса в стране. 29.03.2020 [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200329/1569310147.html> (дата обращения: 20.05.2022).

⁶ См.: [Выборка Жэньминь жибао 人民日报 макропериод № 1 статья № 13] 俄外长：因新冠病毒向中国提出索赔是绝不容许的 [Глава МИД России: Претензии к Китаю из-за нового коронавируса абсолютно неприемлемы] [Электронный ресурс] // 人民网 [Жэньминь ван]. URL: <http://gu.people.com.cn/n1/2020/0414/c408039-31673387.html> (дата обращения: 20.05.2022). (На китайском яз.)

населения КНР. Таким образом, к заголовкам, ярко выражающим эмоциональную оценку деятельности КНР, были отнесены: заголовки, содержащие восклицательные знаки; заголовки, содержащие оценочную лексику, например, «успешно», «хорошо» и другие; а также отражение мнений о КНР других субъектов международных отношений.

Корпус «Жэньминь жибао» (人民日报) содержит меньшее количество эмоционально окрашенных заголовков нежели корпус «Гуанмин жибао» (光明日报). В 2020 г. процент эмоционально окрашенных заголовков составил 33,3% и 63,8% к общему объему статей соответственно. В 2021 г. процент эмоционально окрашенных статей снизился для обоих корпусов и составил 27,8% и 34% соответственно. Отмечается, что корпус «Жэньминь жибао» (人民日报) содержит меньший процент заголовков, содержащих выраженные оценки о КНР, что может быть обосновано его связью с государственными органами КНР¹. Тенденция к уменьшению эмотивности в заголовках в 2021 г. говорит о снижении актуальности данного вопроса во внутреннем и международном дискурсе и уменьшении тенденции сделать из освещаемого вопроса сенсационный материал, что особенно характерно для КНР, так как в период 2021 г. примененные правительством меры оказали положительный эффект на эпидемиологическую обстановку.

Для обоих корпусов характерно превалирование положительных оценок деятельности КНР в заголовках — за оба макропериода в обоих изданиях процент положительных оценок в заголовках, содержащих оценочные суждения, составляет более 60%. Процентные показатели составляют: для издания «Жэньминь жибао» (人民日报) 76,9% и 60%, для издания «Гуанмин жибао» (光明日报) 70% и 73,3%. Такие высокие показатели положительных оценок подтверждают тезис о том, что КНР целенаправленно моделирует дискурс СМИ, стремясь показать обществу положительные стороны даже изначально отрицательного вопроса, а также намеренно транслирует определенные взгляды международного сообщества на деятельность КНР. Если в иностранных СМИ часто звучали обвинения в сторону КНР о создании вируса в лаборатории, использования его как биологического оружия и другие конспирологические теории, то в КНР транслировалась поддержка и одобрение международным сообществом политики китайского правительства и вера в скорую победу над вирусом². Подобная фильтрация информации создает у китайских читателей отличное от мирового восприятие внутреннего и внешнего имиджа КНР, что может вести к появлению конфликтного потенциала в межкультурной коммуникации, но при этом положительно влияет на восприятие гражданами внутреннего имиджа.

Анализ фреймов

При освещении пандемии коронавируса китайскими СМИ наибольшая доля фреймов приходится на нейтральную лексику (связанная с медициной). Данные фреймы, несмотря на лексический негативный паттерн, не должны рассматриваться как отрицательные, потому что они обоснованы темой новостных сводок, следовательно, отнесены к нейтральной категории. Анализ применения положительных фреймов показал в китайских СМИ важность экономики и технологического прогресса, где ключевые слова 发展 (фачжань, рост), 进步 (цзиньбу, прогресс) отражают именно эту сферу. Лексические единицы 联合 (ляньхэ, объединить), 统一 (тунъи, единство), 助 (чжу, помощь) отсылают к идеям национального единства. Также отражена сфера международного сотрудничества как части имиджа КНР — слова 协助 (сечжу, содействие), 责任 (цзэжэнь, ответственность). Негативные коннотации во фреймах отражены значительно меньше за исключением единицы 严重 (яньчжун, серьезный), которая отражает значение ситуации для китайского правительства. В целом большинство статей, освещающих вопросы коронавируса в КНР, являются отражением того, как КНР помогает и содействует миру, что положительно влияет

¹ 人民日报社简介 [Введение в Жэньминь жибао] [Электронный ресурс] // 人民网 [Жэньминь ван]. URL: <http://www.people.com.cn/gb/50142/104580/index.html> (дата обращения: 20.05.2022). (На китайском яз.)

² См.: [Выборка Жэньминь жибао 人民日报 макропериод № 1 статья № 13, макропериод № 2 статья № 19] 俄外长: 因新冠病毒向中国提出索赔是绝不容许的 [Глава МИД России: Претензии к Китаю из-за нового коронавируса абсолютно неприемлемы] [Электронный ресурс] // 人民网 [Жэньминь ван]. URL: <http://ru.people.com.cn/n1/2020/0414/c408039-31673387.html> (дата обращения: 20.05.2022) (На китайском яз.); 叙利亚声明反对新冠病毒溯源政治化, 高度赞赏中国举措 [Сирия заявляет о своем неприятии политизации отслеживания источника происхождения нового коронавируса и высоко оценивает меры Китая]. 28.06.2021 [Электронный ресурс] // 人民网 [Жэньминь ван]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/0628/c1002-32142661.html> (дата обращения: 20.05.2022). (На китайском яз.)

на внутренний имидж, однако мало коррелируется с международным восприятием внешнего имиджа государства. Таким образом, в рамках фрейминга используются доминирующие положительные коннотации с упором на прогресс и развитие КНР, национальное единство, а также на собственную роль в международном сотрудничестве.

Динамика тональности текстов

На основании анализа соотношения числовых значений положительной и негативной лексики в корпусах новостных изданий на китайском языке можно утверждать о сильном превалировании положительных коннотаций в рамках освещения пандемии COVID-19. Стоит отметить, что присутствие настолько большого объема положительных коннотаций несвойственно для освещения изначально негативной тематики вирусной инфекции, что говорит о целенаправленном влиянии правительства на новостной дискурс и формировании положительного восприятия деятельности правительства через СМИ.

Статьи с превалированием негативной лексики составляют лишь 22–23% в каждом макропериоде корпуса «Жэньминь жибао» (人民日报), для корпуса «Гуанмин жибао» (光明日报) этот показатель находится в диапазоне 18–23% для каждого из макропериодов.

Динамика тональности за два макропериода для корпусов различается незначительно. Этот показатель вычислялся следующим образом: рассчитывался процент от общего количества слов к количеству положительных и отрицательных единиц текста, затем из положительного процента вычитался процент отрицательных коннотаций. В целом можно говорить о том, что тональность корпусов преимущественно положительная за оба макропериода.

Тональность корпуса «Гуанмин жибао» (光明日报) за 2021 г. более положительна нежели за 2020 г., несмотря на то что объем освещения данного издания за 2020 г. выше. Это свидетельствует о высокой оценке СМИ предпринятых правительством мер по борьбе с эпидемией.

Качественный анализ тональности текстов

Самая распространенная положительная лексическая единица для обоих корпусов за два макропериода: 卫生 (вэйшэн, гигиена, санитария, здравоохранение), в обоих корпусах это слово встречается 204 раза. Самое распространенное негативное слово в обоих корпусах: 感染 (ганьжань, заражаться, заражение), оно встречается 181 раз.

Часто встречающимися положительными словами для китайской прессы при освещении пандемии коронавирусной инфекции являются следующие лексические единицы: 进行 (цзиньсин, осуществлять, проводить), встречается 171 раз; 专家 (чжуаньцзя, специалист, эксперт), встречается 157 раз; 合作 (хэцзо, сотрудничать, сотрудничество), встречается 145 раз; 生产 (шэньчань, производить), встречается 142 раза; 安全 (аньцюань, безопасность), встречается 144 раза. Стоит отметить, что данные ключевые слова во многом определяют важные аспекты для имиджа КНР, они на первичном уровне отражают такие ключевые позиции, как важность экономического и технологического развития и усилий государства по их продвижению, стремление к мирному сотрудничеству и ценность безопасности как критерия для существования государства и общества.

В топе популярных негативно окрашенных слов присутствуют следующие лексические единицы: 没有 (мэйю, не иметь, отрицательная грамматическая конструкция), встречается 101 раз; 问题 (вэньти, вопрос, проблема), встречается 93 раза; 患者 (хуаньчжэ, больной, пациент), встречается 57 раз; 紧急 (цзиньцзи, срочный, напряженный, критический), встречается 60 раз; 严重 (яньчжун, серьезный, тяжелый, опасный), встречается 59 раз. В рамках анализа негативных слов можно говорить о том, что коннотация первых двух негативных лексических единиц сильно зависит от контекста и может трактоваться как нейтральная или положительная. Если принять данный факт во внимание как погрешность процента тональности, то можно утверждать о еще более низкой доле отрицательных коннотаций в текстах китайских статей. Стоит также отметить, что количество негативно окрашенных слов значительно ниже,

чем позитивно окрашенных, что еще раз подтверждает факт превалирования положительной тональности новостных статей китайских СМИ. Важной тенденцией для топа популярных негативно окрашенных слов данных корпусов является тот факт, что слова достаточно распространены и не вызывают резкой негативной реакции, как, например, слова «смерть» (*сы 死*), «кризис» (*вэйцзи 危机*), «опасность» (*вэйсянь 危险*).

Результаты исследования

Таким образом, Китайская Народная Республика посредством высокого уровня контроля над средствами массовой информации во внутреннем информационном поле целенаправленно создает положительный имидж государства и правительства. Линия формирования внутреннего и внешнего имиджа соответствует концепции построения социалистического общества с китайской спецификой, содействию строительства сообщества единой судьбы человечества, борьбе с гегемонией и империализмом в мире, решительной защите национального суверенитета, безопасности и интересов развития, а также продвижению сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс — один путь»¹. Данная стратегия в качестве средства формирования имиджа внутри государства обеспечивается за счет наличия даже в изначально отрицательных новостях положительных коннотаций либо нейтральных оценок деятельности китайского правительства, обильного использования эмотивной лексики для поднятия национального духа и увеличения сплоченности, дистанцированности и недопуска любой формы оппозиции к СМИ, цензурирования и табуирования отдельных тем и взглядов в СМИ, подконтрольных государству. Стоит отметить, что китайские читатели достаточно восприимчивы к приемам конструирования положительного имиджа со стороны центрального правительства в связи, во-первых, с отсутствием качественной альтернативы СМИ внутри страны, так как большинство новостных изданий подконтрольны государству, а во-вторых, в связи с ограниченным доступом к информации из-за реализации программы фильтрации «Золотой щит».

На основе проведенного контент-анализа можно утверждать, что на внутренней арене высокий контроль над СМИ и фильтрация информации извне позволяют правительству КНР целенаправленно создавать положительный образ государства в восприятии читателей даже при описании изначально негативной ситуации, такой как эпидемия COVID-19, что отражено в заголовках, тональности текстов, использовании фреймов.

Литература

Семенов А. В., Пшеничная Н. Ю. Рожденная в Ухане: уроки эпидемии COVID-19 в Китае // Инфекция и иммунитет. 2020. Т. 10. № 2. С. 210–220. DOI: <https://doi.org/10.15789/2220-7619-BIW-1453>

Об авторах:

Иванников Никита Сергеевич, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: ivannikov.n78@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1244-1036

Правдина Евгения Ефимовна, бакалавр 4-го курса Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: JanePravdina@mail.ru

¹ 曲青山. 新时代我国对外工作的根本遵循和行动指南 [Цюй Циншань. Основополагающие принципы руководства и практические рекомендации для зарубежной работы страны в новую эру] [Электронный ресурс] // 中共中央纪律检查委员会、中华人民共和国国家监察委员会 [Центральная комиссия по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая, Национальная наблюдательная комиссия Китайской Народной Республики]. URL: https://www.ccdi.gov.cn/lswl/lilun/202111/t20211103_253684.html (дата обращения: 20.05.2022). (На китайском яз.)

References

Semenov A. V., Pshenichnaya N. Y. Born in Wuhan: Lessons from COVID-19 Epidemic in China. *Russian Journal of Infection and Immunity* [Infektsiya i immunitet]. 2020; 10 (2): 210–220. (In Rus.) DOI: <https://doi.org/10.15789/2220-7619-BIW-1453>

About the authors:

Nikita S. Ivannikov, Associate Professor of Higher School of International Relations of Institute of Humanities of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences;
e-mail: ivannikov.n78@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1244-1036

Evgeniia E. Pravdina, 4th Year Bachelor Student of Higher School of International Relations of Institute of Humanities of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: JanePravdina@mail.ru

Методология исследования националистического дискурса в полиэтнической среде¹

Жусупова А. С.¹, Калашникова Н. П.^{2,*}

¹ Eurasian Center for People Management, Алматы, Казахстан

² Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

* e-mail: nerush50@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7667-0383>

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются основные методологические подходы к исследованию политического дискурса национализма в полиэтнических обществах, существующие в мировой исследовательской практике.

Цель. Рассмотреть существующие подходы к изучению проблемы националистического дискурса в современных исследованиях, их преимущества и недостатки.

Задачи. Определить, каковы современные методы изучения националистического дискурса в научной среде, рассмотреть ограничения в их реализации, выявить наиболее перспективные подходы, указать, каковы преимущества и недостатки используемых методологических подходов.

Методология. Для определения преимуществ и недостатков методологических подходов изучения дискурса национализма был применен метод сравнительного анализа. Также в статье использовался метод библиографического анализа данных, чтобы путем поиска и изучения научных материалов и работ ученых сформировать понимание существующих методологических подходов к изучению дискурса национализма, особенно в современных политических процессах.

Результаты. В статье рассмотрены количественные и качественные методы изучения националистического дискурса в полиэтнической среде, отдельно выделены трудности и ограничения при реализации тех или иных методов исследования, а также их недостатки и преимущества. Особое внимание было уделено методу контент-анализа социальных сетей и блогосферы, поскольку на сегодняшний день изучение настроений и степень их влияния в обществе и позиций экспертов в социальных сетях приобретают все большую значимость, в силу растущей широты охвата аудитории в разных странах, а также появления новых форматов участия граждан, таких как онлайн-участие.

Выводы. На сегодняшний день дискурс, связанный с националистическими настроениями, получает наибольшее распространение в Интернете в силу ряда причин, в том числе быстроты и простоты подачи информации, горизонтальности связей. Потому в полиэтнических обществах большое значение следует придавать тщательному изучению контента в социальных сетях, в том числе на предмет влияния «языка ненависти и вражды».

В связи с этим в рамках работы выдвинуты рекомендации по анализу информационного пространства и усилению работы в данном направлении. Немаловажное значение имеет изучение нового направления — интернет-медиации.

Ключевые слова: национализм, националистический дискурс, исследования, методология, межэтническая дистанция, патриотизм

Для цитирования: Жусупова А. С., Калашникова Н. П. Методология исследования националистического дискурса в полиэтнической среде. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023; 17 (1): 166–177.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-166-177>

¹ Данное исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № AP14870265).

Methodology for the Study of Nationalist Discourse in a Multi-Ethnic Environment

Aiman S. Zhussupova^a, Natalia P. Kalashnikova^{b,*}

^a Eurasian center for people management, Almaty, Kazakhstan

^b Assembly of People of Kazakhstan, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

* e-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7667-0383>

ABSTRACT

This article reviews the main methodological approaches to the study of the discourse of nationalism in multi-ethnic societies that exist in international research practice.

Aim. Purpose is to review the existing approaches to the study of nationalist discourse in modern research, their advantages and disadvantages.

Tasks. Objectives are to determine what are the current methods for the study of nationalist discourse in the scientific environment, to examine the limitations of their implementation, to identify the most promising approaches, to specify what are the advantages and disadvantages of the used methodological approaches.

Methods. The comparative analysis method was applied to determine the advantages and disadvantages of the methodological approaches to study the discourse of nationalism. The article also used the method of bibliographic data analysis in order to deepen the understanding of the existing methodological approaches to the study of the discourse of nationalism by searching and studying scientific materials and works of scientists.

Results. The article deals with the quantitative and qualitative methods to study the nationalist discourse in multi-ethnic environment, the difficulties and limitations of the implementation of these or those methods, as well as their advantages and disadvantages. Special attention was paid to the method of content analysis of social networks and blogosphere, since today the study of sentiments in social networks is gaining importance, due to the increasing breadth of audience coverage in different countries as well as the emergence of new formats of citizen participation, such as online participation.

Conclusions. Today, the discourse related to nationalist sentiments is most prevalent in internet, for a number of reasons, including the speed and ease of presenting information and the horizontal connectivity. Therefore, in multi-ethnic societies, great importance should be given to scrutinising content on social media including the use of 'hate speech'. In this regard, the paper makes recommendations for analysing the information space and strengthening work in this direction.

Keywords: nationalism, nationalist discourse, research, methodology, interethnic distance, patriotism

For citing: Zhussupova A. S., Kalashnikova N. P. Methodology for the Study of Nationalist Discourse in a Multi-Ethnic Environment. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023; 17 (1): 166–177.

(In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-166-177>

Введение

Проблематика национализма в силу его значимости и актуальности выступает предметом множества исследований и дискуссий, на сегодняшний день термин и понятие национализма является предметом изучения многих наук, это и психология, политология, социология, история, философия и, безусловно, конфликтология. Более того, с каждым годом число научных работ, посвященных данной проблематике, постоянно растет. К настоящему времени в мировой практике сложилось несколько различных методологических подходов к исследованию вопросов национализма. В их числе в самом общем виде качественная и количественная методология исследований, отдельно в этом контексте стоит контент-анализ социальных сетей и блогосферы, значимость изучения которых приобретает

с каждым годом все большую актуальность по мере охвата аудитории, появления новых форматов участия граждан — онлайн-участие, онлайн-петиции, посредством которого пользователи социальных сетей выражают свою личностную позицию, представляют свою аргументацию. При этом если вести речь об изучении националистических настроений в социальных сетях, то в своих крайних проявлениях они могут выражаться посредством распространения «языка вражды», идей экстремизма, территориальных притязаний, влияния на мировоззренческие настроения молодежи.

Анализ понятия «национализм»

Понятие «национализм» отмечается в более чем тринадцати научных словарях, которые хоть и не носят противоречивый характер, но разнятся в зависимости от временной и политической ситуации. Кроме того, данное понятие имеет множество и околонаучных определений. Как подчеркивают исследователи, понятие зачастую становится объектом для спекуляций, вследствие чего в публичном поле нередко складывается ощущение его неясности или размытости.

Существует несколько школ, трактующих понятие «национализм» по-разному, тем не менее большая часть ученых склонна в основном поддерживать конструктивистский подход в вопросах изучения феномена национализма. То есть для них определяющим является изучение процесса конструирования нации, выявления механизмов ее «изобретения», нежели примордиалистский подход, в рамках которого фокус направлен на многовековую историю того или иного национального сообщества [3, с. 270].

Что же касается самого понятия, то стоит обратиться к подходу К. Вердери, который, безусловно, включает в себя все аспекты национализма: речь идет и об эмоциональной составляющей, и об антитезе «свои — чужие», и о значении символических понятий. Так, исследовательница исходит из того, что национализмом необходимо считать «политическое применение символа нации при помощи дискурса и политической деятельности, а также чувство, которое заставляет людей реагировать на его применение» [1, с. 299]. Согласен с этим пониманием феномена национализма и А. Миллер, полагающий: «Ни один национализм не развивается вне противостояния другому, а иногда и другим национализмам, стремящимся утвердить свои иерархии идентичностей и ценностей» [6, с. 143].

Известный российский этнолог В. Тишков, давая определение понятию «национализм», обосновывает два типа национализма — политический (гражданский) и этнический (этнонационализм). Данные два типа основаны на двух разных пониманиях нации — как политической общности на основе согражданства и как общности на основе общего происхождения, реальных, иногда воображаемых кровно-родственных связей. «Гражданский выступает от имени историко-территориальной, политической общности, этнический — от имени этнического сообщества. Гражданский национализм рассматривается как демократическая идеология и практика нациестроительства, направленная на формирование наций-государств. Этнический национализм обычно понимается как коллективистско-авторитарный, как средство достижения отдельной группой контроля над властью и ресурсами и создания этнически гомогенных государств, чуждых демократии и идеям гражданского общества» [10, с. 178].

Большинство стран мира сегодня — полиэтничные государства, которые включают более одной этнической группы, в отличие от моноэтничных стран. В 1973 г. этносоциолог Д. Уилш в статье «Внутренняя политика и этнические конфликты» отмечал, что из всех государств — членов ООН лишь менее двадцати из них могут называться этнически однородными, моноэтничными, поскольку другие этнические группы составляют в них менее 5% от общей численности населения [17, с. 65].

В полиэтничных государствах реализуется одна из двух основных моделей этнополитики: 1) ассимиляторская, в рамках этнонационализма, 2) политика этнического многообразия. В свою очередь, эти две основные модели этнополитики в теоретическом плане базируются либо на концепции примордиализма, либо на концепции конструктивизма. В то же время на сегодняшний день международное законодательство отошло от идеи ассимиляции малочисленных народов в доминирующее

общество и признает их стремление реализовать особый путь развития, основанный на традиционной культуре¹.

Отдельно стоит отметить и различия в восприятии понятия «национализм». В рамках первого из них речь идет о таких идеях, как искренняя преданность и служение своей нации и народу, объединение ради достижения общих целей, в числе которых, в первую очередь, политическая независимость [5, с. 45].

В то же время вследствие апелляции к идеям национализма, демонстрации своей националистической направленности со стороны многих радикальных организаций национализм стал связываться с религиозной, культурной, этнической нетерпимостью.

И в этом контексте исследователи предлагают «разводить» или «различать» понятия «национализм» и «этнонационализм», исходящий из идеи превосходства одной нации над всеми другими. Современная повестка дня демонстрирует, что «при этом крайние формы такого национализма (шовинизм и ксенофобия, межэтническая дискриминация) относятся к международным правонарушениям»².

Качественная методология исследований

В исследованиях национализма большую часть занимают именно качественные виды исследований или изучение отдельных случаев его проявления, поскольку его социальный анализ лежит на пересечении истории и социологии.

Как и всем научным методам, качественной методологии исследования свойственны как преимущества, так и определенные ограничения. И если в первом случае мы ведем речь о возможности более глубокого понимания сути изучаемых явлений, в контексте национализма речь можно вести об уникальности его выражений в тех или иных случаях, а также возможности их сопоставления. В контексте лимитов использования качественных методов речь идет о проблемах экстраполяции полученных данных или, иначе говоря, о субъективности полученных данных.

В то же время неоспоримым преимуществом качественных исследований является то, что они позволяют нарастить новые знания, которые можно после использовать в исследованиях количественного характера. В частности, они позволяют выявить новые критерии для сравнения, ранее не обозначенные в теориях национализма.

Кроме того, качественные исследования дают возможность понять уникальность объекта исследования, в том числе предоставляют пути для понимания логики происходящих событий. В частности, в фокусе качественных исследований национализма находится сравнение не степени его выраженности, а различных форм его понимания и обозначения.

Трудности, связанные с выбором применения социологических методов исследования национализма связаны с выбором исторического материала, поскольку, как было указано ранее, изучение феномена национализма предполагает и исторический, и социологический контекст. Здесь, как подчеркивают исследователи, необходимо учитывать особенности историко-социологического качественного исследования.

В контексте современности набор социологического инструментария значителен, и в первую очередь это метод включенного наблюдения, который зачастую рассматривается как наиболее трудоемкий, но в то же время наименее экспериментальный или «искусственный» вид исследования. Поскольку исследователь изучает ситуацию «изнутри», в естественной среде. В рамках включенного наблюдения осуществляется изучение социальных связей, проведение визуального анализа или, по сути, изучение социальной географии населенного пункта, а также анализ слухов и страхов и того, на чем они основаны.

¹ Денисюк Н. П. Формирование этнической политики Республики Беларусь в современных условиях // Научные труды Республиканского института высшей школы. Минск, 2007–2008. Вып. 5. С. 75–81.

² Ковалева К. Националистические тексты в социальных сетях : выпускная квалификационная работа [Электронный ресурс]. 2018. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/10563/2/20Kovaleva2.pdf?ysclid=lekd5xxz4v556124636> (дата обращения: 08.12.2022).

Среди других путей изучения повседневных проявлений национализма широко используются методы глубинных интервью, фокус групп, анализ того, как национализм проявляется в существующем публичном дискурсе посредством дискурсного и нарративного анализа.

В то же время, как и любые исследования, исследования национализма не должны сводиться к простой иллюстрации конкретной теории национализма или общей идеи о том, что национализм является социально сконструированным. Главной его целью должно являться приращение нового знания. Как подчеркивают исследователи, важно тщательно соблюдать все требования к определенному для себя дизайну исследования, отдельное внимание следует уделить поиску новых возможностей работы с имеющимся материалом [9, с. 115].

Метод интервью

Вопросы наций и национализма в качественной методологии изучаются методами формализованного, полуформализованного и неформализованного интервью.

В частности, объектом таких исследований могут являться самопрезентации членов националистических групп. Так, исследователи А. Душин и А. Салагаев отмечают, что отбор респондентов для исследования реализуется на основе личной самоидентификации в качестве националиста. При этом, для того чтобы исследование максимально представляло внутригрупповой дискурс национализма, в исследовании должны принять участие как респонденты, которые поддерживают разные националистические взгляды как «умеренные», так и представители ультрарадикального толка [4, с. 25].

Главными показателями в подобных исследованиях выступают этническая и расовая идентичность, конструирование собственной идентичности, а также ее составляющие и связанные с ней образы, мотивы участия в националистических движениях, отношение к лозунгу, отношение к другим этносам, проживающим в стране, готовность использовать силу для получения властных ресурсов и т. д.

Количественный и качественный контент-анализ публикаций в печатных СМИ

В рамках качественной методологии контент-анализа материалами для анализа выступают публикации в СМИ. Первоначально отбираются издания, исходя из их региональной принадлежности или степени востребованности, принципы отбора могут носить разный характер, тем не менее они должны учитывать аудиторию издания. Далее отбираются материалы, которые затрагивают проблематику национализма на основе ключевых слов и смысловых выражений, в последующем осуществляется анализ отобранных материалов.

Под националистическим дискурсом подразумеваются материалы: 1) призывающие к политике ассимиляции и / или аккультурации в рамках построения единой гражданской нации; 2) призывающие к политике сегрегации и изоляционизма для улучшения положения одного этноса (нации) [8, с. 22].

В рамках контент-анализа СМИ могут осуществляться как количественные, так и качественные виды исследований. Во-первых, анализ может быть произведен с помощью создания облака тегов и понимания того, какие слова и в каком контексте используются в контексте националистического дискурса в СМИ.

Во-вторых, анализ может быть произведен в сравнительном временном периоде, что даст понимание, в какой период материалы, посвященные национализму, имели наибольшее распространение и с какими событиями это может быть связано.

В-третьих, в рамках качественного анализа может быть представлена аргументация сторон, которые участвуют в дискурсе и придерживаются противоположных позиций. По сути, данный подход лежит в основе метода критического дискурс-анализа, в рамках которого националистический дискурс рассматривается в рамках определенной смысловой цепочки. В рамках ее изучения можно понять: какие идеологические аспекты были выражены в тексте, как менялось конструирование текстов, какое влияние оказывает социальный контекст и влияет ли он на формирование дискурса [Там же, с. 25].

В рамках контент-анализа широко применяется лингвистический анализ текстов, с помощью которого изучаются применяемые механизмы идеологического манипулятивного влияния, в том числе посредством метафор, которые использует автор. Внимание уделяется важным деталям, таким как: авторская подача материала, в том числе расстановка знаков препинания, конструкция предложения, стилистические особенности. Анализу также может быть подвержен выбор слов, которые используются в интервью или статье. Важной частью националистического дискурс-анализа является анализ программных политических документов и законодательства, которые образуют официальный дискурс [8, с. 26].

Контент-анализ социальных сетей и блогосферы

На сегодняшний день все большую значимость приобретает изучение настроений в социальных сетях, что обусловлено тем, что в Интернете очень легко распространять любые материалы в силу ряда причин, в том числе быстроты и простоты подачи информации, горизонтальности связей. При этом если вести речь об изучении националистических настроений, то в своих крайних проявлениях они могут выражаться в интернет-сфере посредством распространения «языка вражды», идей экстремизма.

Как указывают исследователи, Интернет сегодня — один из наиболее эффективных путей распространения экстремистских идей. Потому в зарубежной практике в полиэтнических обществах большое значение придается тщательному изучению контента в социальных сетях, все большее распространение получает термин «язык ненависти», применение которого предусматривает значимую систему наказаний.

Поиск информации, содержащий «язык ненависти», а именно материалов, содержащих призыв к насильственным действиям представителей конкретной конфессии, национальности, этнической общности, и в целом затрагивающий националистический дискурс, происходит по нескольким направлениям: поиск информации по ключевым словосочетаниям и отдельным словам, по аудиофайлам, видеоматериалам, поиск социальных групп (сообществ), поиск по хештегам. Триггерами могут выступать слова «убить», «уничтожить», «изгнать», которые направлены на представителей тех или иных этнических групп. Тем не менее каждый случай носит свой уникальный характер, иногда разжиганию экстремистских настроений служит какое-то конкретное событие, и отслеживать ключевые слова стоит в привязке к этому событию¹.

К примеру, как материалы националистической направленности в социальных сетях считаются «материалы, включающие пропаганду политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [7, с. 65]. Объектом исследования являются националистические группы данной социальной сети, в качестве индикаторов изучаются слоган группы, транслируемые цитаты, видеозаписи, основная идея, темы обсуждаемых вопросов и т. д. Немало материалов появляется в социальных сетях в последнее время на тему географических и страновых притязаний, такие «вбросы» будоражат общественное мнение, формируют националистические настроения не только на экспертном уровне, но и в молодежной среде.

Исследователи указывают, что при систематическом мониторинге контент-ресурсов, для отслеживания вновь зарегистрированных ресурсов необходимо выявлять связи между организациями, определять уровень их иерархии, ключевых персон, инфлюенсеров.

Также в рамках контент-анализа СМИ отслеживается пропаганда идей расовой, социальной, национальной или этнокультурной исключительности (превосходства).

Пропаганда идеологии экстремизма проявляется в том случае, если унижается достоинство этнокультурной общности или требуется изменение объема их гражданских прав и обязанностей.

Кроме перечисленных, в вопросе рассмотрения и анализа националистических убеждений широко применяется исторический метод исследования, когда в публикациях ученых постепенно воссоздается

¹ Инновационные механизмы профилактики экстремизма: комплексная работа экспертов [Электронный ресурс] // Центр геополитических исследований «Берлек-Единство». 2018. URL: <http://berlek-nkp.com/meropriyatya-obschie/7149-innovacionnye-mehanizmy33-profilaktiki-ekstremizma-kompleksnaya-rabota-ekspertov.html> (дата обращения: 08.12.2022).

история возникновения и развития националистических идей, организаций и лиц, сопричастных к этим процессам [2, с. 111]. При этом методологически исторический метод основан на выявлении подлинности исторических событий, которые указаны в текстах. Главной целью его применения является поиск реальных фактов, которые указали бы на их подлинность и историчность. К первичным источникам в исторической науке в первую очередь относятся архивные документы и предметы материальной культуры. Безусловно, что работа с ними подразумевает владение языком или языками страны, национализм которой анализируется, причем, как подчеркивают исследователи, речь идет не только о современном языке, но и языке исследуемого периода [9, с. 128].

Также в рамках данной тематики проводятся лингво-культурологические исследования в блогосфере, социальных сетях. В качестве методов исследования используются концептуальный, дефиниционный, прагмалингвистический, контекстуальный, этимологический, семантический и социолингвистический анализ.

Особое значение придается профилактике распространения идей экстремистского характера, для чего к работе привлекаются научно-экспертные организации, которые способны сочетать в своей деятельности не только научные подходы, но и осуществлять просветительскую, воспитательскую и культурную деятельность. Организации подобного характера и отдельные эксперты могут осуществлять мониторинг в социальных сетях и публичных медиа на предмет потенциальных экстремистских угроз, организаций, а также делать анализ в отношении того, какие группы лиц или отдельные граждане могут быть подвержены агрессивному и радикальному поведению. Такой опыт накапливается в течение ряда лет Научно-экспертным советом Ассамблеи народа Казахстана, осуществляющего мониторинг в социальных сетях и экспертное комментирование с участием этнокультурного сообщества в СМИ.

Кроме того, эксперты, ученые и аналитики в рамках контактов как с носителями радикальных идей, так и с правоохранительными органами и иными субъектами профилактической работы могут, во-первых, объяснять политические, экономические и иные социальные мотивы, выступающие причинами экстремистской пропаганды и проявления деструктивного поведения. Во-вторых, разрабатывать наиболее оптимальные механизмы, направленные на снижение деструктивного поведения и методы профилактической деятельности¹.

Эксперты могут быть задействованы для анализа внешних условий в отношении потенциальной экстремистской активности, одной из значимых сфер для анализа в этом контексте выступает и интернет-пространство. Кроме того, эксперты должны привлекаться к разработке методологического инструментария для профилактической работы.

Количественная методология

Количественная методология исследований национализма может осуществляться как на основе большой выборочной совокупности, так и на основе малой выборочной совокупности. При этом количественные методы применяются как для проведения мониторинговых и экспресс-исследований, так и в случае кросс-культурных исследований (в рамках нескольких стран).

Экспресс-опросы и массовые опросы

Социологические опросы общественного мнения в форме регулярных мониторинговых мероприятий и экспресс-опросов имеют широкое распространение во многих зарубежных государствах.

Кроме этого, для выявления националистических и ксенофобских настроений в исследованиях активно применяется шкала социальной дистанции Богардуса, которая дает возможность изучить

¹ Инновационные механизмы профилактики экстремизма: комплексная работа экспертов [Электронный ресурс] // Центр геополитических исследований «Берлек-Единство». 2018. URL: <http://berlek-nkp.com/meropriyatiya-obschie/7149-innovacionnye-mehanizmy33-profilaktiki-ekstremizma-kompleksnaya-rabota-ekspertov.html> (дата обращения: 08.12.2022).

дистанцию в социальных контактах между людьми разных этнических групп, безотносительно их личностных качеств, то есть речь идет о том, насколько люди психологически готовы взаимодействовать с людьми другой национальности — сближаться или, напротив, отторгать [13, с. 185]. Индикатором в подобных исследованиях выступает социальная дистанцированность населения по отношению к представителям каких-либо национальностей. Националистические и патриотические установки как формы национальной идентичности изучаются в Германии [14, с. 310]. На основе национальной репрезентативной панельной выборочной совокупности патриотизм граждан изучался через три индикатора — гордость демократическими институтами, поддержка льгот государства всеобщего благосостояния и поддержка политического самоопределения. Операционализация националистических настроений в исследовании была осуществлена через такие показатели, как ощущение гордости за страну, за ее политическое лидерство, экономические успехи, достижения в спорте и ощущение гордости быть гражданином этой страны в целом.

В качестве другого примера можно привести исследование, проведенное индонезийскими исследователями [16, с. 265]. В данном случае национализм изучался исходя из четырех аспектов: любовь к Родине, готовность к самопожертвованию, единство и выносливость. По содержанию анкета состояла из двенадцати утверждений, посредством которых учеными была представлена концепция национализма. Так, любовь к Родине была измерена посредством утверждений:

- «Я представляюсь иностранцам индонезийцем»;
- «Я знаю имена и истории индонезийских героев».

Готовность к самопожертвованию изучалась через следующие утверждения:

- «Я готов работать и служить в отдаленных районах»;
- «Я хочу добровольно помогать жертвам стихийных бедствий Индонезии»;
- «Я готов жертвовать милостыню бедным индонезийцам».

Аспект единства исследовался посредством определения позиций респондентов по отношению к утверждениям:

- «Мне нравится изучать культуру и язык других регионов или разных этнических групп в Индонезии»;
- «Мне нравится участвовать в дискуссиях в моем сообществе»;
- «Я знаю о защите Индонезии».

Индикатор выносливости или привычки «никогда не сдаваться» был воплощен в утверждениях:

- «Я старательно учусь, работаю и пополняю положительный опыт»;
- «Я уверен, что Индонезия может конкурировать с другими великими странами, если я потерплю неудачу»;
- «Я буду стараться, пока не добьюсь успеха».

В качестве шкалы была использована четырехбалльная шкала Лайкерта (варианты ответов «Абсолютно согласен», «Согласен», «Не согласен», «Абсолютно не согласен»).

Психологические методы исследования

Психологический подход направлен на изучение того, как, каким образом люди воспринимают окружающую действительность, связанную со своим и чужими народами (национальными, этническими группами). Начало психологических экспериментальных исследований берет свое начало в конце 1980-х. Одной из ключевых работ в этой сфере является работа специалиста по изучению агрессии С. Фешбаха, также примечательна методика для изучения этнонациональных установок, разработанная и апробированная И. М. Кузнецовым, О. Е. Хухлаевым, а также Н. В. Тканченко. Методика основана на четырех субшкалах:

- националистические установки (неприязненное отношение к представителям иных национальностей);

- патриотические установки (ощущение гордости за свою национальную принадлежность и связи с людьми «своей национальности»);
- нейтральные этнонациональные установки (безразличное отношение к своей национальной принадлежности);
- негативистские этнонациональные установки (отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности).

Указывается, что субшкалы характеризуются внутренней согласованностью, конфигурационной и метрической инвариантностью [12, с. 530]. В ходе исследований психологии национализма и патриотизма также изучается влияние на отношение к мигрантам, уровень межэтнической дистанции.

Количественные исследования национализма на больших выборках

Исследованиями подобного рода в первую очередь являются сравнительные кросснациональные исследования, где используется большая выборочная совокупность стран или большие выборки кейсов для каждой страны.

Каковы особенности и преимущества количественных исследований национализма на больших выборках? Во-первых, они предоставляют возможность не только изучить каждую страну, но также благодаря возможности сравнительного анализа определить ее отличие по изучаемым параметрам. Во-вторых, они дают возможность выявить степень и характер взаимосвязи национализма с другими социальными феноменами, существующими в каждой отдельно взятой стране или общности. Кроме того, подобные исследования допускают эмпирическую проверку теорий национализма в глобальном масштабе.

Одним из примеров таких межстрановых исследований, проводимых регулярно на большой выборочной совокупности, являются исследования, проводимые проектом World Values Survey (WVS). Опросник WVS содержит переменные, релевантные тематике национализма, такие как:

- 1) «Иммигранты / рабочие-иностранцы являются нежелательными соседями?»;
- 2) «Насколько вы гордитесь своей нацией?»;
- 3) «Конечно, мы все надеемся, что очередной войны не будет, но если она начнется, то будете ли вы сражаться за свою страну?»;
- 4) «Когда рабочих мест недостаточно, соотечественники должны получать приоритет перед иммигрантами?»;
- 5) «Что вы думаете о людях из других стран, приезжающих сюда работать? Как вы полагаете, что должно сделать правительство?».

Эти переменные предоставляют различные возможности для операционализации национализма. Каждую из них можно рассматривать отдельно и соотносить с национализмом, национальностью, патриотизмом, национальной идентичностью и близкими понятиями [11, с. 150].

Другим примером межстрановых исследований национализма можно привести исследование, проведенное в Университете Неймегена (Нидерланды) в начале 2000-х гг. Основной целью исследования тогда выступило изучение влияния уровня образования на различные аспекты национализма с использованием данных опроса 1995 г., собранных в 22 странах. В исследовании, результаты которого были позже опубликованы в статье «Влияние образования на национализм и этническую изоляцию: международное сравнение», национализм определялся как чувство национального превосходства и поддержка национального господства. Кроме этого, авторы выделили два измерения национализма: шовинизм и патриотизм. Шовинизм можно охарактеризовать как представление о том, что собственная этническая группа и страна уникальны и превосходят другие. Тогда как патриотизм имеет две ипостаси: слепой и конструктивный. Слепой патриотизм определялся как жесткая и непреклонная привязанность к стране, характеризующаяся безусловной положительной оценкой, стойкой преданностью и нетерпимостью к критике. Конструктивный патриотизм, с другой стороны, был определен как при-

вязанность к стране, характеризующаяся поддержкой вопросов и критикой существующих групповых практик [15, с. 330], конечной целью которых являются позитивные изменения.

Что касается индикаторов национализма, шовинизма и патриотизма, то шовинизм измерялся учеными через понятия, демонстрирующие превосходство своей собственной страны и ее жителей.

Вопросами-индикаторами, которые больше имеют отношение к слепому патриотизму, являлись вопросы относительно восприятия иммигрантов и политических беженцев, в целом отношения респондентов к открытости национальных границ страны. В свою очередь, патриотизм они измеряли через гордость за коллективные блага страны — ее демократию, политическое влияние и экономические достижения.

Таким образом, на сегодняшний день существует множество методологических подходов в изучении националистического дискурса, тем важнее четче определять дизайн исследований в соответствии с поставленными задачами и параметрами рассматриваемой общности.

Если говорить о западной академической науке в этой сфере, то ведущими англоязычными научными журналами в этой области являются такие журналы, как “Patterns of Prejudice” («Конфигурации предрассудка»), “Journal for the Study of Radicalism” («Журнал изучения радикализма»), “Ethnic and Racial Studies” («Этнические и расовые исследования»), “Totalitarian Movements and Political Religions” («Тоталитарные движения и политические религии»), “Nationalism and Ethnic Politics” («Национализм и этническая политика») и “Nations and Nationalism” («Нации и национализм»)¹.

Выводы

На сегодняшний день ряд научных центров во всем мире проводят исследования, направленные на изучение националистических настроений в полиэтнической среде. Они могут быть направлены как на изучение патриотизма, так и на определение, выявление экстремистских настроений, деятельности, направленной на пресечение их распространения.

С точки зрения методологии в современной науке исследования по теме этнонационализма проводятся по междисциплинарному принципу на стыке нескольких наук.

Используются как общенаучные методы (анализ, синтез, системный и структурно-функциональный подходы), так и специальные методы исследования (исторический, социологический, бихевиористский) и лингвистики (структурный метод: анализ поликодового текста, лексико-семантический)². Причем данные методы могут использоваться как основной метод в исследовании, так и в триангуляции с другими методами. Выбор той или иной методологии обусловлен целью, задачами исследования, возможностями и ресурсами, которыми располагает исследователь.

При этом одним из наиболее эффективных путей распространения экстремистских идей является Интернет в силу ряда причин, в том числе быстроты и простоты подачи информации, горизонтальности связей. Потому в зарубежной практике полиэтнических обществ большое значение придается тщательному изучению контента в социальных сетях, появляется термин «язык ненависти», который предусматривает значимую систему наказаний. При этом в Казахстане законодательство, направленное на наказание за использование языка вражды, также достаточно активно применяется, и, как указывают эксперты, первое место как раз занимают этнические обвинения. В этом контексте имеет смысл оказывать влияние, повышать культуру населения, объяснять, что влечет за собой использование «языка вражды, ненависти», вырабатывать в обществе механизмы саморегуляции, толерантность. И здесь роль экспертных сообществ, среди которых представители этнокультурных объединений, неопределима в вопросах сохранения общественного согласия, солидарности и межкультурного диалога.

¹ Умланд А. Почему мы так мало знаем про «Свободу»? Четыре причины отсутствия исследований правого экстремизма в постсоветской Украине [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39520/1/cc_2013_22.pdf (дата обращения: 08.12.2022).

² Ковалева К. Националистические тексты в социальных сетях : выпускная квалификационная работа [Электронный ресурс]. 2018. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/10563/2/20Kovaleva2.pdf> (дата обращения: 08.12.2022).

Необходимым также является дальнейшее развитие научных институтов, деятельностью которых является изучение межэтнической обстановки в регионах в местах компактного проживания этносов, а также в приграничных районах, с использованием качественных методов исследования, таких как, в частности, включенное наблюдение с последующей разработкой рекомендаций, направленных на укрепление межэтнической солидарности и ценностей общегражданского характера. Немаловажное значение имеют образовательные программы. Так, в ЕНУ имени Л. Н. Гумилева на факультете международных отношений кафедрой Ассамблеи народа Казахстана в 2021 г. открыта инновационная магистерская научно-педагогическая образовательная программа «Этнополитология», по которой обучается двадцать один магистрант — будущие профессиональные этнополитологи.

Литература

1. Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм» // *Нации и национализм* / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. М. : Праксис, 2002. С. 297–307.
2. Верховский А., Прибыловский В., Михайловская Е. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М. : Информационно-экспертная группа «Панорама». 1998. 204 с.
3. Головин М. Националистический дискурс: теоретические проблемы и дискуссии // *Политическая экспертиза: Политэкс*. 2022. Т. 14. № 2. С. 260–272. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2018.204>
4. Душин А., Салагаев А. «Я горжусь тем, что я — русский человек...»: образы русского национализма в риторике участников национал-патриотических групп // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Серия «Социальные науки»*. 2008. № 3 (11). С. 27–37.
5. Кон Х. Идея национализма // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М. : Новое издательство, 2010. С. 27–61.
6. Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // *Pro et Contra*. 1997. Т. 2. № 4. С. 141–152.
7. Оселков А. Особенности влияния на молодежную аудиторию материалов экстремистской направленности // *Российский психологический журнал*. 2011. Т. 8. № 1. С. 64–73.
8. Попов Е. Анализ националистического дискурса в России (на эмпирических материалах Архангельской области) // *Псковский регионалогический журнал*. 2018. № 2 (34). С. 16–29.
9. Сравнительная социология : учебник / под ред. А. В. Резаева. СПб. : Издательство С.-Петербург. гос. ун-та, 2015. 399 с.
10. Тишков В., Шабаяев Ю. Этнополитология: политические функции этничности. М. : Издательство Московского университета. 2019. 416 с.
11. Фабрикант М. С. Национализм в современном мире: сравнительное межстрановое исследование // *Общественные науки и современность*. 2013. № 1. С. 141–153.
12. Хухлаев О. Е., Кузнецов И. М., Ткаченко Н. В. Разработка и адаптация методики «Шкала этнонациональных установок» // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 15. № 3. 2018. С. 527–542.
13. Хымович О. Сравнительный анализ уровня этносоциальной дистанцированности среди населения Львовской области, имеющего опыт трудовой миграции // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2014. № 4 (36). С. 180–187.
14. Blank T., Schmidt P. National Identity in a United Germany: Nationalism or Patriotism? An Empirical Test with Representative Data // *Political Psychology*. 2003. Vol. 24. No. 2. P. 289–312.
15. Coenders M., Scheepers P. The Effect of Education on Nationalism and Ethnic Exclusionism: An International Comparison // *Political Psychology*. 2003. No. 24. P. 313–343. DOI: <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00330>
16. Satrio K., Solehuddin M. [et al.] Nationalism Attitude of Indonesian Citizen: A Survey // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, Atlantis Press. 2019. Vol. 353. P. 264–266. DOI: [10.2991/icosi-hess-19.2019.45](https://doi.org/10.2991/icosi-hess-19.2019.45)
17. Welsh D. Domestic Politics and Ethnic Conflict // *Survival*. 1993. Vol. 35. No. 1. P. 63–80. DOI: <https://doi.org/10.1080/00396339308442674>

Об авторах:

Жусупова Айман, руководитель проектов в Eurasian Center for People Management (Алматы, Казахстан), кандидат политических наук;
e-mail: aimana1981@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5952-703X>

Калашникова Наталья Павловна, заведующая кафедрой Ассамблеи народа Казахстана (АНК), Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан), доктор политических наук, профессор;
e-mail: nerush50@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7667-0383>

References

1. Verdery K. Where Are “Nation” and “Nationalism” Going? Nations and Nationalism. Ed. by B. Anderson, O. Bauer, M. Khrokh [et al.]. Moscow : Praxis. 2002: 297–307. (In Rus.)
2. Verkhovskij A., Pribylovskij V., Mikhajlovskaya E. Nationalism and Xenophobia in Russian Society. Moscow : Information-expert group “Panorama” 1998. 204 p. (In Rus.)
3. Golovin M. Nationalist Discourse: Theoretical Problems and Discussions. *Political Expertise: Politeks* [Politicheskaya ekspertiza: Politeks]. 2022; 14 (2): 260–272. (In Rus.) DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2018.204>
4. Dushin A. V., Salagaev A. L. “I Am Proud That I Am Russian”: The Images of Russian Nationalism in the Rhetoric of Members of Nationalist Groups. *Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series “Social Sciences”* [Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo: Seriya «Social’nye nauki»]. 2008; 11 (3): 27–37. (In Rus.)
5. Kohn H. The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background. N. Y. : The Macmillan Company, 1944. 535 p.
6. Miller A. On the Discursive Nature of Nationalisms. *Pro et Contra*. 1997; 2 (4): 141–152. (In Rus.)
7. Oselkov A. A. Features of the Materials of Extremist Orientation Influence on Youth Audience. *Russian Psychological Journal* [Rossiyskiy psikhologicheskij zhurnal]. 2011; 8 (1): 64–73. (In Rus.)
8. Popov E. V. Analysis of Nationalist Discourse in Russia (Based on Empirical Materials of the Arkhangelsk Region). *Pskov Regional Journal* [Pskovskiy regionologicheskij zhurnal]. 2018; 34 (2): 16–29. (In Rus.)
9. Comparative Sociology: A Textbook. Ed. by Rezaev A. V. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University, 2015. 399 p. (In Rus.)
10. Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. Ethnopolitology: Political Functions of Ethnicity. Moscow : Moscow University Press. 2019. 416 p. (In Rus.)
11. Fabrikant M. S. Nationalism in the Modern World: A Comparative Cross-Country Study. *Social Sciences and Modernity* [Obshchestvennyye nauki i sovremennost’]. 2013; (1): 141–153. (In Rus.)
12. Khukhlaev O. E., Kuznetsov I. M., Tkachenko N. V. Development and Adaptation of the Methodology “Scale of Ethno-National Attitudes”. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics* [Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki]. 2018; 15 (3): 527–542. (In Rus.)
13. Hymovich O. S. Comparative analysis of the level of ethnosocial distancing among the population of the Lviv region with experience of labor migration. *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences* [Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, Seriya: Sotsial’nyye nauki]. 2014; (4 (36)): 180–187. (In Rus.)
14. Blank T., Schmidt P. National Identity in a United Germany: Nationalism or Patriotism? An Empirical Test with Representative Data. 2003. *Political Psychology*. 24 (2): 289–312.
15. Coenders M. and Scheepers P. The Effect of Education on Nationalism and Ethnic Exclusionism: An International Comparison. *Political Psychology*. 2003; (24): 313–343. DOI: <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00330>
16. Satrio K., Solehuddin M. [et al.] Nationalism Attitude of Indonesian Citizen: A Survey. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Atlantis Press. 2019; 353: 264–266. DOI: 10.2991/icosihess-19.2019.45
17. Welsh D. Domestic Politics and Ethnic Conflict. *Survival*. 1993; 35 (1): 63–80. DOI: <https://doi.org/10.1080/00396339308442674>

About the authors:

Aiman S. Zhussupova, Project Manager at Eurasian Center for People Management (Almaty, Kazakhstan), PhD in Political Sciences;
e-mail: aimana1981@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5952-703X>

Natalia P. Kalashnikova, Head of Department at Assembly of People of Kazakhstan of Eurasian National University (Astana, Kazakhstan), Doctor of Science (Political Sciences), Professor;
e-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7667-0383>

26.01.2023

Новости Евразийской экономической комиссии

Итоги заседания Совета ЕЭК 25 января 2023 г.

В Москве в очном формате 25 января состоялось заседание Совета Евразийской экономической комиссии под председательством заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Алексея Оверчука с участием членов Совета ЕЭК и Председателя Коллегии ЕЭК Михаила Мясникова.

С 1 января 2023 года Российская Федерация в течение года председательствует в органах ЕАЭС — Высшем Евразийском экономическом совете, Евразийском межправительственном совете и Совете Евразийской экономической комиссии.

Совет ЕЭК утвердил условия производства, при выполнении которых товар считается произведенным в ЕАЭС и может быть допущен к госзакупкам в государствах Союза, еще по 55 товарным позициям. Соответствующие изменения внесены в приложение № 1 к Правилам определения страны происхождения отдельных видов товаров для целей госзакупок. В число таких товаров вошли аэродромные тягачи, 3D-принтеры, микрофоны, громкоговорители, телефоны, звуковые установки, схемы устройств и блоков питания вычислительных машин, сканеры, биометрические комплексы, светодиоды, волоконно-оптические кабели, дыхательные аппараты и другие товары. Внесенные изменения коснулись пяти отраслей: станкостроения, специального машиностроения, производства медицинских изделий, музыкальных инструментов, а также звукового оборудования, электроники и радиоэлектроники.

Совет Евразийской экономической комиссии принял решение о временном обнулении ставки ввозной таможенной пошлины на пластифицированный поливинилхлорид для производства обоев — по 29 февраля 2024 года включительно. Действующая ставка ЕТТ ЕАЭС на данный товар составляет 6,5%.

Перечень карантинных объектов ЕАЭС дополнен новым видом вредного организма, установлено требование о том, что семенной и посадочный материал должен быть свободен от данного карантинного объекта.

Совет Евразийской экономической комиссии утвердил изменения в Типовые схемы оценки соответствия. Решение Совета ЕЭК создает условия для улучшений организационно-распорядительного характера в этой сфере. Они позволят мобильно вносить правки в документы об оценке соответствия Союза (сертификаты и декларации) при изменении наименования юридического лица или фамилии и инициалов индивидуального предпринимателя, а также изменении отдельных реквизитов адреса места производства продукции (речь идет, например, о переименовании города, улицы, изменении почтового индекса, номера дома) при условии неизменности фактического места производства. Это облегчит работу действующих хозяйствующих субъектов стран ЕАЭС.

Участники заседания Совета Евразийской экономической комиссии одобрили совместные прогнозы развития агропромышленного комплекса и совместные индикативные балансы спроса и предложения на 2023 год по отдельным сельскохозяйственным товарам.

В ходе заседания одобрен доклад Комиссии о макроэкономической ситуации в государствах ЕАЭС и предложения по обеспечению устойчивого экономического развития. Он будет представлен на ближайшем заседании Евразийского межправительственного совета.

Одобен проект повестки дня заседания Евразийского межправительственного совета, которое состоится 2–3 февраля 2023 года в г. Алматы, Республика Казахстан.

Отдел информационного обеспечения Департамента протокола и организационного обеспечения ЕЭК (<https://eec.eaeunion.org/news/itogi-zasedaniya-soveta-eek-25-yanvarya-2023-g/> 26.01.2023)

03.02.2023

Итоги заседания Евразийского межправительственного совета 2 – 3 февраля 2023 года



Главы правительств стран Евразийского экономического союза на заседании Евразийского межправительственного совета, которое состоялось 2–3 февраля в Алматы (Республика Казахстан) в очном формате, рассмотрели восемь вопросов.

Евразийский межправительственный совет утвердил правила доступа к услугам по межгосударственной передаче электрической энергии (мощности) в рамках общего электроэнергетического рынка ЕАЭС. Это первая часть из пакета правил, необходимых для запуска общего электроэнергетического рынка, которые предстоит принять главам правительств ЕАЭС.

Главы правительств стран ЕАЭС поддержали предложение Евразийской экономической комиссии по включению в совместный интеграционный проект «Евразийский агроэкспресс» перевозок, осуществляемых по международному транспортному коридору «Север — Юг» в направлении Туркменистана, Исламской Республики Иран, Объединенных Арабских Эмиратов и Республики Индия.

Евразийский межправительственный совет принял решение о внесении изменений в Положение о разработке, финансировании и реализации межгосударственных программ и проектов в сфере промышленности. Данный документ действует в рамках Евразийского экономического союза уже 5 лет, с февраля 2018 года, и в настоящее время возникла потребность в корректировке его отдельных норм.

На заседании Межправсовета Евразийская экономическая комиссия представила доклад о макроэкономической ситуации в государствах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития. В докладе содержится информация о текущих тенденциях развития мировой экономики, динамике и перспективах экономического развития государств ЕАЭС, проанализированы препятствия для роста и предложены принципы и критерии поддержки развития экономик стран Союза.

Следующее заседание Евразийского межправительственного совета состоится 7–9 июня в г. Сочи (Российская Федерация).

В заседании Евразийского межправительственного совета приняли участие главы правительств стран Евразийского экономического союза — Председатель ЕМПС, Председатель Правительства

Российской Федерации Михаил Мишустин, Премьер-министр Республики Армения Никол Пашинян, Премьер-министр Республики Беларусь Роман Головченко, Премьер-Министр Республики Казахстан Алихан Смаилов, Председатель Кабинета Министров Кыргызской Республики Акылбек Жапаров, а также Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Михаил Мясникович и главы правительств государств-наблюдателей при ЕАЭС — Премьер-министр Республики Узбекистан Абдулла Арипов (очно) и Премьер-министр Республики Куба Мануэль Марреро Крус (по видео).

Документы, подписанные по итогам заседания Евразийского межправительственного совета:

- Распоряжение «О макроэкономической ситуации в государствах — членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития»;
- Решение «О внесении изменений в Положение о разработке, финансировании и реализации межгосударственных программ и проектов в промышленной сфере»;
- Распоряжение «О внесении изменения в перечень товаров, по которым осуществляется подготовка индикативных балансов»;
- Решение «Об утверждении Правил доступа к услугам по межгосударственной передаче электрической энергии (мощности) в рамках общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза»;
- Распоряжение «О внесении изменений в распоряжение Евразийского межправительственного совета от 21 июня 2022 г. № 11»;
- Распоряжение «О дальнейшем развитии интегрированной информационной системы и цифровой повестки Евразийского экономического союза»;
- Распоряжение «О ходе реализации совместного проекта государств — членов Евразийского экономического союза по осуществлению ускоренных железнодорожных и мультимодальных перевозок сельскохозяйственной продукции и продовольствия «Евразийский агроэкспресс»;
- Распоряжение «О времени и месте проведения очередного заседания Евразийского межправительственного совета».

03.02.2023

ЕЭК и Исполком СНГ подписали план сотрудничества на 2023–2025 годы



План мероприятий на 2023–2025 годы по реализации Меморандума об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств подписали Председатель Коллегии ЕЭК Михаил Мясникович и Генеральный секретарь СНГ Сергей Лебедев 3 февраля в Алматы.

План предполагает реализацию совместных проектов и проведение мероприятий. Особое внимание в нем уделено вопросам устранения существующих барьеров во взаимной торговле, развитию сотрудничества по реализации масштабных совместных проектов и цифровизации экономики. Также планируются консультации для выработки подходов по сопряжению права ЕАЭС и нормативной базы СНГ, в том числе в части устранения противоречий между проектами нормативных правовых актов, разрабатываемых в ЕАЭС и СНГ.

Кроме того, документом предусмотрено содействие вовлечению в процессы функционирования ЕАЭС и СНГ молодежи, общественных объединений и бизнес-сообществ, что ориентировано на повышение прозрачности работы двух структур и большей информированности граждан о сути экономических интеграционных процессов.

Документ обеспечит переход к сутевой работе между Союзом и СНГ, а также наполнение конкретной сотрудничества между ЕЭК и Исполкомом СНГ.

Справка

Меморандум об углублении взаимодействия между ЕЭК и Исполнительным комитетом СНГ был подписан 27 ноября 2018 года. Он предусматривает сотрудничество в сферах таможенного регулирования, прослеживаемости и маркировки товаров средствами идентификации, государственных закупок, защиты прав потребителей, цифровой экономики, налоговой политики и администрирования, внешней торговли, конкурентной политики и антимонопольного регулирования, а также санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер. Меморандум дает возможность представителям органов ЕАЭС и СНГ участвовать в заседаниях экспертных групп, проводимых на площадках ЕЭК и органов Содружества, а также в заседаниях консультативных органов при Коллегии Комиссии и органов отраслевого сотрудничества СНГ.

*Отдел информационного обеспечения Департамента протокола
и организационного обеспечения ЕЭК*

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей должен быть не более 40 000 знаков, но не менее 16 000 знаков с пробелами.

Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 слов. В реферате обязательно указываются: **Цель, Задачи, Методология, Результаты, Выводы** (по 1–2 предложения для каждого пункта), в английском варианте, соответственно, **Aim, Tasks, Methods, Results, Conclusion**.

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова — 5–7 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования).

Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы.

М. : Прогресс, 1972.

– публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– статьи в научных журналах:

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. *Манойло А. В.* Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии.

Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psuwar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler MediaGroup. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2023. Том 17, № 1

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.03.2023.

Подписано к печати 31.03.2023.

Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,5. Тираж 100 экз.

Заказ № 1/2023.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72